ИСК@ТЕЛЬ

ДЕТЕКТИВ ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ 8'2002

Анатолий КОВАЛЕВ

ОКО ЗА ОКО!..

ИСКАТЕЛЬ 2002

№ 8

ИСК@ТЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1961 ГОДА
ДЕТЕКТИВ • ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

2002

8

8 (283)
2002

*

© «Книги «ИСКАТЕЛЯ», 2002

Содержание:

Анатолий КОВАЛЕВ
ОКО ЗА ОКО
Повесть
Рудольф ВЧЕРАШНИЙ
ДЕТЕКТИВ СТУДЕНЧЕСКИЙ
Рассказ
Наталья НЕЧИПОРЕНКО
ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК
Рассказ
Константин ПРОКОПОВ
НАВЕРНОЕ, БОГ
Рассказ
Виталий РОМАНОВ
РЕКВИЕМ ПО САМОМУ СЕБЕ
Рассказ
Ричард ДЕМИНГ
ЗАТМЕНИЕ
Рассказ

Анатолий КОВАЛЕВ

ОКО ЗА ОКО

Анатолий КОВАЛЕВ
ОКО ЗА ОКО

1

Никогда не доверяйте бывшим любовницам! И не ищите с ними встречи! Все ваши слабости они знают назубок и прекрасно могут ими пользоваться. Вы для них всего лишь осколок прошлого, пусть даже счастливого прошлого, но кто же дорожит осколком? Если бы я только мог предположить, чем закончится мой невинный порыв, естественное желание возвратиться в прошлое! Каждого человека с возрастом начинают посещать призраки его детства и юности. Мне стукнуло всего лишь тридцать шесть, и я, кажется, влип.

Эти самые «призраки» заставили меня два месяца назад совершить опрометчивый поступок. Я позвонил Александре, или просто Шурке, с которой не виделся почти десять лет. Мне показалось, что она не очень обрадовалась звонку. Время было позднее, и, наверное, где-то поблизости находился муж. Мы просто обменялись телефонами. Она продиктовала свой рабочий, а я — телефон сестры, у которой остановился в Екатеринбурге.

Чего я, собственно, добивался? Думал, что женщина, некогда вступившая со мной в связь, будет ждать вечно и примет с распростертыми объятиями? Святая наивность — самая верная моя подружка! Но, с другой стороны, почему бы нам с Шуркой не посидеть вечерок-другой в тихой, уютной забегаловке и не вспомнить нашу бесшабашную, совковую молодость? И чтобы она при этом обязательно курила «Приму». Папироса, вставленная в желтоватый, почти янтарный, мундштук, придавала Шурке неповторимую — вальяжность.

Так вот, я решил больше ей не звонить. Не люблю навязываться.

А неделю спустя, спозаранку, меня растолкала сестра и сунула под щеку мобильник.

— Женька, спишь? — услышал я знакомый голос. — А когда-то вставал на работу в половине шестого!

— Да, были времена! — выдало мое полусонное сознание и тут же погрузило меня обратно в небытие.

Вероятнее всего, на следующую Шуркину реплику я ответил храпом, потому что она закричала:

— Да, проснись же, бестолочь! Мне надо срочно с тобой увидеться!..

Мы договорились встретиться в ее обеденный перерыв на Первомайской. Чего со мной только не случалось на этой улице! Здесь я когда-то впервые поцеловался. Здесь столкнулся с одним стариком, который предсказал мне мое будущее, прямо как оракул в древнегреческой трагедии. Здесь, наконец, я обменивался грампластинками с меломанами, и однажды был обворован и побит. Да, мало ли что происходит с нами на определенных улицах? Стоит ли всему придавать значение? Во всяком случае, с Шуркой мы здесь встречались впервые, и я, по правде говоря, боялся ее не узнать. Не стану врать, что косметолог по имени Время не поработал над милым личиком моей бывшей подруги. Однако беспощадность к женщинам — не мой конек. Скажу только, что каштановые волосы Александры показались мне чересчур рыжими, а васильковые глаза, прежде всегда смеявшиеся, нынче смотрели холодно, деловито.

Мы обменялись парой ничего не значащих фраз, и она предложила отобедать в забегаловке, неподалеку от Дома офицеров. Я прекрасно знал эту столовку. Когда-то она славилась разнообразием в меню и превосходной, горячей выпечкой. Призраки прошлого тут как тут приземлились вместе с нами за столик. Я почувствовал себя так хорошо, словно погрузился по самую макушку в молочную реку с кисельными берегами из старой-престарой сказки. При этом от меня не укрылось беспокойство Александры, она теребила в руках салфетку и все время оглядывалась по сторонам.

Едва мы взялись за приборы, как за моей спиной раздалось:

— Можно к вам присоседиться?

— Конечно-конечно! — почему-то обрадовалась Шура. — Знакомься, Женя. Это моя начальница Лиза Кляйн.

Лиза совсем не была «кляйн», а напротив — высокая, стройная дама лет сорока. Коротко остриженная брюнетка в очках. А из-под очков — будто два щупальца! Она ощупала меня взглядом и уселась за наш столик, спугнув моих дорогих «призраков».

— Мне Шурочка много рассказывала о вас, — начала она почти светский разговор. — Давно вы живете в Москве?

— Пять лет.

— А к нам надолго?

О своих личных делах, а тем более планах, я стараюсь не распространяться. Даже сестра ничего о них не знает. Поэтому разговор быстро угас. Женщины заговорили о работе, а я строил из себя агента ЦРУ, проникшего в тайну их занудной канцелярщины. Встреча с бывшей подругой была вероломно отравлена. Со

скучающим видом я жевал лангет и думал о том, как бы поскорее избавиться от этих болтушек, навязавшихся на мою голову.

Шурка позвонила в тот же вечер, извинившись за нелепое свидание, и тут же назначила новое.

На другой день я прождал ее не менее получаса у здания филармонии, и мое терпение окончательно лопнуло. Я ведь уже не мальчик, чтобы участвовать во всяких девичьих розыгрышах!.. Розыгрыш — это первое, что пришло на ум. В правильности сделанного вывода я убедился через пару минут, когда рядом остановилась малолитражка «БМВ», с затемненными стеклами. Я даже отступил на шаг, когда перед самым моим носом распахнулась дверца этой сверкающей штуковины, похожей на старинный женский башмак.

— Ждете, бедненький? — с состраданием улыбнулась мне Лиза Кляйн. И вновь ее глаза-щупальца, будто проверили, из какого материала сотворила меня мать-природа. — А Шурочка не придет. У нее дома неприятности. Я постараюсь ее заменить.

Что за абсурдное предложение? О чем я буду вспоминать с Лизой Кляйн? Такие вопросы я задавал себе в тот миг, решив вежливо откланяться. Но не тут-то было.

— Поедемте к «Рустому», — предложила она. — Там подают бараньи почки и отличное вино. Славно проведем вечер.

Я так не думал. Эта женщина мне совсем не нравилась. Еще больше мне не нравилось ее неожиданное появление. Во всем угадывался коварный замысел. Женщины часто водят нас за нос, и, как правило, мы слишком поздно начинаем это понимать. В данный момент я был ловко подцеплен на крючок. Дело в том, что бараньи почки и отличное вино — моя слабость. И я, разумеется, нисколько не сомневался в том, кто именно поведал Лизе Кляйн о столь пикантных подробностях моей натуры.

Она предпочитала табачные, терпкие запахи духов, а я их едва выносил. До ресторана было рукой подать. Я первым делом заказал бутылку лангедокского. Стоит испробовать один глоток этого волшебного вина, отдающего миндальным орехом, и вам уже не мешают запахи вокруг. Я почувствовал себя на седьмом небе. Вот только говорить нам было решительно не о чем. Кроме того, я серьезно подозревал свою бывшую подругу в сводничестве, и это не прибавляло мне настроения.

— Вы, кажется, какое-то время жили за границей? — поинтересовалась Лиза.

— Гостил у дальних родственников в Кечкемете.

— Вот как? — изобразила она что-то наподобие улыбки. — В ваших венах течет мадьярская кровь?

— Мой отец был наполовину венгром.

Я еще не понимал, куда она клонит, но попытался увести разговор в другое русло, начав травить байки о моем отце. Папа походил на героя оперетты Кальмана и за свою веселость и экспрессивность удостоился клички «Чардаш». Он был такой яркой личностью, что и сейчас, двадцать лет спустя после его смерти, наши родственники, собираясь вместе, рассказывают об отце разные небылицы.

— А вот моего папу вы наверняка знали, — прервала Лиза мои воспоминания. Дрожащей рукой она поднесла к губам сигарету и резко щелкнула зажигалкой.

— Никого по фамилии Кляйн я в своей жизни не встречал. Вы — первая.

— Моя девичья фамилия Широкова. Лиза Широкова. А моего папу звали Николаем Сергеевичем. Николай Сергеевич Широков.

— Что-то припоминаю, — сделал я задумчивое лицо. На самом деле, я сразу понял, о ком идет речь. Постепенно до меня стало доходить, что наша встреча и вчерашнее знакомство, равно как и утренний звонок бывшей подруги не случайны.

— Вы ведь когда-то вместе с Шурой работали на военном заводе, продолжала она атаку на мою память. — А мой отец был там главным инженером. Как раз в восьмидесятые годы…

— Ну да, конечно!

Дальше притворяться было бессмысленно.

— И вы прекрасно знаете, что случилось с моим папой. — Она напирала на меня так, будто хотела в чем-то уличить.

— Его убили. Это было, кажется…

— В восемьдесят восьмом, — подсказала Лиза. — Второго мая. В собственной квартире. В нашей с ним квартире. Надели на голову полиэтиленовый кулек и сдавили горло удавкой. Говорили, что сработано профессионально. Только этот самый «профессионал» был кем-то из его знакомых, кому отец доверял. Ведь дверь не была взломана. И папа сидел в непринужденной позе. И в пепельнице еще тлела сигарета, когда домработница обнаружила его труп. А я в это время ругалась с мужем. Ругалась на чем свет стоит.

— С Кляйном? — осторожно поинтересовался я.

— Фамилия моего первого мужа — Ведомский. Мы прожили вместе пять лет, и дело шло к разводу. Я как раз колотила посуду, его фамильный сервиз, когда зазвонил телефон и наша домработница

сообщила… — Она полезла в сумочку за носовым платком.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — спросил я напрямик.

Лиза Кляйн сидела, опустив голову, и теребила в руках платок, так и не применив его по назначению.

— Зачем рассказываю? — переспросила она и вдруг резко подняла голову, снова ощупав меня взглядом, быстрым и пронзительным, будто в последний раз хотела удостовериться в надежности материала, из которого я скроен. — Я хочу, чтобы вы нашли убийцу моего отца!

— Вы с ума сошли! Почему вы решили?..

— Потому что вы можете это сделать! — не давала она мне опомниться. — Я в курсе всех ваших блистательных разоблачений за последние пять лет.

— Я всего лишь журналист, и мои разоблачения в основном касались пропажи картин и предметов антиквариата, — как мог, оборонялся я.

— Это не имеет значения. Вы работали тогда на заводе, вместе с отцом. Вам знакомы те люди, с которыми он общался. У вас прекрасные аналитические способности. А я не пожалею никаких денег, чтобы узнать тайну гибели моего отца.

— Послушайте, Лиза, — предпринял я последнюю попытку переубедить ее, — прошло тринадцать лет. Сколько всего случилось за это время *с* нами и с нашей страной…

— Не надо красивых слов, Евгений! Вам приходилось разыскивать картины, похищенные еще до революции. Чего только не случилось с тех пор с нашей страной!

Она была слишком хорошо была осведомлена о моих делах и моем прошлом. Конечно, здесь не обошлось без Шурочки, в распоряжении которой была целая неделя для сбора полезной информации.

— Насколько я могу судить, ваши финансовые дела сейчас не в лучшем состоянии. И та кругленькая сумма…

Мои «финансовые дела»? Здорово звучит! Последние десять лет живу, как бродяга, довольствуясь случайными заработками. И об этом, кажется, она тоже знала. А, собственно, почему бы не заработать? Подумаешь, старое, нераскрытое убийство. Попробовать можно, а не получится — никто не взыщет.

Примерно так рассуждал я два месяца назад. И под воздействием лангедокского вина, отдающего миндальным орехом, и нежнейших, вымоченных в черносливовом соусе бараньих почек, согласился. Хотя эта женщина мне не нравилась. Все в ней — запах духов, ощупывающий взгляд, резковатый голое — отталкивало.

— Имейте в виду, — предупредил я, — если в деле вашего батюшки замешана политика, то я — пас.

— С чего вы это взяли?

— В те времена на заводе упорно муссировался слух, что главного инженера убрали в интересах высокой политики. Завод имел стратегическое значение для страны, а Горбачев затеял разоружение. Говорили, будто Широков был не последним человеком не только на заводе, но и в городе.

— Какая чушь! — возмутилась Лиза. — И вы в это верите? Мой отец никогда не был идиотом. Он прекрасно знал, что препятствовать государственной машине бесполезно. Просто рабочие любили моего отца и отводили ему роль народного заступника. Этот слух появился позже, когда завод перестал быть военным и начались массовые сокращения. Уверяю вас, политические игры папу не вдохновляли. К тому же он был человеком капиталистической формации, предприимчивым и ловким. Будь он жив, завод бы… А вернее, фирма господина Широкова сейчас бы процветала. И я бы не сидела здесь…

— Понятное дело. Вы бы предпочли бы более светское общество разговору с бродягой-авантюристом.

— Зачем же так, Евгений. — Она наконец опустила долу свои неспокойные глаза.

— Тринадцать лет назад, когда позвонила домработница, — приступил я к допросу, — вы жили с мужем отдельно?

— Мы жили в доме свекра и свекрови.

— В таком случае, почему вы говорите «наша квартира», «наша домработница»?

— Потому что дом родителей мужа не стал для меня родным. Я часто убегала к отцу. И даже подолгу жила у него.

— А ваша мать?..

— Мама умерла, когда мне было двенадцать. Отцу пришлось нелегко. Подросток оказался взбалмошным и избалованным. Папа любил меня и не желал приводить в дом мачеху. Я вряд ли ужилась бы под одной крышей с другой женщиной. Он часто говорил, что сначала должен устроить мою жизнь, а потом уж думать о себе. Я поступила в институт, вышла замуж, но жизнь как-то не клеилась, Папа сильно переживал из-за наших ссор с мужем.

— Он был против этого брака?

— Что вы! Если бы он был против, я никогда бы не вышла… Выйти замуж за человека, который не нравился папе? Это немыслимо! Он сам нашел мне мужа, сына своего старого приятеля. Они дружили

чуть ли не с детства и давно мечтали породниться. Вместе ез-,дили на охоту, ходили по грибы. К тому же, Максим Максимыч Ведомский был большим человеком…

— Большим человеком?

— Сразу видно, что в те годы вы не имели дел с милицией.

Я хотел возразить, что вообще никогда не имел дел с милицией и не собираюсь их иметь в дальнейшем, но ее уже невозможно было переубедить. Она вообразила себе Бог знает что! В моем лице Лиза Кляйн обрела последнюю надежду, единственную нить, ведущую к разгадке гибели инженера Широкова.

— Максим Максимыч был начальником районного отдела внутренних дел.

— Надо полагать, что после гибели вашего батюшки, он предпринял все необходимое, чтобы найти убийцу?

— Да, мой свекор предпринял все необходимое, — неуверенно произнесла она и скривила при этом рот. — Я, кажется, упомянула, что наши отношения с мужем в ту пору зашли в тупик. — Это не могло не отразиться на дружбе старых приятелей. Отец сильно переживал мое неудачное замужество. Корил самого себя и как-то попытался объясниться с зятем, вызвав тем самым бурю негодования со стороны Максима Макси-мыча. Можно сказать, что к моменту гибели их старая дружба находилась на грани разрыва. Поэтому мне до сих пор кажется, что мой бывший свекор спустил дело на тормозах. Как вы понимаете, это предвзятое мнение. Тем более что сейчас мы в прекрасных отношениях. После развода он вновь сделался милейшим дядей Максом. Его сын теперь проживает в Америке. Он счастлив с женой-американкой и не часто навещает отца. Последний раз приезжал на похороны матери. Так что я здесь чуть ли не единственная родственница Максима Максимыча.

— Он по-прежнему служит в милиции?

— Ну, что вы! Дядя Макс — крупный бизнесмен, торгует… — Тут она запнулась. — Я и сама толком не знаю, чем он торгует. Разве это важно?

— У вашего отца были враги?

— Не могу себе представить! Его все любили! Он был душой, заводилой любой компании!

Конечно, по мнению Лизы Кляйн, с ее ярко выраженным эдиповым комплексом, у инженера Широкова были только друзья. При этом она твердо уверена, что убийца — хороший знакомый отца.

— В квартире ничего не пропало?

— Я разве еще не сказала? — спохватилась она. — У нас украли великолепную коллекцию курительных трубок и мундштуков. У них в семье все были заядлыми курильщиками. Там имелись очень ценные экземпляры. Отец сам курил с десяти лет. Папа ни от кого не прятал коллекцию, а наоборот, любил похвастаться перед гостями, поэтому не удивительно…

— По-вашему, этого было недостаточно для убийства? — не дал я ей договорить.

— Мой бывший свекор тоже считает, что отца убили из-за курительных трубок. В таком случае, почему не взяли денег и мамину шкатулку с драгоценностями?

— Может быть, преступника интересовала только коллекция? И потом, вы сами сказали, что вскоре явилась домработница. Она всегда приходила в одно и то же время? Вот видите! — воскликнул я, получив утвердительный ответ. — Преступник наверняка это знал и боялся засветиться.

— Хорошее начало, — похвалила Лиза Кляйн. — И все-таки я не верю, что из-за коллекции. Я не помню ни одного из папиных друзей, который бы всерьез интересовался трубками и мундштуками.

Честно говоря, мне совсем не хотелось думать о трубках и мундштуках, как и о самом хозяине коллекции. От выпитого клонило в сон, и почти в полудреме я произнес давно заученную фразу моего любимого кинорежиссера Фассбиндера:

— Убийство — это довольно странная вещь…

Именно с этой, случайно оброненной фразы, и началось настоящее расследование, потому что до сего момента я вряд ли серьезно воспринимал происходящее. Если бы я только мог предвидеть развязку! Если бы знал, во что меня втягивают! Да я бы в тот же миг распрощался с этой несимпатичной дамой! Но жизнь — не бумага, из нее ни черта не вымараешь, как ни старайся.

— Да, убийство — это довольно странная вещь, — задумчиво повторила Лиза. — Очень странная вещь…

Мне показалось, что она вкладывает совсем иной смысл в эту фразу.

— Что-то не так? — поинтересовался я.

— Знаете, Женя, мне надо вам показать одну вещь. Прямо сейчас. Вы сможете это как-то объяснить. Я почти уверена, что сможете.

Она говорила быстро, но без лишних эмоций. Впрочем, эмоции были, но не выплескивались наружу. Только глаза. С глазами творилось нечто странное. Они по-детски, наивно расширились и

умоляли о помощи.

— Мы поедем сейчас ко мне. Прямо сейчас, — продолжала тараторить Лиза. — Заодно ознакомитесь с местом преступления.

Уже в машине я задал глупый вопрос:

— Вы живете в квартире Широкова?

— А где же мне еще жить? Я — единственная наследница.

— А ваш второй муж? Вы ведь замужем?

— Вы испугались моего мужа? — вдруг рассмеялась она. — Моего Кляйна? Вот уж кого не следует бояться! Безобиднейший человек, хоть и хирург. Он второй год работает в Индии, поэтому каждый свой отпуск я провожу в Бомбее. В сентябре вы меня не узнаете, буду коричневая, как настоящая бенгалка.

Мы ехали не больше десяти минут. Как я и предполагал, квартира главного инженера находилась в центре города. Она представляла собой довольно мрачное помещение в три просторные комнаты. Мрачность ей придавали темные шторы и обои, к которым, по-видимому, питала слабость Лиза Кляйн.

— Ну вот, — сказала она, — мы и дома. Кофе, коньяк, виски, мартини?

— Вы, кажется, хотели мне что-то показать?

— Не все сразу.

Она улыбалась, но это была улыбка хищного зверя, заманившего жертву в ловушку. Я понимал, что без мужа ей приходится несладко и сегодня она рассчитывает на взаимность.

Я сказал, что время уже позднее, а у меня еще есть дела. Если бы она спросила: «Какие такие дела в половине одиннадцатого вечера?», — я бы, пожалуй, растерялся, но Лиза, слава Богу, оказалась нелюбопытной.

Она провела меня в одну из комнат, назвав ее «кабинетом отца». Это и в самом деле был кабинет с массивным письменным столом под зеленым абажуром и с роскошным креслом в стиле Луи Пятнадцатого.

— Здесь он принял смерть, — вздохнула папина дочь. — За прошедшие тринадцать лет я постаралась ничего не менять в этой комнате. Тут все, как было при папе.

— А где находилась коллекция? — поинтересовался я.

— В гостиной, в серванте. Короче, на самом видном месте. Как вы, однако, ухватились за коллекцию? Других мотивов не существует?

— Надо отработать все версии, — со значением заявил я, позаимствовав формулировку из милицейского лексикона.

— Хорошо, — согласилась Лиза. — И вот вам первая загадка.

Она отперла ключом ящик письменного стола и достала черный длинный мундштук. Лиза вальяжным жестом поднесла его к губам. «Ну, прямо Мэй Уэст в голливудской киношке тридцатых!» — подумал я, но вслух не произнес. Заигрывать с этой дамой не входило в мои планы.

— Это и есть та самая вещь, которую вы мне хотели показать?

— Странно. Всякий раз, когда подношу его к губам, чувствую запах духов. Таких сладеньких, тошнотворных духов!

Лицо Лизы Кляйн на миг сделалось злым, но тут же брови поползли вверх, а глаза наивно округлились.

— Ведь этого не может быть, правда? — спрашивала она меня. — Прошло тринадцать лет! Просто запах вот здесь! — Она постучала себя пальцем по голове. — Понюхайте! Вы ничего не чувствуете?

Я едва сдержался, чтобы не нахамить этой сумасшедшей. И ради того чтобы понюхать какой-то допотопный мундштук, она вытащила меня из ресторана, где оставался недоеденным десерт?

— Никакого запаха, — констатировал я, вернув «странную вещь» хозяйке квартиры.

— Только не принимайте меня за сумасшедшую! — прочитала она мои мысли. — Загадка не в запахе, а в самой вещи. Мундштук, кажется, лежал здесь в тот день. Создавалось такое впечатление, что отец взял его из коллекции и, вместо того чтобы положить обратно, запер в письменном столе. Экспонат наверняка подвергся экспертизе, но отпечатков пальцев и губ на нем не оказалось. Будто по воздуху перелетел из гостиной в кабинет. В те дни я была убита горем, и разные мелочи меня не интересовали. Много позже, а если быть точной, месяц назад, я впервые всерьез задумалась об этом. И, не поверите, сделала открытие для себя самой. Данный предмет не является экспонатом коллекции. Я не очень-то интересовалась папиным хобби, но знаю точно, что он собирал дорогие вещи. Мундштуки на любой вкус: костяные, эбеновые, сандаловые, малахитовые, яшмовые. Был даже один из моржового клыка, с филигранной резьбой. Но вот этот, из дешевого черного пластика, затесаться среди них никак не мог. Скорее всего, он принадлежал какому-то близкому человеку, памятью о котором отец дорожил. А судя по тому, что мундштук дамский…

Я ее не перебивал, она сама сделала паузу в ожидании моего вопроса, и я, конечно, его задал. Ответ ей дался нелегко. Так женщины признаются в измене мужа.

— Я думаю… мне кажется… Вероятнее всего, у папы была

женщина.

Мундштук вернулся на прежнее место. Ящик резко захлопнулся.

— Я ничего о ней не знаю, — продолжала Лиза, — а мне хотелось бы это знать.

— Вы ее подозреваете?

— Почему нет? Разве женщина не способна убить? Лиза даже не пыталась прятать свой эдипов комплекс. Если раньше она тоже выставляла его напоказ, тогда не удивительно, что отец скрывал от нее свою возлюбленную. И знакомые отца, заметив «пунктик» у инженерской дочери, предпочитали молчать.

Я сказал, что ее открытие ровным счетом ничего не доказывает. И если даже была женщина, то какой ей резон убивать Широкова?

Мои слова Лиза пропустила мимо ушей, уверовав в собственную догадку. Она подошла ко мне почти вплотную и, отметая двусмысленность, предложила:

— Оставайтесь у меня на ночь.

2

Я проснулся от яркого солнца в «мансарде» сестры. Мансардой мы называли застекленную лоджию на последнем, двенадцатом, этаже панельного дома. Урбанистический ландшафт с дымком металлургического комбината только усиливал иронию этого старого французского словечка. Большая семья сестры отправилась на работу, оставив ее нянчиться с трехлетним внуком.

Она принесла мне тосты и кофе прямо на «мансарду» и сообщила о звонке некоей дамы, которая желает со мной встретиться сегодня в три часа, в ботаническом саду, «на прежнем месте». В ботаническом саду, как мне помнилось, я встречался только с одной дамой. Поспешность назначенного свидания нисколько не удивляла. Даме было о чем беспокоиться.

Оставшись наедине с тостами, я на свежую голову прокрутил вчерашний вечер. Найденный Лизой мундштук вызывал у меня определенные ассоциации, о которых я сознательно умолчал. В моей жизни опять же была только одна женщина, любившая мундштуки. И, по странному стечению обстоятельств, эта женщина не только знала инженера Широкова, но еще и работает в настоящее время под начальством его дочери.

Мне предоставлялась прекрасная возможность отомстить Шурке за вчерашнее, проигнорировав свидание в ботаническом саду. Но по натуре я человек не мстительный. К тому же не терпелось выслушать ее объяснения по поводу мундштука. Я был на сто процентов уверен, что «странная вещь» в столе покойного Николая Сергеевича принадлежала ей. И вот почему. Молодежная бригада маляров, в которой мне посчастливилось когда-то работать, часто побеждала в социалистическом соревновании, и портрет ее бригадира Александры Вавиловой круглый год украшал Доску почета. Заводское начальство всячески поощряло Шурку и повсюду таскало за собой для наглядности положительного примера. Бригадирша ораторствовала на различных конференциях, ездила за наградами в Москву. Ее фото (вылитая Клаудиа Кардинале) охотно размещали на первых страницах комсомольские издания. Наверное, в то время она и познакомилась с главным инженером и, возможно, тогда же пристрастилась к мундштукам. Я пришел в бригаду восемнадцатилетним разгильдяем, и

все это меня ничуть не интересовало. Помню только, что заводские начальники в дорогих костюмах любили захаживать к нам, чтобы подбодрить краснознаменную Шурку и заодно посмотреть на меня. Тоже своего рода сенсация — единственная мужская особь на весь малярный цех. А еще помню бесконечные дверцы и капоты начальственных машин с царапинами и ссадинами. Работа квалифицировалась по высшему разряду, и Шурка ее никому не доверяла: сама зачищала, красила, полировала. Другие бригадирши, которых мы называли не иначе как «старухами», не столь обласканные руководством, завидовали и злословили. Я не прислушивался к бабьим сплетням. Мое теперешнее подозрение основывалось не на сплетнях, а на одном давнишнем эпизоде, невольным участником которого был я сам.

Это случилось в марте или апреле, незадолго до гибели главного инженера, на юбилее Рины Кабировны, старейшей работницы цеха. Наша бригада работала в тот день во вторую смену, но Шурка упросила мастера отпустить нас на юбилей. Кто же откажет краснознаменной Вавиловой? Тем более все знали, что Шурка была когда-то ученицей Рины Кабировны. В общем, юбилей как юбилей, и я никогда бы о нем не вспомнил, если бы не Шуркины глаза. В какой-то миг мне показалось, что от них исходит свет. Погаси люстру — в комнате будет светло! Глаза бригадирши смеялись и плакали одновременно. Она опрокидывала рюмку за рюмкой, развлекая компанию задорными тостами. Спела казачью песню, пустилась в пляс. Наша строгая Вавилова отрывалась по полной программе, и я (святая наивность!) воспринимал ее кураж как дань уважения юбилярше. Но причина была иная. Рину Кабировну приехал поздравлять инженер Широков. Его, как полагается, усадили за стол, налили «штрафную», и он, уже навеселе, пообещал подвезти на своей машине всех, кто живет в его стороне. Таких оказалось трое, в том числе и знаменитая бригадирша. То есть Николай Сергеевич решил задержаться.

Не люблю больших застолий. Есть в них что-то скотское. В самом разгаре веселья мне вдруг становится грустно, и я пытаюсь найти укромный уголок, чтобы спрятаться. В двухкомнатной квартире юбилярши все уголки были оккупированы гостями. Попытка проникнуть в туалет также не увенчалась успехом. Зато я обнаружил уютный чуланчик прямо напротив туалета и, едва разместившись в нем, решил наблюдать за праздником в узкую дверную щель. В юности я был большим оригиналом, особенно, если выпивал лишнее.

Гости, гонимые нуждой, то и дело дергали дверную ручку совмещенного санузла, но дверь не поддавалась, и они вынуждены были отступать на прежние позиции. Мое терпение тоже было на пределе, но я подбадривал себя песенкой группы «Спаркс» «Леди засела в туалете». Но вместо леди из туалета вышел главный инженер. Я подождал, когда он скроется в гостиной, и выскользнул из своего укрытия. Однако дверь вновь оказалась заперта. Внутри находился кто-то еще. Товарищ Широков справлял нужду в обществе… «Ну, ты и наклюкался, Женечка!» — засмеялась Шурка, столкнувшись со мной нос к носу. Может быть, я действительно наклюкался, но соображал очень даже хорошо. И в тот миг мне сделалось стыдно за свое ненарочное соглядатайство. Так стыдно, что не посмел ничего ответить бригадирше. А она как ни в чем не бывало вернулась к столу.

Впоследствии этот эпизод выветрился у меня из головы. Он не всплыл даже, когда у нас с Шуркой возникли определенные отношения. Мое подсознание припрятало его до поры до времени.

Не думаю, что в туалете они занимались чем-то предосудительным. Скорее всего, решали какие-то насущные вопросы. Ведь на их пути стояли непреодолимые препятствия. Дочка инженера постоянно ссорилась с мужем и все чаще искала убежище в доме отца. Широков был человеком рассудительным, он прекрасно понимал, что Лиза со своим комплексом не потерпит мачеху-ровесницу, будь та хоть трижды знаменитой бригадиршей. Но самым главным препятствием для их любви была семья Александры Вавиловой.

Шурка выскочила замуж очень рано, в семнадцать лет, забеременев от своего сокурсника по техучилищу. Ее мужа я отлично знал. Степан работал в соседнем цехе фрезеровщиком. Странно выглядела эта пара. Красавица-жена и калека-муж. Инвалид с детства, Степан ходил на протезе, был долговязым и сутулым, почти горбатым. Светлые жидкие волосы сосульками свисали на плечи, мясистый красный нос всегда смотрел под ноги, а глубоко посаженные глаза от бесконечных возлияний стали совсем прозрачными. К концу рабочей смены Степан так напивался, что Шурке частенько приходилось тащить его на себе. У них росла дочь, кажется, такая же некрасивая, как отец.

Однажды я спросил Шурку, как она могла лечь в постель с этим уродом? Ничуть не смутившись, она ответила: «Из жалости». Точно такой же ответ последовал на вопрос, почему она до сих пор с ним не развелась. По-моему, эти два ответа характеризовали ее не с лучшей стороны, но чужая душа, как известно, потемки. Несмотря на жалость, Шурка спокойно изменяла своему инвалиду. О ее похождениях бабки-

малярши слагали легенды. А вот в молодежной бригаде не принято было сплетничать. Поэтому слухи доходили до меня в последнюю очередь. Во всяком случае, я ничего не знал о романе Вавиловой с главным инженером завода. Помню лишь, как она ответила кому-то из девчонок: «Нельзя же все время есть только черный хлеб, иногда хочется и белого хлебушка попробовать!» Эта присказка вызвала смешки и ухмылки, понимание и непонимание со стороны тех, кто находился рядом.

В пруду ботанического сада дружно и горделиво плавала пара белых лебедей, не обращая внимания на крики разнузданной детворы. «Наша» скамейка была занята молодоженами с коляской. Я сел на противоположную скамью, оказавшись под палящим солнцем. Младенец в коляске ворковал на своем диковинном наречии и сучил ножками. Родители обсуждали глобальную проблему деспотизма свекрови.

«Нет ничего нового под солнцем», — изрек я про себя, вытирая носовым платком выступивший пот. Десять лет назад мы с Шуркой впервые поцеловались на той самой скамейке, где сидят молодожены. Мне было двадцать пять, а ей уже перевалило за тридцать. На личном фронте я терпел фиаско за фиаско от одной высокомерной и не очень далекой девицы и решил поделиться с бригадиршей своими проблемами. Шурка курила папиросу за папиросой, время от времени грациозно постукивая указательным пальцем по мундштуку, чтобы стряхнуть пепел. Какое-то время мы сидели молча. «Мне кажется, тебе не надо зацикливаться, — сказала она, кокетливо тряхнув своей каштановой челкой. — Мало ли вокруг девчонок?» После чего прозвучала знаменитая фраза про белый и черный хлебушек. Бригадирша приблизила ко мне лицо, прикрыла веки и подставила губы для поцелуя. Все это выглядело дерзко, если не сказать смешно, но в тот миг я вдруг понял, что больше не люблю ту высокомерную, взбалмошную девицу. И, возможно, никогда не любил.

Наш роман длился недолго, всего несколько месяцев. Потом я уволился с завода, уехал из города. В Екатеринбурге бывал не часто и больше чем на три дня не задерживался. Восстанавливать былые связи не имел никакого желания. Время сделало настолько крутой вираж, что от меня прежнего почти ничего не осталось.

— Давно ждешь?

Задумавшись, я не заметил, как она подошла и села рядом. Теперь я мог разглядеть ее лучше, чем позавчера, во время обеденного перерыва. Бывшая бригадирша чувствовала себя не так уверенно, как

раньше. Взгляд не был таким пронзительным и немного надменным. Она, наоборот, старалась не смотреть мне в глаза.

— Ты, наверное, ждешь моих объяснений по поводу вчерашнего? — спросила Шурка.

— Чего тут объяснять? Ты меня просто подставила, вот и все.

— Пойми, я не хотела, вышло само собой. — Она сделала порывистое движение, словно по телу прошла судорога. — Ты объявился нежданно-негаданно, а мы с Елизаветой давно наблюдали за твоими расследованиями в прессе, и я при этом всегда гордилась, что была когда-то знакома с тобой. Лиза однажды, кажется, полгода назад, сказала: «Если бы Женя приехал в наш город…» И вот ты приехал. Приехал и позвонил. Сообщил, что все лето проведешь здесь.

— И ты сразу же доложила своей начальнице!

— Лиза — не просто начальница. Мы давно стали подругами. В начале девяностых она организовала фирму и вытащила меня с завода.

— Вы были знакомы?

— Нет, но отец ей много рассказывал обо мне. О моем трудолюбии и организаторских способностях. А Лизе как раз нужен был такой человек.

— И часто вы с ней вспоминали ее отца?

— Не припомню, чтобы мы говорили о нем до последнего времени, когда Лизе вдруг взбрело в голову во что бы то ни стало отыскать убийцу! Тринадцать лет спустя!

— Взбрело в голову, потому что ей попался на глаза твой мундштук. Заурядный, черный мундштук, каких инженер Широков не держал в своей коллекции.

Александра на миг замерла, глядя вперед. Молодая пара с коляской уже покинула «нашу» скамейку. Солнце скрылось за тучей. Начал накрапывать мелкий дождь.

— Надеюсь, ты не поделился с Лизой своей догадкой?

— Я никогда никого не подставлял, Шура. Не имею такой привычки.

Она достала из сумочки пачку сигарет. Я обратил внимание, что бывшая бригадирша теперь курит наилегчайшую «Вирджинию» с ментолом, сигаретки тоненькие, как соломка, через которую медленно потягивают коктейль.

— Мундштуки нынче не в моде?

— От мундштуков и папирос я давным-давно избавилась, — вздохнула Шура, — а вот окончательно бросить никак не могу.

— Предполагаю, что от мундштуков ты избавилась, когда начала

работать с Лизой.

— Ты говоришь со мной в таком тоне, будто подозреваешь в убийстве!

— Я — нет, а вот Лиза считает, что ее отца прикончила любовница. Ты ведь была его любовницей, не так ли? Я это понял на вечере у Рины Кабировны.

— Да-да, ты тогда сильно напился, — припомнила она.

— Как бы я ни напился, но факт остается фактом. И будет лучше, если я не стану ничего из тебя вытягивать, а ты обо всем расскажешь сама.

Дождь усилился, и нам пришлось укрыться в ближайшей забегаловке, мало приспособленной к вялотекущей беседе. Александра непрерывно курила, часто сбивалась, теряла нить повествования, отвлекаясь на малозначительные эпизоды. Пожалуй, для старой любовной связи она слишком нервничала.

Честно говоря, я был разочарован. Инженер Широков, коему рабочие приписывали качества пламенного борца за справедливость и о котором на заводе слагали легенды, оказался первостатейным трусом. Он боялся начальства, он боялся общественного мнения, он, наконец, боялся собственной дочери. Полтора года им удавалось тщательно скрывать свой роман. В тайну были посвящены две самые верные подруги и Максим Максимович Ведомский. На Ведомском я попросил ее остановиться и рассказать об этом человеке подробнее. Шурка всего два раза встречалась с бывшим начальником милиции. Первый раз до гибели инженера, второй раз — после. Максим Максимыч как-то пригласил их с Широковым к себе на дачу. Сына с невесткой он отправил за границу, жену — в Крым и решил устроить маленький пикничок в тесном кругу. С ними была еще только любовница «дяди Макса», дама лет тридцати, инспектор по делам несовершеннолетних. Шура долго не могла вспомнить имя этой женщины. Ей казалось это очень важным. Наконец она остановилась на имени Лариса. Ведомский шутливо называл ее «Рисочкой». По словам Александры, Рисочка была красавицей из красавиц. Вообще, пикничок напоминал смотр любовниц двух закадычных приятелей. Рисочку она больше никогда не видела, хоть и жила с ней в одном районе, а вот с «дядей Максом» пришлось еще раз повстречаться. Он вызвал ее к себе по повестке в те самые майские дни. Ведомский заверил знаменитую бригадиршу, что сохранит тайну друга и она не будет проходить по делу Широкова даже в качестве свидетельницы, но ему необходимо знать все о последних днях инженера. «Сашенька, —

ласково обратился к ней «дядя Макс», — будем доверять друг другу». Он догадывался, что Сашенька посвящена в их семейные неурядицы и у нее мало оснований доверять человеку, с которым Николай Сергеевич в последнее время находился в ссоре.

— Я рассказала все, что знала, кроме…

Выглянуло солнце, и мы не спеша брели вниз по Первомайской.

— Кроме? — в нетерпении переспросил я.

— Я ни разу не упомянула о собственных подозрениях.

В тот миг мне показалось, что и от меня она многое утаивает.

— Дело в том, — продолжала Шура, — что этот человек завидовал Николаю. И зависть его была черной.

— Но в чем же ему завидовать? — не скрыл я своего удивления. — Высокий пост, престижная квартира, дача, машина, жена, сын, красивая любовница. Чего ему не хватало?

— Не знаю. Наверное, это невозможно объяснить. Они дружили с самого раннего детства. Коленька всегда был любимцем. Понимаешь? Дома, во дворе, в школе, в институте, на заводе. Всегда и везде он пользовался расположением окружающих в силу своего неповторимого обаяния. А Макса не любили. В его присутствии люди настораживались. Вот в чем разница. Поразительно, что дружба столь разных людей длилась десятилетиями. Раскол произошел, когда они породнились. Николай будто сбросил шоры, которые на протяжении многих лет мешали ему как следует разглядеть этого человека. Он увидел, что Макс желчен, алчен, завистлив, хитер, а главное, недобр.

Последний аргумент она почему-то выделила особо, и лицо ее при этом сделалось суровым: сжатые губы, прищуренные глаза. Александра Вавилова теперь совсем не походила на добродушные портреты своей громкой молодости, украшавшие доски почета и первые полосы комсомольских изданий.

— Ты изменилась, — ни к селу ни к городу вырвалось у меня.

— А ты как думал? — ухмыльнулась она. — Всех нас хорошо поколбасило!

И тут я позволил себе отвлечься от темы и спросил, по-прежнему ли она замужем или на этом фронте произошли изменения? Своим ответом Шура сразила меня наповал, и я долго не мог опомниться. Она все еще жила со Степаном. Он допился до белой горячки, и его лечили в принудительном порядке. Он продержался не более года и запил опять. После повторного лечения — результат куда оптимистичнее. Вот уже два года и восемь месяцев (какая мучительная точность!) ее муж в рот не берет спиртного. Лиза Кляйн устроила Степана по

знакомству в одну солидную фирму, и он теперь ходит почти что в начальниках.

Александра не скрывала своей гордости. Она напоминала несчастную мамашу, которая хвастается незначительными успехами слабоумного чада. В ее глазах искрилось превосходство и презрение ко мне, бродяге и авантюристу, с временными заработками. Признаться, мне с трудом удалось вернуть ее к основной теме нашего разговора. В первую очередь я спросил о коллекции Широкова. И тут всплыла очень важная деталь, о которой Лиза Кляйн знать никак не могла. Коллекцией Николая Сергеевича очень интересовалась Рисочка, любовница Ведомского, во время того самого пикничка. Оказывается, ее дед еще до войны собирал трубки и мундштуки, но во время эвакуации из Киева коллекция деда была безвозвратно утеряна. Сохранились лишь фотографии. Рисочка мечтала хоть одним глазом взглянуть на коллекцию Широкова.

— Уверена, она вбила себе в голову, что у Коли коллекция ее деда.

— С чего ты берешь?

— Она только о ней и говорила весь вечер. Теперь мне кажется, что ради этого разговора и был устроен пикник. И Коля, как последний дурак, подробно расписывал ей свои экспонаты. Ему льстило, что его коллекцией, наконец, кто-то всерьез заинтересовался. Да к тому же, красивая женщина.

Я понимал, что в Шурке заговорила ревность. Старая, немощная гадина иногда начинает внутри нас брыкаться и жалить. И все же факт остается фактом. Рисочка была единственной ниточкой к украденной коллекции.

Шурка вдруг заторопилась домой. Лиза ее отпустила пораньше с работы, чтобы она смогла переговорить со мной. Но рабочее время вышло, и муж будет волноваться, если она задержится хотя бы на полчаса. Раньше Александра старалась не поминать всуе имени своего благоверного, теперь же Степан не сходил у нее с языка.

— Ты не ответила на главный вопрос, — схватил я ее за руку, когда она попыталась остановить попутку. — Как твой мундштук оказался в столе жертвы?

Шуру передернуло от слова «жертва». Она нервно закурила.

— И чего ты вбил себе в голову, что это мой мундштук? Рисочка тоже пользовалась мундштуком.

— Но она не была любовницей Широкова.

— Откуда ты знаешь? Что ты вообще можешь знать?

— Уже многое.

— Да! Да! Это мой мундштук! — раздраженно призналась Шурка. — Если ты проболтаешься Елизавете — мне хана. И ты мне тогда — враг на всю оставшуюся жизнь! Ты уедешь, а нам тут жить!

Я поклялся, что не проболтаюсь и что действительно скоро уеду.

— Это случилось примерно за неделю до убийства, — начала Вавилова. — Ночь с субботы на воскресенье я провела у Коли. Степан отдыхал на заводской турбазе. По графику как раз выпали выходные его цеха. Я давно хотела бросить курить, но никак не могла решиться…

«Это произойдет сегодня или никогда! Не слушай, что говорят врачи! Надо бросать резко, а не постепенно! К тому же я знаю один секрет». С этими словами Широков отобрал у нее мундштук и папиросы и запер их в ящике письменного стола. А секрет его заключался в какой-то жутко горькой настойке красно-бурого цвета, которую он приказал выпить до последней капли, утверждая, что настоял ее по рецепту деда, бросившего курить в одночасье. Шурку едва не вывернуло наизнанку от этой гадости. Она сразу же захмелела и вскоре вырубилась.

На другое утро она проснулась в ужасном состоянии. Ныли десны и кружилась голова. Мысли блуждали вокруг письменного стола инженера. Николай показался ей угрюмым и чем-то обеспокоенным. На вопрос «что случилось?» ответил, что пережил самую страшную ночь в своей жизни. Оказывается, после выпитой настойки у Александры поднялся жар, и она несколько часов бредила. В бреду она истошно орала. Ей казалось, что по комнате летают маски. Большие и парообразные они колебались, как колеблется в знойный день воздух. Маски без конца меняли гримасы, будто издевались над ней. Потом Шуре привиделся покойник. Она причитала над гробом усопшего, повторяла его имя и читала заупокойную молитву, которую слышала однажды в детстве.

— Постепенно я начала припоминать свой бред, казавшийся мне кошмарным сном, да и только. «Помнишь ли, кого похоронила сегодня ночью?» — спросил Николай. «Я даже помню, кто тебя убил», — ответила я.

3

В ближайшие выходные мы с Лизой Кляйн были приглашены на дачу Максима Максимовича Ведомского. Этому предшествовал долгий поиск легенды, которую дядя Макс должен был заглотить, как наживку. Лиза хотела представить меня своим дальним родственником, недавно вернувшимся из Венгрии.

— Далась тебе Венгрия!

Мы с ней перешли на «ты», потому что этого требовала ситуация.

— Ты не понимаешь, — убеждала она меня, — какой это произведет эффект. Дядя Макс служил в Венгрии в пятьдесят шестом году. Он был танкистом, участвовал в военных действиях. А боевую молодость он всегда вспоминает с нежностью.

Я раздражал ее все больше и больше, а виной всему ночь, которую мы не провели вместе.

— Он дружил с твоим отцом с раннего детства и наверняка знал всех ваших родственников. И тут вдруг появляюсь я. «Кто такой? Откуда? Из Венгрии? И они столько лет молчали, что у них в Венгрии родственники?» Представляешь его реакцию? «А как же Первый отдел прошляпил, что у главного инженера завода имеются родственники за границей?» И мы с тобой окажемся в ловушке.

— Как же тогда быть?

Я набрался наглости и предложил ей довольно издевательский вариант:

— А почему бы мне не стать твоим любовником?

Она скуксилась, потому что идея ей нравилась и не нравилась одновременно.

— А если дядя Макс накапает моему мужу, когда тот вернется из Индии?

— Ради поиска истины приходится чем-то жертвовать, — пошутил я, но Лиза приняла мои слова всерьез. Она ко всему относилась серьезно, особенно, если это касалось ее отца. Ничего нет странного в том, что женщина с таким завихом, как эдипов комплекс, спокойно мирится с очередным разводом.

Теперь, некоторое время спустя, я понимаю, что следовало бы попридержать свою неуемную иронию за уздцы и не распалять в этой женщине жажду мести. К сожалению, мы часто не хозяева своим

словам и поступкам.

Итак, легенда была разработана нами досконально. Чтобы не попасть впросак, я решил сохранить некоторые факты своей биографии. Родился в Свердловске, жил какое-то время в Венгрии, на жизнь зарабатываю журналистикой. И наоборот, исключил: военный завод, профессию маляра, знакомство с Александрой Вавиловой. Лиза разработала версию нашего знакомства. Оказывается, мы с ней сидели в соседних креслах в театре музыкальной комедии, и в антракте я предложил выпить шампанского. Любовь к опереттам Кальмана мне не передалась по наследству. Может, поэтому версия фрау Кляйн мне показалась слишком романтичной и несколько надуманной, но я промолчал.

Дача Ведомского находилась под Арамилем, в сорока минутах езды. Чтобы не терять времени даром, я снова начал докучать Лизе вопросами.

— Вспомни, пожалуйста, что-нибудь суперценное в коллекции твоего отца.

— Насчет ценности я могу промахнуться, потому что ни черта в этом не понимаю. Но была одна вещица, которую я любила с детства. Мундштук из слоновой кости с фигуркой индианки в национальном костюме. Отец утверждал, что ему не менее двухсот лет и что он был завезен в Европу еще во времена завоевания Индии англичанами. Когда муж в первый раз отправлялся в Индию, я попросила его привезти что-то подобное. Куда там! По сравнению с той вещицей все кажется жалкой кустарщиной.

— Перевелись настоящие мастера, — согласился я и, не откладывая в долгий ящик, уточнил, собирал ли Широков коллекцию на протяжении многих лет или приобрел ее сразу.

— Честно говоря, никогда об этом не задумывалась, — после длинной паузы призналась она. — Отец не рассказывал, да и мне было абсолютно все равно. Это так важно?

— Спроси-ка об этом дядю Макса. Он наверняка знает.

Дачный домик Ведомского оказался довольно примитивным сооружением, выдержанным в старом уральском духе. Первый этаж каменный, второй — бревенчатый, крылечко с резным козырьком. По бокам крылечка два раскидистых облепиховых дерева. Их завезли на Урал с Алтая, и они неплохо прижились, внеся экзотический элемент в скромный, неброский пейзаж.

Хозяин, полноватый мужчина, невысокого роста, в шортах и майке, приветствовал нас обыденным: «А вот и гости пожаловали!»

Взмокший от утренних садоводческих дел, он, тем не менее, заключил Лизу в объятия и трижды приложился к ее напудренным щекам.

— Фу, дядя Макс, ты потный! — возмутилась она, а тот лишь похихикивал, подмигивая мне, как старому приятелю.

Я пожал его мокрую лапищу и представился:

— Евгений Немет.

— Из немцев? — насторожился Ведомский, хотя в его взгляде ясно читалось: «А не из жидков ли ты, братец?»

— У меня венгерская фамилия.

— Вот как! — хлопнул в ладоши дядя Макс. — Вот сюрприз так сюрприз, Лизок! Живого мадьяра ко мне привезла!

Фраза звучала довольно дико, если учесть, что в пятьдесят шестом году Максим Максимович был танкистом и наверняка передавил не один десяток моих сородичей на том самом мосту, что соединяет Буду с Пештом. Говорят, наутро вода в Дунае была розовой. Но в жестокость дяди Макса верилось с трудом. Его добродушное славянское лицо сияло от счастья, и он хлопал меня по плечу, радуясь нашей встрече. Мое честное признание в том, что я местный и что процент венгерской крови в моих венах ничтожно мал, ничуть не смутило хозяина дачи. Для него я в первую очередь был неожиданным вестником из далекой молодости.

Мы расположились в плетеных креслах на веранде. Дядя Макс потчевал нас клюквенным квасом и задавал мне идиотские вопросы. Например, стоит ли еще в Кечкемете памятник Кошуту, под которым он когда-то сфотографировался? А может быть, он меня проверял, этот бывший милицейский начальник? И простодушие на его лице всего лишь маска? Моя спутница уже подавала мне знаки, мол, пора бы куда-нибудь свернуть, как все разрешилось само собой. У ворот дачи остановился черный «Мерседес» и дважды просигналил.

— Ты позвал гостей? — встрепенулась Лиза.

— Ларису Витальевну…

И дядя Макс потрусил к воротам, размахивая руками и напевая бравурный марш.

— Старая, боевая подруга, — пояснила Кляйн и добавила достаточно эмоционально: — Не выношу эту мерзкую бабенку!

«Мерзкая бабенка» оказалась располневшей красавицей средних лет, красавицей в классическом понимании, у которой не глаза, а очи, не пальцы, а персты. Когда она приблизилась к нам, ее чело светилось, а на устах играла улыбка.

— Лариса Витальевна. Прошу любить и жаловать! А попросту

Рисочка! — прыгал вокруг нее Ведомский, потряхивая обгоревшим пузом.

Я представился, а Рисочка протянула мне руку для поцелуя, хотя обстановка совковой дачи не располагала к соблюдению этикета.

— Целуйте-целуйте! — продолжал балагурить дядя Макс. — Она у нас дворянка! Хохляцкая, правда, но что поделаешь? Какая есть.

Мы уселись втроем на веранде, а Ведомский колдовал над шашлыками во дворе, угощая нас дымом из мангала и время от времени выкрикивая ничего не значащие фразы из старых времен: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», «Эту песню не задушишь, не убьешь» и так далее. В общем, хозяин дачи развлекал сам себя, а Рисочка тихонько над ним похихикивала. Лиза молчала, тупо, уставившись в пустой стакан, и казалось, что стакан вот-вот начнет двигаться. Эта женщина была начисто лишена лицемерия и даже не пыталась делать вид, что ей приятно общество Ларисы Витальевны. Мне же необходимо было начать беседу, потому что я прекрасно понимал, что удача сама плывет в руки. Начал я традиционно, с географии:

— Так вы из Украины?

«Хохляцкая дворянка» посмотрела на меня с интересом, а Кляйн смерила презрительным взглядом. Она не сознавала уникальности обстановки, она не подозревала, что много лет назад, на этой самой даче дядя Макс с ее отцом демонстрировали друг другу своих любовниц.

— Почему вы в черном? — ответила Рисочка вопросом на вопрос. — Сегодня жарко, а вы в черном. У вас, наверно, траур?

Это называется ударом ниже пояса. Никто — ни Лиза Кляйн, ни Шурка — не заметили странной особенности моего гардероба.

— Вы наблюдательны, — похвалил я.

— Опыт работы в «ментовке», только и всего. Так у вас действительно траур? На сектанта вроде вы не похожи. А вот эти скорбные морщинки возле губ… Вам надо отпустить бороду! Правда, отпустите бороду!

Красавица внимательно разглядывала мое лицо, и, будь мы одни, пожалуй, начала бы откровенно кокетничать. Пока же кокетничали только ее глаза.

Неожиданно мы разговорились: об ее усопших родственниках, о кладбищах, о склепах, о мумиях и святых мощах.

— Эка вас понесло! — вмешался в наш пустой треп Максим Максимович. — А шашлыки вас еще интересуют или как?

Но во время обеда кладбищенская тема получила новое развитие.

— На папину могилу кто-то в последнее время приносит белые лилии, — сказала Лиза и тут же добавила: — Цветы не из дешевых.

— Твоего отца многие любили, — посерьезнев, сообщил Ведомский. — Ив школе, и в институте, и на заводе…

— Но живые лилии через тринадцать лет после гибели? — перебила его Кляйн. — На такую любовь способна только женщина!

— Ив самом деле, — поддержала ее Рисочка. — Я не знала твоего папу лично, но женщинам такой мужчина должен был нравиться.

— Ну-у! Девицам только подавай любовь! — воскликнул хозяин дачи и, чтобы закрыть незастольную тему, обратился ко мне: — Вот вы, молодой человек, могли бы ради любимой женщины совершить преступление?

Я не нашелся, что ответить, и на помощь пришла Лиза.

— Дядя Макс, мне кажется, ты от меня многое скрывал. Не пора ли приподнять завесу над тайной? Я не маленькая девочка, и умею держать удар.

— Что ты от меня хочешь?

— Ведь у папы была любовница, так?

— Он со мной не откровенничал на эти темы. И потом, ты помнишь, в каких мы были отношениях последние два года?

Бывший милицейский начальник пустился в пространные рассуждения. Даже если у вдовца имелась тайная любовница, что в этом предосудительного? Не считает же Лиза ее виновницей трагедии? А мотив? Не думает же она, в конце концов, что отец пал жертвой необузданных страстей? А как же быть тогда с коллекцией трубок и мундштуков? Украденная коллекция опровергает мотив необузданных страстей.

Примерно такими же словами я убеждал Лизу несколько дней назад. Наши с Ведомским взгляды на данный предмет оказались схожими. В тот миг меня насторожило, что Максим Максимович па протяжении тринадцати лет выгораживает любовницу погибшего друга. Что ему до Шурки? Кто она, собственно, такая, чтобы заставить пожилого, солидного человека с трепетом оберегать чужую тайну? И все-таки, даже в тот миг сомнения я не усматривал злого умысла со стороны моей старой подруги. К тому же, времени на раздумья у меня не было, потому что Лиза Кляйн наконец задала главный вопрос, и от реакции присутствующих зависело многое в моем дальнейшем расследовании.

Кажется, Рисочка пропустила вопрос мимо ушей. Она с таким

воодушевлением вгрызалась в сочные куски баранины, что и вражеская канонада вряд ли сумела бы оторвать ее от шашлыка. А вот Ведомский, несмотря на опыт, оказался человеком менее хладнокровным. Он не смог скрыть своего волнения и произнес в запале:

— Какая тебе разница?! Почему ты меня об этом спрашиваешь? Мне никогда не было никакого дела до его коллекции! И я понятия не имею, приобрел он ее оптом или собирал по отдельности. Почему ты сама у него не поинтересовалась? И вообще, что это меняет?

Он бросил быстрый, тревожный взгляд на Ларису Витальевну, которая и ухом не вела, и, словно одолжившись у последней спокойствием и уверенностью, сказал почти ласково:

— Лизонька, мы совсем забыли о нашем госте. Он ведь приехал сюда не для того, чтобы выслушивать наши старые семейные дрязги.

— Старый, плешивый лис! — возмущалась Лиза, когда мы поздним вечером ехали обратно. На все уговоры дяди Макса и его верной подруги оставить нас ночевать, Кляйн отвечала холодным, презрительным «нет».

Мне импонировало в ней отсутствие компромисса и лицемерия, но в данной ситуации все же разумнее было поддаться на уговоры хозяина дачи. Лиза вообще все испортила, выказав свой характер. Весь вечер она дулась на Ведомского, хранила зловещее молчание и реагировала на все наши разговоры ухмылками и междометиями. К сожалению, я не мог объяснить Лизе, как важно для меня расположить к себе Максима Максимовича и, особенно, Ларису Витальевну. *Я* был связан по рукам и ногам Шуркиной тайной. Впрочем, кое-что мне удалось провернуть, хотя инициатива исходила от самой Рисочки.

«Хохляцкая дворянка», умяв парочку шашлыков и вылакав литровую кружку пива, ни с того ни с сего спросила:

— Вы храбрый человек?

На что я ответил, не кривя душой:

— Абсолютная храбрость — признак глупости. В чем-то я храбрец, а в чем-то — первостатейный трус.

— Но привидений-то уж наверняка не боитесь?

К этому выводу она пришла после наших кладбищенских бесед. Лариса предложила сходить на болото, пользующееся в округе дурной славой. Я догадался, что меня заманивают для какого-то разговора, и тут же изъявил желание посмотреть на местную достопримечательность. Лиза, как я и предполагал, осталась на даче с дядей Максом.

Рисочка осторожно ступала по лесной тропинке, словно боялась подвернуть ногу. Даже ноги у этой женщины кокетничали, и я с трудом представлял ее в милицейской форме.

— Мы рискуем быть съеденными на полдороге до вашего знаменитого болота, — начал я разговор, то и дело шлепая себя по лицу и запястьям.

— Комары не так опасны, как некоторые дамы, — загадочно улыбнулась она и, выдержав паузу, пояснила: — Вы, наверное, заметили, что Лизхен не совсем здорова. Я имею в виду ее психическое состояние.

— Обычный эдипов комплекс, только и всего, — заключил я с умным видом.

— Нет, дорогой Евгений, у нее не обычный эдипов комплекс. У нее сверхобостренный эдипов комплекс, потому что отца Лизхен убили. Из-за этого она не может ужиться ни с одним мужиком. Из-за этого муж от нее удрал в Индию. Она всех пытается втянуть в расследование гибели своего отца. Всех! И вас в том числе!

— Меня? С чего вы это взяли?

— Не случайно при вас она завела разговор об отце. Будьте осторожны! Зачем вам лишние проблемы? Я много лет проработала в ментовке и научилась видеть людей насквозь. Вы из тех, кто готов прийти на помощь ближнему по первому зову. Вы — находка для Лизхен. И где только она вас откопала?

Рисочка вдруг остановилась, оглядевшись по сторонам. Мы стояли одни на узкой тропинке, лицом друг к другу. Ее массивная грудь высоко вздымалась, то ли от волнения, то ли от быстрой ходьбы, глаза помутнели, над верхней губой выступил пот. Я приказал себе действовать, и поцелуй получился долгим и страстным. Потом еще и еще. Но этим все и кончилось. Она выскользнула из моих объятий и произнесла хрипловатым голосом:

— Для знакомства достаточно, а если хотите продолжения…

Она сказала, что во вторник будет ждать меня в восемь вечера у себя дома, и попросила запомнить адрес.

Не знаю, что произошло на даче в наше отсутствие, но Лиза выглядела мрачнее прежнего и сразу же засобиралась домой…

— Ведь он прекрасно знает эту бабенку! — продолжала она свой гневный монолог за рулем малолитражки. — Знает и скрывает, сволочь!

Я снова мысленно вернулся на лесную тропинку. На обратном пути, насладившись созерцанием заурядного болотца, Рисочка опять

заговорила о странностях «Лизхен»:

— Я нисколько не удивлюсь, если окажется, что она сама прикончила своего папашу из ревности! — И философски добавила: — Чего только не случается в этом мире!..

— Я чувствую, что здесь замешана женщина, развратная самка, обольстившая моего отца! И что бы вы с дядей Максом ни говорили, я должна вывести ее на чистую воду!

Мы ехали дальше, ехали на предельной скорости, и Лиза время от времени впадала в истерику. Слава Богу, ночное шоссе было почти пустынно, да и северная ночь в июне не такая уж темная. Я всю дорогу молчал, давая ей высказаться о наболевшем, дожидаясь подходящего момента, чтобы задать мучивший меня вопрос. Наконец, Кляйн успокоилась. Она тяжело дышала и громко сопела носом, сдерживая рыдания. Мне стало ее жалко, но я не нашел слов утешения, потому что сочувствие могло вылиться во что-то большее, не входившее в мои планы.

— А ваша бывшая домработница, где она сейчас? Белые лилии на могиле твоего отца не ее рук дело?

Вместо того чтобы разрыдаться, Лиза расхохоталась — звонко, истерично. Оказывается, белые лилии — выдумка, домашняя заготовка для дяди Макса. Такой же блеф, как и Рисочкино болото с привидениями. Женщины вообще мастерицы по части блефа.

— Зинаиду Кондратьевну я не видела лет десять, — сообщила она, насмеявшись. — Может быть, ее и на свете-то больше нет. Хотя она баба жилистая, да и не старая совсем. Тогда ей перевалило за пятьдесят. Значит, сейчас — около шестидесяти пяти. У меня в записной книжке сохранился адрес. Только вряд ли она чем-то поможет. Все уже давно сказано и запротоколировано, и со временем память не становится острее.

4

У меня плохая память на лица. Однажды, в детстве, я не узнал родную тетку и нажил себе врага на всю жизнь. Что меня в первую очередь поразило в Зинаиде Кондратьевне, так это ее лицо, некрасивое, старушечье, ничем особенным не примечательное, если не считать тяжеловесного, утиного носа. В первую секунду я даже остолбенел, кого-то узнав в этом лице. Но кого? Эффект дежа вю, посетивший меня так внезапно, не исчезал все время, пока я беседовал с бывшей домработницей инженера Широкова. Я даже пытался выяснить, не работала ли она в восьмидесятые годы на нашем заводе, но Зинаида Кондратьевна никакого отношения к заводу не имела, только к его главному инженеру. О Широкове вспоминала с почтением и даже с трепетом, как в старые времена слуги о добром барине.

— Ума не приложу, кто мог сотворить такое злодейство! В какой голове зародился подобный умысел?! — возмущалась она, как показалось мне, немного по-книжному.

В единственной комнате старушки висели две полки с книгами. Они-то и привлекли мое внимание, когда Зинаида Кондратьевна ушла на кухню готовить чай. Бывшая домработница увлекалась в основном романами — русскими, английскими, французскими, но не детективами в пестрых обложках, а самой что ни на есть классикой, знакомой с детства каждому более или менее культурному человеку. Здесь присутствовали «Анна Каренина», «Обрыв», «Идиот», «Ярмарка тщеславия», «Домби и сын», «Утраченные иллюзии», «Западня», «Воспитание чувств» и другие. И лишь одна книга, на мой взгляд, не соответствовала, выбивалась из общей подборки. Это был «Рыжик» Алексея Свир-ского, изданный в пятьдесят седьмом году в подарочном варианте. Именно его я и снял с полки и даже успел прочитать дарственную надпись: «Рыжику на день рождения от дяди Коли. 1 марта 1971 года».

— Книжками моими интересуетесь? — с добродушной улыбкой спросила Зинаида Кондратьевна, расставляя приборы на круглом уютном столике.

— Редкий, давно забытый писатель.

— Это вы о Свирском? О да! А ведь как гремел в свое время! Ставили в один ряд с Горьким, Чеховым…

— Вот так проходит слава мирская, — с умным видом заключил я и в свою очередь спросил: — когда вы познакомились с Широковым?

— Очень давно. Я знала еще Лизочкину маму. Я с ней работала вместе в одном НИИ. У меня ведь, между прочим, высшее образование. — Она произнесла это с гордостью, наливая в чашки заварку. — А уж домработницей я стала после того, как случилось несчастье…

— Какое несчастье?

— Сын попал под машину…

Я понял, что речь идет о том самом «Рыжике», которому дядя Коля, то бишь Николай Сергеевич Широков, подарил на день рождения книгу.

— Вот тогда-то Мария, Лизочкина мама, предложила мне стать у них домработницей. Маша, Маша, — покачала головой Зинаида Кондратьевна и перекрестилась. — Пусть земля ей будет пухом, хотя…

Она чего-то недоговаривала. Может быть, ей мешало то обстоятельство, что Лиза представила меня своим близким другом, а у бывшей домработницы, по всей видимости, имелись от инженерской дочки тайны. Я постарался ее убедить, что умею хранить тайны даже от близких друзей.

— Это хорошо, — похвалила Зинаида Кондратьевна, — мне пришлось многое скрывать, чтобы не травмировать Лизочку. Она даже не знает, как умерла ее мать. Ей сказали от неизлечимой болезни, она и поверила, глупенькая. А на самом деле, Маша наложила на себя руки.

Новость ошеломила меня. Уж больно не вязалось самоубийство с благополучием семьи Широковых. Впрочем, о благополучии я знал только со слов самой Лизы.

— Она даже не пыталась выяснить, что это за болезнь такая была у матери. Зато найти убийцу отца для нее — святое! — сказала она с обидой в голосе. — Конечно, любимый папочка — превыше всего! Так получилось, что отец с матерью похоронены на разных кладбищах. Маша в предсмертной записке просила положить ее рядом с родителями. За Машиной могилкой приходится ухаживать мне, потому что дочь там не частый гость.

— У Широковых был какой-то семейный конфликт?

— Вечный конфликт! Неизлечимая болезнь! Только не у Маши, а у Николая Сергеевича. Болезнь под названием «бабы»! Вот как бывает. Прекрасный человек, умница, добрый, обаятельный, всеми любимый, но в погоне за очередной юбкой терял не только голову, но и совесть и

порядочность. Однажды уехал в командировку, в область, а вернулся не один. Представьте себе, прямо домой с бабой! Вы что-нибудь слышали подобное? Маша с дочкой в одной комнате. Плачет, несчастная, ночи напролет. А Коля в другой комнате кувыркается с любовницей. Она все ему прощала, терпела, сколько могла. Уж больно любила. Вот и сгинула во цвете лет. Лиза, конечно, ничего не помнит, но во время скандалов всегда принимала сторону отца. Садилась к нему на колени, обвивалась вокруг шеи. Может быть, это и доконало Машу. Всякому страданию есть предел.

— А после смерти жены?..

— Не успокоился, нет! Куда там! Он потому и не женился во второй раз. Слава Богу, на это ума хватило!

— И Лиза по-прежнему ничего не знала?

— Разумеется. История с Машей его многому научила. Николай стал осмотрителен, осторожен, чтобы не ранить психику дочери. Поэтому о его увлечениях последней поры мало что известно. Домой, во всяком случае, он любовниц не водил. Хоть Лиза и жила уже на квартире свекра, но к отцу наведывалась частенько. Не сложилось у нее с первым мужем.

— Откуда вам известно, что Широков не приводил женщин в дом?

— Я бы заметила.

Она произнесла это твердым, уверенным голосом, не терпящим возражений, но почему-то отвела глаза в сторону. Впоследствии я часто вспоминал этот отведенный в сторону взгляд. Тогда я растолковал его смущение, как невозможность продолжения столь щекотливой темы. Короче говоря, я поверил Зинаиде Кон-дратьевне, что она ничего не знала о Шурке. Ей-то что скрывать? Широкова она не жаловала и к его дочери теплых чувств не питала.

Я попросил бывшую домработницу по возможности восстановить в памяти сцену тринадцатилетней давности, но ничего существенно нового не услышал.

— Когда вы его видели в последний раз живым?

— Накануне праздника. Он собирался на демонстрацию с заводом. Был в приподнятом состоянии духа. Сказал, что после демонстрации, наверно, будут гости, и попросил прийти второго числа прибраться.

— Он не уточнял, какие именно гости?

— Это не моего ума дело.

— Гости действительно приходили?

— Трудно сказать. Посуды грязной было немного. Николай никогда не мыл посуду, всегда дожидался меня, поэтому она

скапливалась и без гостей. В баре стояла на две трети выпитая бутылка армянского коньяка, но он любил пить в одиночку.

— Погодите-ка! — перебил я Зинаиду Кондратьевну. — А как же экспертиза? В милиции должны были установить насчет гостей. Хотя бы по той же грязной посуде.

— Так ведь посуду я вымыла! — с отчаяньем в голосе призналась она.

— Как?

— Я ведь думала, что в квартире никого нет! Николай Сергеевич всегда старался куда-нибудь уйти на время уборки. Я, ничего не подозревая, сразу прошла на кухню и принялась мыть посуду. Я всегда так делала, начинала с грязной посуды. Потом принялась за столовую. Вытерла пыль, пропылесосила ковер. И только когда открыла дверь кабинета… Это ужасно! Я целый час провела в квартире с трупом!

— В милиции вы об этом говорили?

— Я боялась навлечь на себя подозрения. Получается, что стерла все отпечатки пальцев.

«Странная ситуация, — подумал я в тот момент, — и Лиза, наверняка, об этом ничего не знает. Она сказала, когда мы сидели в ресторане: «И в пепельнице еще тлела сигарета, когда домработница обнаружила труп». Лиза Кляйн старается избегать красивых оборотов. Значит, недотлевшую сигарету выдумала домработница? Вот эта чинная, с претензией на порядочность, пожилая дама? Она утаила от следствия и от дочери инженера целый час времени и все из-за боязни быть заподозренной в соучастии? А может быть… Может быть!..» Я попридержал до поры до времени разыгравшуюся фантазию, потому что вспомнил еще об одной детали.

— Если вы решили, что Широкова дома нет, значит, дверь была заперта, а не прикрыта и не захлопнута. Заперта на оба замка?

Зинаида Кондратьевна не спешила с ответом, она только часто дышала, не скрывая волнения.

— У кого еще могли быть ключи от квартиры?

— У Лизочки…

— А у Ведомского?

— Ну, что вы! Николай в последнее время с ним был на ножах. Да и в прежние времена ему ключей не доверяли. Маша вообще с трудом выносила этого человека. Уж она бы никогда с ним не породнилась!

Я подумал, что дядя Макс вполне мог сделать дубликаты ключей, ведь Лиза тогда жила в его доме. И все-таки этот мирный садовод-любитель не вязался у меня с образом убийцы, хоть он и гордился

танками на будапештском мосту в пятьдесят шестом.

— А в котором часу вы пришли убирать квартиру? — спросил я напоследок.

— Я всегда приходила в полдень. Многолетняя привычка.

— Ив праздники тоже?

— Праздник, не праздник — для меня все едино.

— Кто первым обнаружил пропажу коллекции?

— Лизочка, конечно. Меня их семейные реликвии мало интересовали.

В тесной прихожей пахло нафталином. Бывшая домработница Широковых, наверное, мечтала, чтобы я поскорее убрался. Ведь последней фразой она выдала себя с головой. Теперь у меня не было никаких сомнений в том, что Зинаида Кондратьевна презирает и ненавидит своих бывших хозяев.

— Какие такие гости первого мая? — возмущалась Александра, когда мы с ней встретились через полчаса в ботаническом саду. — Коля терпеть не мог советских праздников! И уж точно никогда их не справлял. Тетка, видать, совсем из ума выжила!

— Почему тебя так взволновали эти гости? — удивился я. — Ведь Широкова убили утром второго числа. Или ты думаешь…

Догадка, осенившая меня в этот миг, была настолько очевидна и чудовищна, что я даже опешил от собственной прозорливости. А исказившееся Шуркино лицо только подтверждало мою догадку. Впрочем, от прежней Шурки не осталось и следа. На меня смотрели чужие, слегка прищуренные глаза. И в них было больше холодной ярости, чем проникновенной нежности по отношению к старому другу. И все же я сказал то, что хотел сказать.

— Ты осталась у него на ночь. Ты провела с ним вместе последнюю ночь. Ты была последней, кто видел его живым.

Шуркины губы задрожали. Она закрыла глаза. Из-под ресниц одна за другой выкатывались слезы и бороздили впалые щеки некогда цветущей красавицы-бригадирши.

Я предложил ей носовой платок, но она предпочла пудреницу.

— Ты ведь понимаешь, что это не я! — Она пудрила лицо и шмыгала носом. — Я ведь не способна на такое! И Колю я любила… За что мне его убивать?

— Во сколько ты от него ушла?

— В десять.

— Чего так рано?

— Дочка. Она была дома совсем одна. Всю ночь из-за нее как на

иголках, но Коля не желал меня отпускать.

— А твой муж? Где он был в это время?

— На заводской турбазе, со своим цехом. Они уехали сразу после демонстрации и на все праздничные дни…

Потом Александра поведала мне, как дочка просилась с отцом на турбазу, но он не захотел ее брать, потому что преследовал иные цели. И все три дня был в стельку пьян. Не обошлось без милиции. Степан выбил стекла в директорском коттедже и ругался нецензурно. Посадили голубчика на пятнадцать суток.

Не знаю, зачем она мне все это рассказывала. Прорвало, что ли, на нервной почве? В конце концов пришлось прервать эту весьма поучительную историю.

— Кто, кроме тебя, был в гостях у Широкова первого мая?

— Наши старые знакомые, — не без ехидства усмехнулась Шурка.

— Неужели Ведомский?

— Со своей подружкой, — подтвердила она.

— А как же натянутые отношения?

— Для того и встретились, чтобы помириться и расставить точки над «i».

— Помирились?

— Я в их дела не лезла! — махнула она рукой. — Мужчины закрылись в кабинете и проболтали там не меньше часа, а мы с Рисочкой развлекались как могли.

— Например?

— Смотрели телек, наслаждаясь Ансамблем песни и пляски Советской Армии, и перекидывались фразами типа: «Обещают, что лето будет жарким» или «Вы не собираетесь нынче на юг?». Короче, обыкновенная светская беседа. А что ты, собственно, хотел?

— Она впервые была в доме Широкова?

— Разумеется. После того памятного уик-энда на даче, отношения с Максом резко ухудшились.

— Значит, Рисочка впервые увидела коллекцию? И это произошло накануне гибели инженера?

Я рассуждал вслух, потому что целиком и полностью доверял этой женщине, несмотря на то что в день убийства, за два часа до убийства, она находилась в квартире жертвы. Но как я мог ей не доверять? Ведь я прекрасно знал Александру Вавилову, знал и до и после смерти Широкова. Я работал с ней бок о бок много лет. Наконец, я любил ее. Или, по крайней мере, мне так казалось.

— Она сказала, что вряд ли коллекция принадлежала ее деду.

— Она сомневалась?

— По-моему ей было абсолютно все равно. Колины мундштуки и трубки не произвели на нее впечатления. И вообще, про своего дедушку из Киева она больше не заикалась. А Макс с Николаем ни разу не вспомнили о детях, об этом дурацком, несчастном браке. Говорили о работе, о политике, обо всем понемногу. Короче, обычная вечеринка, как сотни других. И ничто не предвещало трагедии.

— Вот почему Ведомский скрыл тебя от следствия, — вновь рассуждал я вслух.

— Мне бы тогда пришлось рассказывать о наших посиделках первого мая, и он попал бы в круг подозреваемых лиц. Мы заключили с ним что-то вроде сделки.

— Но почему ты это скрыла от меня?

Она тяжело вздохнула, прежде чем ответить, и полезла в сумочку за соломинкой-сигаретой.

— Пойми меня правильно. Тринадцать лет я скрывала от всех, что видела Широкова за час или за полтора часа до гибели. И признаться в этом не так уж просто.

— В то утро он никого не ждал в гости? Не испытывал беспокойства, нервозности?

— Сказал, что дождется домработницу, а потом поедет в турбюро. Они с Максом решили отправить детей в Италию или в Испанию, точно уже не помню. Мол, погреются на солнышке, окунутся в море, авось образуется. Нашли, так сказать, консенсус. Модное в то время словечко. Любовь — не главное, так постановили закадычные друзья. Вот по поводу этого решения Коля, конечно, нервничал. Будучи человеком неглупым, он понимал, что это не выход и что выход только один — развод. Думаю, он понимал еще больше. Он видел, что Лиза со своей безудержной любовью к нему никогда и никого не полюбит. А значит, и его личная жизнь под постоянной угрозой.

— Личная жизнь? Он как-то связывал с тобой свое будущее?

Она лишь кивнула в ответ и отвернулась, смяв в кулаке не затушенную сигарету.

— А ты?

— Я была на грани… — ответила Шуркина спина.

Потом она громко высморкалась, посмотрела на часы и сказала, что ей пора и что провожать ее сегодня не надо. А я имел неосторожность в третий раз поразмыслить вслух:

— Значит, тот, кто убил Широкова, знал, что домработница придет в полдень. Или был с нею заодно.

— Тоже мне тайна! — фыркнула Александра. — Все знали, когда приходит домработница. Накануне Рисочка несколько раз порывалась вымыть посуду, и столько же раз Коля ее останавливал, приговаривая: «Завтра в полдень придет Зина и все вымоет».

— Ты помнишь имя домработницы? — удивился я.

— У меня вообще замечательная память!

На прощание она чмокнула меня в щеку, и ее каблучки бодро зацокали по асфальтовой дорожке.

«Замечательная память, — машинально повторил я. — А имя Ларисы Витальевны вспоминала долго, с потугами, утверждая, что видела ее всего лишь раз. Оказывается, не один раз. И уж больно знаменательная вышла встреча».

Я посмотрел вслед удаляющейся фигурке. Александра направлялась в противоположную сторону от главного входа. В свое время я тщательно изучил ботанический сад. Были еще два выхода: к школе и к филиалу Академии наук. Судя по всему, она шла именно к филиалу. Но ничего достойного внимания Шурки в той стороне я не припомнил, если не считать нашего любимого военного завода. Я не пошел за ней следом. Я знал тропинку, по которой можно сократить путь.

Никогда в жизни мне не приходилось ни за кем следить, и поэтому я волновался, а также испытывал смущение и дискомфорт. Это был миг прозрения и разочарования одновременно. Я подозревал Шурку, Александру Вавилову, бывшую бригадиршу маляров, мою наставницу и подругу. Еще точно не знал, в чем именно, но мое доверие к ней было подорвано всего лишь одной фразой: «У меня вообще замечательная память!» Она притворялась, лицемерила, играла в свою игру.

Предпринятый мною маневр позволил сократить расстояние между нами почти вдвое. Александра миновала здание филиала Академии наук и направлялась, как я и предполагал, в сторону завода. Она торопилась, едва ли не бежала и, по-видимому, очень нервничала, потому что комкала в руке пачку с сигаретами. Ей безумно хотелось курить, но она таким образом старалась преодолеть свой извечный порок. Наконец скомканная пачка отправилась в ближайшую урну.

Ей не приходило в голову обернуться, а я и не думал прятаться за каждым фонарным столбом, находя такое поведение комичным. Мы прошагали метров двести, и примерно столько же оставалось до завода, когда она неожиданно свернула в какой-то двор. Это меня немного озадачило, я сбавил шаг и чуть было не проворонил мою

фигурантку. Не заходя во двор, в проеме между домов я увидел, как Шурка садится в черный «Мерседес-Бенц» с затемненными стеклами. Садится не на место водителя, а рядом. Дверца за нею захлопывается, и в тот же миг автомобиль снимается с места и едет прямо на меня. Впрочем, нескольких шагов оказалось достаточно, чтобы изобразить из себя праздного гуляку, не имеющего никакого отношения к здешним нравам и привычкам.

Проводив взглядом удаляющийся «катафалк», гордость любого русского нувориша, я повернул назад, во двор. На том самом месте, где пару минут назад стоял «Мерседес», какой-то дядька в камуфляже кормил дворнягу остатками хот-дога. Я сразу догадался, что это охранник. Оказывается, автомобиль стоял возле крыльца с железной дверью. «Фирма «Фаэтон» — гласила табличка на двери.

5

Понедельник, как известно, день тяжелый, и мне хотелось собраться с мыслями, посидеть дома, то бишь на «мансарде» у сестры, подвести кое-какие итоги. Но не тут-то было. Позвонила Лиза Кляйн и взволнованным голосом попросила о встрече. О немедленной встрече. По телефону она не желала ничего объяснять, а только требовала, чтобы я приехал к ней домой. Ясно было одно: случилось что-то из ряда вон, потому что в одиннадцатом часу утра она еще находилась дома, а не на работе.

Я застал ее в подавленном настроении. Ничего не объясняя, Лиза провела меня в кабинет отца и указала пальцем на письменный стол. Там на неровно отрезанном квадратике красного бархата лежала курительная трубка из черного дерева. Подойдя ближе, я разглядел на ней барельефный череп, довольно посредственно выполненный.

— Это из папиной коллекции, — выдавила из себя Лиза, а я уж грешным делом подумал, что она лишилась дара речи. — И бархат тоже. Им было оббито дно сундука, в котором хранились трубки.

— Как она сюда попала?

— Я обнаружила ее сегодня утром на столе. Ты понимаешь, в чем дело? У кого-то есть ключи от моей квартиры.

Я поразился ее спокойствию, граничащему с фатализмом. Все эти годы убийца Широкова хранил ключи от квартиры, а она не подумала сменить замки.

— Вчера утром ее здесь не было. Я каждое утро проветриваю папин кабинет. А вечером я сюда не входила…

— Ты вчера весь день провела дома?

— Я уезжала на несколько часов. Отсутствовала приблизительно с четырех до девяти вечера.

Всему на свете приходит конец. Недолго длилось и фаталистичное спокойствие Лизы. Она упала ко мне на грудь и разрыдалась.

— Кто? Кто меня так ненавидит? — вопрошала она. — Кто ненавидел моего отца? Что мы сделали этому человеку?

Я успокаивал ее, как мог, хотя не дока по этой части. А перед глазами стояла Зинаида Кондратьевна, с презрительной усмешкой. Уж она-то точно ненавидела и отца, и дочь. Но нельзя же подозревать старую женщину в таком преступлении. А курительная трубка с

черепом? Это что-то из сицилийских страстий-мордастий!

— На работу пойдешь? — спросил я.

Лиза покачала головой:

— Я предупредила Шуру, что больна.

— Тогда поедем куда-нибудь, посидим в спокойной обстановке, пораскинем мозгами.

Мое предложение было принято, и мы нашли самую дорогущую забегаловку, где в это время — ни души. Я не испытывал угрызений совести, когда она платила за меня. Авантюристы — закаленные люди, а журналистское удостоверение приучает к халяве. За меня часто платят. Что поделаешь, деньги не держатся в моем кошельке.

— Фирма «Фаэтон» тебе о чем-нибудь говорит? — начал я для затравки.

— Контора дяди Макса, — сообщила она. — Посредническая деятельность. Восемь лет процветания. Мало кто верил в деловые качества начальника милиции, но он показал себя с наилучшей стороны.

Обстановка располагала к откровенности, и я задал вопрос, на который не решился позавчера:

— Что произошло между тобой и Ведомским на даче, пока мы с Ларисой ловили на болоте привидение?

— Он сказал, что меня кто-то провоцирует, хочет нас поссорить, вытащить наружу старое белье. А я сказала, что он просто старый козел, иначе зачем скрывать эту сучку, любовницу моего отца?

— А что, если он прав?

— Ты серьезно так считаешь?

— Посуди сама, разве не провокация эта курительная трубка? И с таким же успехом тебе могли подбросить тот черный мундштук. Почему ты его раньше не замечала? Почему увидела через тринадцать лет? Может, кто-то захотел и ты увидела?

— Этот мундштук не из коллекции.

— А трубка? Ты уверена, что она из коллекции? Уж больно топорная работа, дешевка. И кусок красного бархата найти нетрудно.

— Я не уверена, что эта трубка из коллекции, — призналась Лиза, — но я уверена, что это сделала женщина. Тот же запах духов, едва уловимый, сладковатый.

— А по-моему, это твои фантазии, — вздохнул я, в который раз убеждаясь в ее не совсем удовлетворительном психическом состоянии. — У кого еще есть ключи от квартиры?

— Только у мужа. Он — в Индии.

— У вас с отцом было три связки ключей?

— Ну, да. Зинаида Кондратьевна свои ключи вернула. Я их спрятала. И что теперь делать?

— Вызвать слесарей и заменить замки, — предложил я. — А трубку эту выброси к чертовой матери и выброси из головы! Давление на психику, старый прием, и не самый удачный.

— Подобные номера любил откалывать дядя Макс. В детстве он часто меня разыгрывал. И поверь, не всегда это было остроумно. Если он и на этот раз шутит…

— Кстати, какая у него машина?

— «Волга». Представляешь? Вот позорище! И ни за что не хочет с нею расставаться. Колымаге уже лет пятнадцать, а то и больше!

Постепенно она приходила в себя, а кофе с ликером придал ей бодрости и веселья.

— Почему ты так не любишь Ларису Витальевну? — продолжил я допрос.

— Потому что любила свекровь, а у дяди Макса с этой красоткой началось все очень давно.

— Свекровь догадывалась?

— Думаю, да. Она была из тех женщин, которые чувствуют измену мужа и глубоко ее переживают.

— А твой отец изменял матери?

— А кто не изменяет? Вот ты, например…

— Давай не будем меня брать в пример, — поставил я точку на этой теме.

— Женя, — обратилась она как можно мягче, — ты должен сегодня остаться у меня. Пойми правильно.

Я понял, что обречен, но решил сопротивляться до конца.

Только в десятом часу вечера слесарь из ЖЭКа, которого я заполучил путем невообразимых обоюдных модуляций, установил новые замки в квартире Кляйн. Я мог спокойно отправляться ночевать к сестре, но не все события этого дня завершились. Произошло нечто, похожее на сон. Наверно, если бы я встретил инженера Широкова — и то бы не так удивился, как этой странной встрече.

Итак, я покинул Лизу в сопровождении пожилого слесаря. Он шел со мной до автобусной остановки и рассказывал о былых временах, хотя я не вызывал его на разговор. Очевидно, старику не с кем было поговорить. Он прекрасно помнил Широкова и его жену. Как только они въехали в этот дом, сразу обратились к нему. Он и вставлял те самые замки, которые нынче менял. Дальше следовали пространные

философские рассуждения о смысле и быстротечности жизни, которые я осмелился прервать:

— А сколько было комплектов ключей?

— Три, как обычно.

— А впоследствии никто не обращался к вам за дубликатами?

— А как же! Пришлось еще один экземплярчик выпилить. Для домработницы. Они люди были зажиточные даже по тем временам, могли позволить себе домработницу.

— Она сама к вам обратилась с такой просьбой?

— Зачем? Я ее в глаза не видел. Николай Сергеевич попросил.

— Неужели трех комплектов не хватило? — не понял я.

— Считать умеешь? — Пролетарий-философ разгладил седые усы и стал загибать пальцы. — Отец семейства — раз, мать семейства два, дочка-школьница (между прочим, круглая отличница) — три, и — сам понимаешь кто. Вот так. А мы всегда готовы откликнуться на нужды граждан. Ну, бывай!

Он протянул мне на прощание руку, и я пожал ее крепче, чем делаю это обычно. Мы доплелись до автобусной остановки, когда слесарь наконец покинул меня, оставив с глазу на глаз с той, что неотступно за нами следовала. Слежку я почувствовал сразу, едва мы вышли из подъезда. Я дважды оборачивался и видел молоденькую девушку метрах в пяти от себя. Она смотрела мне прямо в затылок и двигалась как сомнамбула. Она делала это еще хуже, чем я накануне. Или может быть, бледный силуэт луны, обозначившийся на светлом небе, так действовал на девушку?

Стоило мне остаться одному, как загадочная спутница сразу же приблизилась и поздоровалась.

— Разве мы знакомы? — опешил я.

Мне уже приходилось упоминать на этих страницах о моей зрительной памяти. Если учесть, что я не был в родном городе несколько лет, а девушка выглядела на двадцать, то невозможно представить, где и когда мы познакомились.

— Нет, — ответила она, — но я знаю, что вас зовут Евгением. И еще, я видела вас вчера возле фирмы «Фаэтон»…

Девушка сильно смущалась. Видно, ей нелегко давался этот разговор. И, возможно, она сама не ожидала, что способна на такой поступок. Тем временем я успел ее хорошенько разглядеть. Красавицей она не была, про таких говорят: «Обаятельная мордашка». Невысокого роста, длинные светло-русые волосы, немного вытянутое лицо, смуглая кожа. Все довольно банально, но вот глаза! В ее светлых

глазах чувствовались глубина и сопереживание. Что-то давно забытое в Наши дни, известное нам лишь из старых романов.

— Вы работаете на этой фирме?

— Не совсем так. Да это и не важно. Я видела, за кем вы следили. — Девушка снова смутилась, потупила взор, а потом вдруг резко выстрелила взглядом, словно хотела пригвоздить меня к фонарному столбу. Честно говоря, я никогда и ни у кого не встречал подобного взгляда. — Я лишь хочу вас предупредить. Дело, которым вы занимаетесь, сложное и запутанное, и вы никогда не докопаетесь до истины, потому что вами изначально управляют. Вас впутали в очень грязную историю! И вы наделаете много бед!

— Как вас зовут, ясновидящая? — улыбнулся я. Слова ее мне показались наивными, но очень искренними.

— Надежда.

— Какая же вы Надежда, если говорите, что все зря?

— Я боялась, что вы все обратите в шутку. И, того хуже, начнете со мной заигрывать.

Я предложил где-нибудь посидеть, чтобы обсудить наши проблемы, но от кофе она сразу отказалась.

— Если вы не против немного пройтись, мы могли бы посидеть на Плотинке, а потом расстаться, — предложила девушка.

Первым делом я спросил, откуда она знает мое имя. Надежда была хорошо осведомлена: читала мои журналистские расследования последних лет. Поделилась сокровенной тайной, что тоже хочет быть журналисткой или следователем, но родители заставили ее учиться на экономиста, считая, что именно эта профессия поможет приспособиться к жизни.

— А мне вот не удается приспособиться к жизни уже тридцать с лишним лет, — поделился в свою очередь я. — И вряд ли вообще получится.

— Поэтому вы вернулись на родину? Набраться сил и начать все снова, с белого листа?

Мне показалось, что это моя собственная тень материализовалась в виде девушки по имени Надежда, так много она обо мне знала. Узнать же что-либо о ней самой не получалось. Она уходила от темы или говорила напрямик: «Не спрашивайте меня об этом!»

Мы видели, как солнце закатилось за башни храма Александра Невского, окрасив розовым футуристический купол цирка. А ветер с пруда принес запах гнилой воды и крики чаек.

— Откажитесь пока не поздно от этого дела! — умоляла Надя,

сложив ладони лодочкой. — Потом сами будете жалеть.

— Все это слова, милая девушка. Вы не привели ни одного факта в подтверждение ваших слов. Может, вас подослали ко мне? Почему я должен вам верить?

Но ее глаза не обманывали. В них было столько боли и страдания, что мне сделалось не по себе. Нет, не может быть! Она тревожится не обо мне, о совершенно незнакомом ей человеке. Она тревожится о ком-то другом, о ком никогда не расскажет.

Вскоре странная девушка покинула меня, взяв клятвенное обещание никому не говорить о нашем свидании. И если в ближайшие дни я встречу ее в компании знакомых мне людей, то ни под каким видом не должен выдать нашего знакомства.

Мы пожали друг другу руки, словно состояли в заговоре.

6

Я не поклонник классической красоты, правильных черт, томных глаз, чувственных губ. Ненавижу симметрию, глагольные рифмы, полонез Огинского и еще много такого, чем принято восхищаться. Поэтому тайное свидание с Ларисой Витальевной для меня было мучительным эпизодом, который я постараюсь поскорее забыть.

Гостеприимная Рисочка напоила кислым вином, накормила соленым сыром, а потом без всякого стеснения предложила «заняться развратом». Чем мы, собственно, и занялись, изображая пылких любовников. *Я* преследовал единственную цель — остаться в ее квартире до утра, чтобы осуществить задуманное. В свои планы она меня тоже не успела посвятить. Если бы мы с ней сразу раскрыли карты, то вряд ли бы добрались до постели. Надо сказать, что для бывшего инспектора по делам несовершеннолетних, Рисочка была слишком возбудима и довольно извращена.

Она жила на первом этаже старого, шлакоблочного дома. Окно спальни выходило в сад, и, когда мы угомонились, сразу заквакали лягушки и застрекотали цикады. Я сказал, что ее дом напоминает мне о детстве, когда лето я проводил за городом, у дедушки с бабушкой. Она тоже начала вспоминать предков. Оказалось, что это квартира ее деда. Вернее, комната, которая теперь спальня. В остальных двух комнатах жили соседи. Все хорошо друг друга знали, так как работали на одном заводе и были когда-то эвакуированы из Киева. В Свердловске осело много киевлян, потому что родной город после освобождения лежал в руинах. К тому же «невозвращенцам» в скором времени обещали жилье. Но дед прозябал в коммуналке до конца дней своих, а умер он в середине восьмидесятых.

Она с увлечением рассказывала о деде, и я поощрял ее энтузиазм. Но ни разу в своих воспоминаниях Лариса Витальевна не коснулась пропавшей коллекции. Она была любимой внучкой, в мельчайших подробностях знала историю исхода предков из родных земель и, тем не менее, умело обходила интересующей меня вопрос. А я не решался спросить напрямик.

В конце концов я пришел к выводу, что поиск дедовской коллекции для нее больше не актуален. Ведь когда-то давно она не стеснялась заговорить о семейной реликвии с малознакомыми людьми.

Что же случилось теперь?

Наговорившись вдоволь, мы отошли ко сну. На самом деле я только притворялся спящим и ждал момента, чтобы покинуть «ложе любви» и заняться «исследовательской работой». Такие штуки частенько вытворяют профессиональные альфонсы.

В квартире Рисочки имелось пять довольно вместительных шкафов старого образца. И дверцы этих махин, скорее всего, изрядно скрипели. Поэтому я решил начать с самого дальнего, кухонного, буфета. А если хозяйка застанет ночью на кухне, всегда можно найти оправдание: мучает жажда, икота, изжога… Да мало ли что!

Я осторожно поднялся, достал из барсетки заранее заготовленный карманный фонарик и отправился на кухню.

Как я и предполагал, петли на дверцах буфета давно не смазывались. Осмотр не занял много времени. Столовые сервизы, кухонные приборы, фарфор, стекло, хрусталь, мельхиор и даже серебро меня не интересовали.

Я хотел было двинуться дальше по соломенной циновке, будто она могла спасти от скрипичной фуги половиц, как наступил босой ногой на какой-то твердый предмет. Под циновкой оказался люк.

Я ведь не раз бывал в таких квартирах с погребами, обычно расположенными под кухней или коридором! Не сомневаясь ни секунды в успехе операции, я дернул крышку погреба на себя. Вместо ожидаемого запаха плесени и мышиного помета из черной дыры дохнуло сандалом и первосортным табаком.

Оказавшись внизу и включив свет, я понял, что нахожусь в комнате, предназначенной, скорее, для отдыха и размышлений, а не для меркантильных заготовок на зиму. Стены и потолок были оббиты синей тканью, и в тон им — изъеденный молью абажур. Из мебели — кресло, комод с зеркалом и маленький столик. Все из ореха, старое, но еще крепкое. На столе — курильница для благовоний и пепельница из слоновой кости. «Подходящее место для дедушкиной коллекции», — сказал я себе. Моя догадка немедленно подтвердилась, когда начал выдвигать ящики комода. Каждый из них, обтянутый синим бархатом, представлял часть уникальной коллекции. Ее уникальность была очевидна. Мундштуки и трубки представляли художественную ценность, потому что являлись произведениями искусства. Но я искал один-единственный мундштук, из слоновой кости, с изображением индианки, который больше других запомнился Лизе Широковой. Я обнаружил его в предпоследнем ящике комода. Инженер был не далек от истины, утверждая, что мундштуку двести лет и что он был

привезен из Индии (или, как любили тогда говорить, из Ост-Индии) каким-нибудь английским офицером. Я подержал его немного в руках и положил на место.

Уходить из потайной комнаты не хотелось, и я решил сосчитать экспонаты, но не успел дойти и до половины, как над моей головой заскрипели половицы и на кухне вспыхнул свет. Я подождал, не спустится ли хозяйка, но она явно хотела видеть меня наверху.

Когда я закрывал ящики, то обнаружил на стене, рядом с зеркалом, связку ключей. Маленьких резных ключей, каких уже давно не производят. Ключей от ящиков комода.

— Нашел то, что искал? — ухмыльнулась Рисочка.

Она сидела на табурете и держала руки в карманах халата. Я предположил, что карманы ее халата могут представлять для меня опасность, если это не профессиональная привычка.

— Ты забыла рассказать о дедушкиной коллекции, — в свою очередь ухмыльнулся я.

— И ты решил восполнить пробел?

— Страсть как люблю красивые вещи! Прости, не смог удержаться! Там есть одна вещица, которую очень ценил инженер Широков. Может, проведем ночь откровений?

— Почему бы нет?

Ее манеры по-прежнему оставались мягкими и разнеженными. Рисочка напоминала флегматичную кошку, которой все равно, будут ее гладить по шерстке или дергать за хвост.

— Закрой за собой дверку и пойдем в постель, — сказала она таким тоном, словно ничего не случилось.

Мы больше не изображали пылких любовников. Но и не испытывали друг к другу неприязни.

— Коллекцию мне подбросили через два дня после гибели инженера, — начала она. — Убийца решил сделать меня своей сообщницей.

— А ты не заявила в милицию, потому что…

— Потому что справедливость восторжествовала. Эту коллекцию начал собирать еще дед моего деда. Некоторым экспонатам более двухсот лет. После революции, разорившей моих предков, чудом сохранившаяся коллекция стала настоящим утешением, последней семейной реликвией. Сохранить ее для потомков мой дед считал своим долгом. Представь себе, каким горем для него и для всей семьи стала пропажа коллекции в сорок четвертом году. Ее выкрали из этой самой комнаты. Тогда обчистили не только деда, но и всех жильцов. Да

только, что у них было брать? Он, конечно, заявил в милицию и даже не побоялся раскрыть свое дворянское происхождение. Но что толку? Когда я поступила в юридический институт, дед взял с меня клятву, что я буду искать его коллекцию. Я поклялась, но в душе посмеялась. Прошло тридцать пять лет, а в чудеса я давно уже не верила. И зря. Примерно через пять лет после смерти дедушки, коллекция неожиданно всплыла. Широков сам рассказал о ней, когда мы были на даче у Макса. Он хвастался моим семейным достоянием, взахлеб описывая некоторые экспонаты, которые я видела лишь на фотографиях, сделанных еще в Киеве. Эти фотографии дед завещал мне вместо коллекции. Я сдерживалась, как могла, чтобы не выдать своей боли и отчаяния, но кое-кто все понял. Я только спросила Николая, когда он приобрел коллекцию. В общем, мне было наплевать, заплатил он за нее гроши или отдал целое состояние, купил у вора или у третьего, у пятого, десятого лица! Я знала лишь одно: коллекция должна вернуться ко мне, к потомку старинного дворянского рода.

Лариса Витальевна сделала паузу, посмотрев в окно. Там занимался рассвет и щебетали утренние птахи. Я решил пока не задавать вопросов и потому молчал.

— Думаешь, я вошла с кем-то в сговор? Или, может быть, считаешь меня убийцей? Мои действия были самыми невинными. Я покопалась в наших архивах и сняла копию с заявления деда, с подробным описанием экспонатов коллекции. Я рассчитывала показать ее и фотографии Широкову, чтобы начать переговоры о выкупе, потому что решить мой вопрос через суд было практически невозможно. Но как раз в это время у них с Максом начались ссоры из-за детей. Я подумала, что момент неподходящий. Я, как подруга Макса, вряд ли могла рассчитывать на благосклонность инженера. Пришлось набраться терпения.

Она снова замолчала, и тут я вмешался:

— Но первого мая восемьдесят восьмого года, в гостях у Широкова, ты сказала, что это вовсе не та коллекция, которую украли у твоего деда.

— Я вижу, ты неплохо поработал, — похвалила меня Лариса Витальевна. — Лизочка не ошиблась в выборе сыщика. Но пойми меня правильно, Женечка, их отношения только-только наладились. Что мне оставалось делать? Сразу же нанести удар? Ведь я знала, как Николай дорожит коллекцией. Я даже подозревала, что он никогда не расстанется с нею добровольно. Поэтому так важно было сблизиться…

— А на другой день его убили…

— Я рвала на себе волосы, когда узнала об этом!

— О том, что коллекция снова украдена?

— Не иронизируй, пожалуйста!

— Надо полагать, что через два дня ты не только успокоилась, но и почувствовала себя счастливой? Поделись воспоминаниями. Что ты испытала, когда обнаружила коллекцию в своем доме? В доме деда, из которого ее унесли сорок четыре года назад?

— Конечно, в первую очередь я задумалась над тем, кто это мог сделать? А главное, зачем? И не нагрянут ли ко мне утром гости с ордером на обыск? У меня тогда был небольшой садовый участок в районе Березовского тракта. Той же ночью я отвезла коллекцию туда и закопала в саду. Когда на следующее утро ко мне никто не пришел с обыском, я поняла тонкий расчет убийцы. Меня брали в сообщницы, а значит, я должна было сделать все, что в моих силах, чтобы преступника никогда не нашли. И я это сделала. Следствие затормозилось, а та личность, которую я подозревала в убийстве, ни разу не была вызвана на допрос.

— Имя личности ты, конечно, не назовешь?

— Не наглей, Женечка! Ты и так уже знаешь слишком много, чтобы жить. И другая на моем месте, пристрелила бы тебя, не задумываясь, еще там, внизу.

— Ты бы тогда нарушила цветовую гамму твоей синей комнаты, — издевался я, — а трупный запах заглушил бы аромат сандала и табака!

— А не пошел бы ты к чертям собачьим!..

7

Она выставила меня из дому в шестом часу утра. Город начинал просыпаться, транспорт еще не ходил.

Я брел по каким-то пустынным улочкам, плохо ориентируясь в незнакомом месте, пока не вышел к трамвайным путям.

Бессонная ночь сильно сказывалась на состоянии духа. Кондуктор, увидев мою удрученность, махнул рукой и не взял денег.

Я проспал весь день, но и к вечеру в голове не прояснилось. Почему Рисочка так легко отпустила меня? Она прекрасно понимает, что я обо всем доложу Лизе. Ее это устраивает? Почему она не заперла ящики комодов и не спрятала ключи? Думала, не доберусь до коллекции? Или, наоборот, хотела, чтобы я до нее добрался?

«…Вами изначально управляют. Вас впутали в очень грязную историю! И вы наделаете много бед!» — постоянно слышал я голос странной девушки, возникшей из небытия и в небытие ушедшей.

У меня не было сомнений в отношении личности, которую Лариса Витальевна подозревала в убийстве. Что хотите делайте со мной, но представить Шурку в образе убийцы я не мог. А главное, что за резон ей был убивать любовника? Может быть, Рисочка хочет натравить Лизу на ее заместителя? И что дальше? Она-то какое отношение к ним имеет? Лариса Витальевна работает в фирме «Фаэтон». А что возле этой фирмы делала Шурка?

«Вас впутали в очень грязную историю!..»

Мое положение было не завидным. Связанный с Александрой обещанием не выдавать ее начальнице, я не мог предоставить Лизе полную информацию. Поэтому честнее было бы отказаться от дальнейшего расследования и от денег. Так я и решил поступить.

Мы встретились с Лизой Кляйн в четверг вечером в кафе «У Рустома». При первом нашем свидании меня все раздражало в этой женщине, а ее глаза казались щупальцами. Теперь все выглядело иначе. Мы не стали ни любовниками, ни друзьями, но хорошими знакомыми нас можно было смело назвать. Вот только взгляд ее меня по-прежнему пугал. Неспокойный, в чем-то уличающий.

Я начал с того, что отказался от ужина, заказав лишь кофе и мороженое, за которые способен был заплатить.

— Невиданные перемены! — посмеялась надо мной Лиза, но

вскоре ей стало не до смеха, когда я сообщил, что отказываюсь от дальнейшего расследования, потому что в деле возникли обстоятельства, которые задевают меня лично.

— Что это за чертовы обстоятельства?! — возмутилась она. — Ничего не хочу знать! Тебя подкупили! Я так и думала! Этот старый козел способен на все!

Подозрение в подкупе меня несколько покоробило. Так часто бывает, когда хочешь выглядеть честным, тебя принимают за отъявленного мерзавца.

— Думай, что хочешь, но Ведомский здесь ни при чем. Вчера ночью я собственными глазами видел коллекцию твоего отца…

Она мне поверила только после того, как я описал ей парочку экспонатов. А когда назвал имя Рисочки, неожиданно подозвала официантку и заказала бутылку водки.

— Больше ничего не требуется, вообще ничего не требуется, — шептала она, опорожняя одну рюмку за другой. — И так все ясно.

— Что тебе ясно?

— Это Макс. Его рук дело.

— Опять Макс! — ударил я кулаком по столу. — Что ты вбила себе в голову? Зачем ему убивать твоего отца?

— Чтобы вернуть этой стерве коллекцию! Они могли ее заполучить только через его труп! А Макс ради этой стервы готов был на все! Это он! Это мог быть только он!

— Хватит пить и выслушай меня! — Я предпринимал отчаянные попытки переубедить Лизу. — Коллекция украдена для отвода глаз. Мотив убийства был иной. В противном случае Рисочка бы меня близко не подпустила к коллекции. А может быть… Может быть, кому-то выгодно, чтобы ты заподозрила Ведомского? Вспомни, что он сам тебе сказал на даче?

— Кому выгодно, Женя? Что ты плетешь? Просто Рисочка — наглая тварь, не боится ничего и никого. Но это она зря! Ох, зря! Я оставлю от этих сук мокрое место!..

На нас начали оглядываться, и я предложил покинуть заведение. Лизу шатало, пришлось взять ее под руку и самому сесть за руль. На свежем воздухе Кляйн еще больше захмелела и всю дорогу несла полную околесицу. Я довел ее до квартиры, но она никак не могла справиться с новыми замками. Наконец я забрал у нее ключи и отпер дверь.

— Женя, Женя, за что они так с ним? — причитала пьяная женщина, усевшись на пуф в прихожей и уронив голову на грудь. —

Зачем она подкинула эту трубку с черепом? Хотела запугать?

— Это не она!

— И ты ей веришь?

Да, я почему-то верил. Лариса Витальевна предложила вернуть Лизе экземпляры, собранные ее отцом. «Эти безвкусные, ширпотребные трубки и мундштуки застойного периода, которыми Николай решил дополнить коллекцию деда! Они валяются у меня на дне сундука. Можешь отнести их Лизочке!» И тогда я спросил, не она ли в воскресенье завезла ей трубку с черепом? Удивление Рисочки было неподдельным. Мне даже показалось, что своим сообщением я напугал бесстрашную милиционершу.

Постепенно хмель выветривался, и Лиза приходила в себя. Тогда я решил проститься. Это действительно была наша последняя встреча, и больше мы никогда не виделись.

— Ты еще услышишь обо мне! — пообещала она. — И не пожалеешь, что связался со мной. Мы, Широковы, умеем ценить настоящих друзей!

Выйдя от нее, я почувствовал себя свободным человеком. Пускай без денег, но зато с моих плеч свалился тяжкий груз. Каким я был наивным в ту минуту!

Несколько дней я провел «взаперти» на «мансарде» с книгой и плеером. Читал мистику и слушал заунывную средневековую музыку. Моя терпеливая сестра никак не реагировала на мой затянувшийся визит. И, что очень важно, не задавала вопросов и не просила денег за постой. Я уже серьезно подумывал о том, чтобы на следующей неделе сняться с места и погостить немного у кузена в одном из городов-спутников Екатеринбурга, но как-то утром сестра сунула мне в ухо телефонную трубку.

«Дрыхнешь? — засмеялась Шурка. Никогда раньше я не обращал внимания на ее смех. Смеялась ли она раньше? Теперь это невыносимо было слышать! — Сделал дело — гуляй смело…

— В каком смысле? — не понял я. — Какое дело?

— Ну-ну, не надо скромничать. Жди меня в полдень у филармонии. Мне надо кое-что тебе передать. И почитай сегодняшние газеты, если еще не в курсе…

Отказавшись от завтрака, я стрелой помчался вниз, к газетному киоску. Накупив целую охапку местной прессы, уселся прямо на газон. В то утро мне было не до церемоний.

Во-первых, я узнал, что наступил понедельник, и очень этому удивился. Мне казалось, что со времени нашей последней встречи с

Лизой Кляйн минула неделя, а выходит — всего три дня! Заглянув в криминальную хронику, сразу наткнулся на заголовок: «Погиб глава фирмы «Фаэтон». «Вчера вечером, возвращаясь с дачи, попал в автомобильную катастрофу… Отказали тормоза у старой «Волги»… У милиции есть версия заказного убийства…» В другой газете я нашел сообщение о заместителе фирмы «Фаэтон» Ларисе Витальевне Божко. Минувшей ночью в ее доме вспыхнул пожар. Возгорание произошло от взрыва. По всей видимости, кто-то бросил в окно бутылку с зажигательной смесью. Хозяйка квартиры госпитализирована, находится в крайне тяжелом состоянии.

Я понял, что Лиза сдержала обещание. Она была из тех женщин, что не бросают слов на ветер.

В полдень у филармонии я вспоминал, как Шурка в прошлый раз меня проколола и я крыл ее последними словами за дурацкий розыгрыш. Теперь я не испытывал раздражения, а напротив, был бы рад отложить нашу встречу. Но Шурка опоздала всего на три минуты. Знакомый мне «Мерседес-Бенц» с затемненными стеклами остановился как вкопанный, и передо мной распахнулась задняя дверца.

За рулем сидел худощавый мужчина средних лет. Рядом с ним Шурка. На заднем сиденье — девушка в черных очках.

— Садись, — предложила Александра. — Давно ждешь?

Я лишился дара речи, когда увидел в зеркале лицо шофера.

— Это Степан! Не узнаешь? Вы ведь были когда-то знакомы.

— Привет, старина! — проскрипел худощавый мужчина, в котором смутно узнавался алкаш Степка-фрезеровщик. Его некрасивое лицо напрочь выветрилось из моей памяти. Какая все-таки загадочная штука — наша память! А ведь он так похож на свою мать! Прямо одно лицо! И волосы еще рыжеватые, хоть и подернуты сединой! «Рыжику на день рождения от дяди Коли…» Рыжик попал под машину, но выжил, только лишился ноги…

Не успел я собраться с мыслями, как был ошарашен новым открытием.

— А это — наша дочь, Наденька! Ты ее, кажется, видел в младенчестве, но вряд ли узнаешь. Соплюха превратилась в барышню!

Девушка, рядом с которой я сидел, сняла очки. И в ней я сразу признал мою странную спутницу по имени Надежда.

— Я много о вас слышала, — потупив взор, произнесла она.

— Господи, кто бы мог подумать! — начала лицедействовать Шурка. — Несуразный парнишка из моей бригады, неумеха Женька

Немет, и вдруг на тебе — известный журналист!

— Чего только в жизни не бывает! — поддержал супругу Степан.

— Да, чуть, не забыла! — всплеснула руками Вавилова-старшая. — Лиза просила передать тебе кое-что!

На мои колени шлепнулся конверт. В нем лежали доллары и не было никакой записки.

— А где она сама?

— Летит в Индию, к мужу. Очень соскучилась, не видела его почти год. А ты, я вижу, успел облачиться в траур?

Она впервые заметила, что я в черном? Нет, вряд ли. Шурка все замечает. Она просто издевалась надо мной.

— Лиза немного поторопилась… — Я имел в виду не поездку к мужу, а кое-что другое, но Александра захохотала. «Боже, откуда у нее этот ужасный смех?!»

— Так что я не заработал этих денег…

Теперь уже и Степан смеялся, скрипуче, с потугами, будто его вынуждали.

На миг мне показалось, что я попал в мир каких-то свиноподобных существ. Я хотел швырнуть доллары в их мерзкие рыла! Я так бы и поступил, если бы не почувствовал прикосновение холодной, влажной руки. Она крепко, до боли, сжала мое запястье. И я проглотил обиду.

— Не скромничай, Женечка! Ты отлично поработал и вполне заслужил эти деньги!

— Куда мы едем? — услышал я свой голос и едва узнал его.

— В одну армянскую обжираловку, — пояснил Степан. — Выпьем за встречу. Вы — вино, а я — святую водицу.

— Фу, Степа! Ты — вульгарен! — по-детски надула губы Шурка.

Надя отпустила мою руку, и мы впервые встретились взглядами. «Мне не полезет кусок в горло!» — «Мне тоже! Но надо терпеть, если хотите докопаться до истины!»

Между тем Степа, чтобы не скучать, включил магнитофон. Безголосая девица под аккомпанемент электронной пукалки лепетала что-то любовно-детсадовское, причем с дефектами речи ей повезло больше, чем с музыкальным слухом. «У дурных людей — дурные песни», — изрек некогда Шиллер. И я много раз убеждался в правоте этих слов. Шура пританцовывала (точнее, ерзала задом) и подпевала певице. У нее было прекрасное настроение.

В ресторане нам выделили отдельную кабинку. Сам хозяин заведения, толстый армянин с печальными глазами, засвидетельствовал свое почтение супругам Вавиловым. Я понял, что в

связи с последними событиями произошли какие-то крутые изменения. Но какие именно? Во всяком случае, семья Вавиловых, за исключением одного члена, торжествовала. Я только не понимал, почему мне было оказано такое доверие? Может быть, моя известность тешила их тщеславие?

Супруги сели рядом, а мы с Надей устроились напротив. Нам подали харчо, шашлыки из осетрины и поставили керамический кувшин с настоящим кахетинским вином. Степан вздыхал и облизывал губы, разливая вино в чужие бокалы. Пили только мы с Шурой, потому что Надя наотрез отказалась, сославшись на завтрашний экзамен.

Степан вспоминал прежние времена, завод, беззаботную, хмельную молодость. Александра ловко прервала его, заметив, что с нашего завода вышло много знаменитых людей, особенно, политиков и бизнесменов. Во времена Ельцина некоторые перебрались в Москву и нынче процветают в столице, а кое-кто остался процветать здесь. С ее уст не сходило имя директора местного телевизионного канала, который в те самые времена возглавлял идеологический сектор заводского комитета комсомола.

— Ты же его хорошо знаешь, — обратилась она ко мне, — да и он тебя наверняка помнит. Почему бы не нанести ему дружеский визит? Ты — известный журналист, он — телевизионный функционер. Вы могли бы найти общий язык. Внешность у тебя подходящая, чтобы украсить любую телепрограмму. Глядишь, покажут по ящику! И нам подсобишь с рекламой…

Видно, планы относительно меня у Шуры резко изменились. Раньше она требовала, чтобы я поскорее убрался из города, а теперь сама берется устроить мою карьеру на местном телевидении. Неужели все настолько замечательно? Неужели она больше никого и ничего не боится? Все помехи устранены, и можно честно смотреть в глаза собственной дочери?

Едва я подумал о Наде, как снова почувствовал прикосновение ее холодной руки. На этот раз в мою ладонь нырнула записка, которую она, по-видимому, успела настрочить в туалетной комнате.

Ничего не подозревавшие родители принялись взахлеб расхваливать Наденьку. Особенно усердствовала захмелевшая мать, словно репетировала будущие смотрины. Надя сказала, что ей пора ехать, надо готовиться к экзамену. Отец вызвался подвезти дочь, оставив нас с Александрой тет-а-тет.

— Как видишь, у меня прекрасная семья, — начала она. — А кто-

то когда-то советовал бросить мужа. Степа с годами сделался мудрее. Если бы ты знал, как его ценят на работе!..

— В фирме «Фаэтон»? — уточнил я.

— Знаю-знаю, о чем ты подумал! Мол, эти вездесущие Вавиловы подсуетились и заграбастали в свои руки обе фирмы! Нет, Женечка, это чистая случайность… Чистая случайность, друг мой!

До меня постепенно доходил смысл ее слов.

— Ты хочешь сказать, что фирма Лизы Кляйн и фирма Ведомского?..

— Ну, конечно, мой милый! Я хочу сказать, что завтра-послезавтра стану главой фирмы «Кляйн и компания», потому что не успеет Лиза приземлиться в аэропорту города Бомбея, как ее тут же сцапают. Она пока летит в самолете и не подозревает, что на нее подали запрос в Интерпол. Мальчишки, которых она наняла в киллеры, сегодня ночью раскололись и дали показания. Бедная Лиза! И почему люди бывают настолько глупы.

— Это глупая, бедная Лиза устроила твоего мужа в фирму Ведомского?

— Она протежировала Степу, а Лариса Витальевна расписала Максу его деловые качества и помогла ему стать вторым заместителем.

— И завтра-послезавтра он станет главой фирмы «Фаэтон», — догадался я.

— Умничка! — похвалила совсем уже окосевшая Шурка. Я заметил, что при домочадцах она старалась не курить, а сейчас не успевала загасить одну сигарету, как тут же принималась за другую.

— Но все это чистая случайность! Просто повезло, так расположились небесные тела!

— Ты меня считаешь идиотом? — Больше не было холодной, влажной руки, которая могла бы меня остановить. — Ведь это ты положила черный мундштук в ящик письменного стола инженера Широкова! И не тринадцать лет назад, а совсем недавно! Ты сыграла на комплексе Лизы, возбудив в ней болезненную ревность! Ты посоветовала ей нанять частного детектива, твоего знакомого, которого тут же обработала, связав обещанием! И в результате Лиза получала от меня только часть информации. Ты планомерно натравливала ее на Ведомского!..

— Довольно-довольно!..

Во время моего монолога она не прекращала смеяться.

— Довольно молоть всякий вздор! Пожалей их всех, бедненьких-

несчастненьких! Они были такими беззащитными, обиженными судьбой! Что ты знаешь о каждом из них? Они достигли своей цели, ступая по трупам! Почему же другим нельзя? Все делается во благо, поверь мне. Ведь Макс давно предлагал Лизе совместный бизнес. Две процветающие фирмы — в единый мощный кулак! Но эта психованная ничего не желала слышать, потому что всегда подозревала его в зависти и корысти по отношению к своему любимому папочке. Мы же, Вавиловы, воплотим в жизнь гениальную идею Макса. И воздадим почести старику. Да упокоится он на небе! Только не думай, что я забываю старых, верных друзей. Лизины бумажки — фигня в сравнении с тем, что ты можешь получить от меня!..

— Ты щедра на подарки, ничего не скажешь. — Я решил идти ва-банк. — Много лет назад подарила Рисочке коллекцию Широкова, получив прекрасный повод для шантажа.

— Что ты несешь?.. — попыталась она возразить, но я не дал ей времени опомниться.

— Вы с муженьком совершили непоправимую ошибку. Сегодняшнего положения вы могли бы достичь намного раньше и без лишних жертв, если бы знали истинную цену коллекции, которой распорядились так легкомысленно.

— Она представляет ценность? — Шурка делала вид, что мои слова ей абсолютно безразличны.

— Я, конечно, не эксперт, но кое-что в этом понимаю. С первого взгляда *я* оценил семейную реликвию Ларисы Витальевны примерно в восемьдесят тысяч долларов. Сумма не очень большая, но достаточная, чтобы в начале девяностых организовать собственную фирму.

— Восемьдесят тысяч за эти безделушки?! Ты меня не разыгрываешь?

Я уже знал все об алчности и жадности этой женщины, чтобы не понимать, какая борьба происходила у нее внутри.

— Женька, ты врешь! Признайся, что врешь!

— Может, вам сгонять, пока не поздно, на место вчерашней трагедии? — издевался я. — Деревянные экспонаты, наверно, сгорели, а все остальное вполне пригодно для продажи.

— Восемьдесят тысяч! — никак не могла успокоиться она, и вдруг проговорилась: — Господи, а затея-то гроша ломаного не стоила!

— Какая затея?

Но большего я не смог от нее добиться, как ни старался. Минутная слабость вновь перешла в демонстрацию силы и собственной значимости.

— Думаешь, разговоры о телевидении — пустой треп? Как бы не так. У меня есть связи, есть деньги, есть голова на плечах! Я могу горы свернуть!..

Та сравнительно невысокая гора, на которую к сорока двум годам взобралась моя бывшая подруга Шурка Вавилова, вскружила ей голову. Ту самую голову, которой она так гордилась и в которой (теперь я это знал точно) роились черные, коварные замыслы.

8

В записке были указаны адрес и время, а также имелась приписка: «Приходите обязательно!» Удивляло, что дом по указанному адресу находится в неприглядном, трущобном районе. И смущало время — десять часов вечера, не совсем подходящее для визита малознакомого мужчины к молоденькой девушке. Я подозревал, что Надя посвящена во многие тайны своих родителей. Этим было продиктовано ее отчаяние и невозможность высказаться при нашей первой встрече.

Она встретила меня скорбным сообщением:

— *Я* звонила в больницу. Лариса Витальевна скончалась два часа назад.

Милая, сердечная девушка, откуда ты взялась такая? Может, тебя перепутали в роддоме? И вместо упырского отродья этим упырям достался ангел с небес?

Она провела меня в единственную комнатушку, где едва размещались письменный стол, продавленный диван, стул и кресло. Грязноватые темно-зеленые обои украшала икона с Богородицей, а под иконой горела лампадка. О Надиной религиозности я догадывался. Именно в этом я видел причину ее отшельничества.

— Удивляетесь, почему я здесь живу? На время сессии попросила родителей снять мне отдельную квартиру. Вернее, квартиру я нашла сама, а у них взяла только деньги.

— Странный выбор, — вновь окинув взором комнатушку, сказал я. — Родители поскупились или…

— Или, — загадочно улыбнулась Надя. — Квартиру помогла мне найти бабушка.

— Зинаида Кондратьевна?

— Догадались? Как видите, судьба моей семьи накрепко связана с семьей Широковых и семьей Ларисы Витальевны. Да-да, не удивляйтесь, с ее семьей тоже. Потому что коллекция трубок и мундштуков ее деда почти двадцать лет пролежала на антресолях в этой квартире.

— Вы хотите сказать?..

— Мой прадед был связан с воровским миром, — вздохнула Надежда. — Не знаю, сам он ее украл или взял у кого-то на хранение, об этом история умалчивает.

История, которую мне поведала правнучка вора, длилась до самого утра, и до самого утра не гасла лампадка под иконой. Голос ее был то спокоен, то взволнован, а в одном месте ей пришлось прервать свой рассказ, потому что слезы мешали говорить. Она одна замаливала грехи за весь порочный клан Вавиловых.

Я же по возможности буду краток и постараюсь все передать своими словами.

Счастливым обладателем коллекции Николай Сергеевич Широков стал в шестьдесят втором году. Он не заплатил за нее ни копейки, потому что Зинаида Кон-дратьевна подарила ему мундштуки с трубками на день рождения. Они работали тогда в одном НИИ. Широков простым инженером, а Зина с Машей лаборантками. Отец Зиночки к тому времени уже умер, а мать постоянно ворчала, когда натыкалась на никчемный сундук. Подарок получился поистине царским, потому что Широков как раз собирал курительные приборы, но о таком прибавлении даже не мечтал.

В шестьдесят втором году Степану было всего три года. Об отце мальчика никто ничего не знал. В те годы рожать без мужа еще считалось позорным, особенно в той трущобной среде, где жила с сыном Зинаида Кондратьевна. Именно тогда знакомые и родственники начали муссировать слух, что отец Степы не кто иной, как инженер Широков. Мальчика во дворе стали дразнить «инженерским сыном». На вопросы Степана об отце Зинаида Кондратьевна отвечала уклончиво, и в десять лет парень поклялся со свойственным этому возрасту максимализмом, что смоет позор кровью. Но через год случилась трагедия, он попал под машину и остался без ноги. И первыми, кто пришел на помощь, были Коля и Маша. Они задарили инвалида подарками, они взяли несчастную мать к себе в домработницы. Однако ненависть Степана к предполагаемому отцу от этого не утихла, а наоборот, разгорелась еще больше.

Прошли годы. Степан женился, детские клятвы забылись, и ненависть теперь уже к главному инженеру завода Широкову была не такой острой, как раньше. А если и подкатывало, то заливалось вином или бесследно растворялось в любви к жене и дочери. Но однажды, весной восемьдесят восьмого года, произошел неприятный разговор между сыном и матерью. Зинаида Кондратьевна советовала Степану поменьше пить и побольше уделять времени семье, а то не ровен час — лишится и жены-красавицы и любимой дочки. Степа лишь отгораживался заученной фразой: «У нас с Шуркой все путем». И тут мать не выдержала: «Все путем, говоришь? Не тем ли самым путем,

которым она ходит в гости к Широкову?» — «Врешь! Ревнуешь к своему хахалю!» — «Никакой он мне не хахаль и никогда им не был!»

Степан ушел от матери в смятенных чувствах и незаметно для нее прихватил связку ключей от квартиры Широковых. Она только на другой день обнаружила пропажу, и пришлось Николаю Сергеевичу выдавать ей новые ключи.

А дома у Вавиловых разыгрался настоящий скандал, и Степан впервые за двенадцать лет дал волю рукам. «Я убью его!» — орал он и бил при этом Шурку. «Правильно, убей, — спокойно сказала она, и мужнина рука опустилась — давно ведь хотел это сделать». — «Так ты его не любишь?» — понял он главное. «А ты как думал?» В тот вечер Александра прочитала ему целую лекцию о том, какие волчьи времена вскоре наступят и как к ним надо приспосабливаться. Шура не была провидицей, просто об этом говорили солидные люди, начальники всяких рангов, с которыми она в последние годы якшалась. Широкова она называла «трамплином в будущее». Его связи и его деньги им пригодятся, чтобы устроить себе «хорошую жизнь». Степан слушал ее с открытым ртом; он и не подозревал, что его жена настолько хитра и коварна. Надя тоже слушала, сидя в другой комнате. Она уже была не такой маленькой, как считали ее родители, и все мотала на ус.

«Как же ты завладеешь его деньгами? — удивлялся Степан. — Ведь после смерти инженера все достанется Лизе!» — «Достанутся официальные деньги, счет в банке, но имеется заначка, о которой Лиза ничего не знает». Степан был настолько ошарашен всем услышанным, что даже не поинтересовался, при каких обстоятельствах Шуре удалось узнать о заначке инженера. «У них «общак» с Максом Ведомским, начальником милиции, втайне от всех домашних. Сумма приличная, а отношения между друзьями хреновые. Деньги хранятся у третьего лица, поэтому взять оттуда можно лишь при обоюдном согласии, а согласия-то как раз и нет. А теперь, представь, друзья мирятся, Широков приглашает к себе Макса, а на другое утро находят труп инженера, а также отпечатки пальцев Ведомского! Вот тогда-то я смогу… мы сможем получить часть «общака»!» — «А если меня посадят?» — решил уточнить Степа. И тогда она раскрыла перед ним все карты, рассказав о коллекции деда Ларисы Витальевны Божко. «Ты понимаешь? Все ментовское начальство будет у меня на крючке! А если и сорвется, то много тебе не дадут: состояние аффекта, ревность и все такое. Да и зона будет не строгой, учитывая твою инвалидность. А уж когда вернешься!..»

Степан думал две недели, и неизвестно, что повлияло на принятое

им решение, Шуркина авантюра или неистребимая ненависть к дяде Коле? А может быть, все вместе, потому что в эти дни он пил по-черному.

Первого мая Степа уезжал на турбазу. Обычно Шурка давала ему в попутчицы дочку, чтобы не сильно распускался в отсутствие жены. На этот раз Надя оставалась дома с матерью. В тот знаменательный день девочка закатила родителям истерику. Она вцепилась отцу в ноги, не пуская его из дому. Родителям пришлось применить силу. От живой ноги отца они ее кое-как оторвали, а вот протез Надя оторвала сама и бегала с ним по квартире, пока Шурка не поймала ее и не отхлестала кухонным полотенцем. Инцидент был списан на начало подросткового возраста, который у всех, как известно, не сахар.

Степан ушел с турбазы ранним утром второго мая, едва забрезжил рассвет, а вернулся в пятом часу вечера со стороны леса. При этом еле держался на ногах. На вопрос друзей, что он делал в лесу так долго, отвечал: «Сморчков хотел набрать, да нет ни хрена!» В цехе потом долго ходил анекдот про Степу со сморчками, вернее, без сморчков. В ту же ночь он устроил дебош и загремел на пятнадцать суток в милицию. Таким образом, создал себе алиби. Пусть не железное, но все-таки алиби.

Александра всю ночь переживала за дочку, как она там одна-одинешенька в пустой квартире? А наутро попросила Николая подвезти ее домой. Он же хотел поработать до прихода домработницы, но в конце концов согласился, ведь дорога до Шуркиного дома и обратно займет не больше двадцати минут. Этим промежутком времени и воспользовался Степан, поджидавший в подъезде дома напротив, чтобы проникнуть в квартиру инженера.

Зинаида Кондратьевна обнаружила труп сразу, как только вошла. Ей показалось странным, что в кабинете Широкова на полную мощность включено радио. В первую минуту она заплакала и заметалась по квартире, как мышь в поисках укрытия. Она поняла, что это дело рук Рыжика, с детства ненавидевшего дядю Колю, и что она сама подлила масла в огонь.

Целый час ушел на уборку. Она сделала все, чтобы не осталось ни одного отпечатка пальцев. А потом позвонила Лизе.

Так в преступное семейство Вавиловых вернулся сундук с коллекцией старика Божко, но вернулся ненадолго, всего на два дня. Надя тайком от матери открывала сундук и перебирала экспонаты коллекции. Девочке казалось, что это сокровище какого-то пирата. Ведь курительные трубки чаще всего встречаются в пиратских

романах.

Поздним вечером Шурка приволокла сундук к Ларисе Витальевне. Она воспользовалась услугами такси, и милиционерша ее здорово отчитала, не понимая еще, что это и есть начало шантажа. Через неделю Александра покажет ей в своем блокноте фамилию таксиста и номер его машины. «Если что, сядем вместе, дорогая, — скажет она. — Ты — заказчица, мы — исполнители».

Ведомский вызвал по повестке Вавилову и взял с нее обещание, что она никому не расскажет о вечеринке первого мая. Просто, чтобы не было головной боли. Она уже знала про отпечатки пальцев, про медвежью услугу свекрови, поэтому даже не заикнулась о деньгах. «Господи, а затея-то гроша ломаного не стоила!» — «Общак» двух закадычных друзей пошел на устройство сына Ведомского в Америке, куда он отбыл сразу после развода с Лизой. Последняя так никогда и не узнала об этих деньгах.

Нельзя сказать, что Вавиловы потерпели полное фиаско в этом деле. Шурка не ошиблась насчет «трамплина в будущее». Когда заработки на нашем военном заводе резко упали, Максим Максимович познакомил ее с Лизой, тогда уже Кляйн, а впоследствии устроил к себе излечившегося от алкоголизма Степана.

Волчье время наступило. Время волков и волкодавов. Впрочем, разве не то же самое говорилось сто, двести, пятьсот лет назад? А библейское утверждение «Око за око», разве не актуально сегодня? Степан отомстил за свою мать, а Лиза — за своего отца. Но восторжествовала ли справедливость? И где она вообще шатается эта беспутная девка? С кем ложится в постель?

— Теперь вы знаете все, — сказала Надежда, когда первый луч солнца пробился сквозь старые занавески, изрядно побитые молью. — Осталось только добавить, что я очень люблю своих родителей. *И от них* всегда получала только любовь. Поэтому, как ни крутите, я тоже преступница. А с другой стороны, если бы вы все узнали раньше и рассказали Елизавете, я бы тогда была преступницей вдвойне! Как жить дальше?..

— У вас сегодня экзамен? — хотел я отвлечь ее от тяжелых мыслей.

— Нет у меня ничего. После встречи с вами я забрала документы из института. Родители еще не знают. Поеду поступать в МГУ, на журфак. Мне необходимо отсюда вырваться! И вы мне поможете!..

На другой день я собрал свой чемодан, распрощался с сестрой и отбыл к двоюродному брату. Кузен, узнав, что я в Екатеринбурге,

примчался и чуть ли не силой увез меня к себе. Я вдруг срочно ему понадобился. Догадываюсь, что неспроста. Мы с ним учились в одном классе целых три года. А значит, опять не миновать визитов в прошлое. И кто знает, не уготовлена ли там новая ловушка? Но ведь жизнь авантюриста состоит из подобных вещей.

Рудольф ВЧЕРАШНИЙ

ДЕТЕКТИВ СТУДЕНЧЕСКИЙ

ЛЭТИ 1961 г.

Глава 1

Пустой стакан со звоном опустился на мраморный столик. Боб Тидбол испуганно вздрогнул — значит, шеф был не в духе. «Год дэм, поросячье рыло! Не за тем я трачу миллионы долларов, чтобы Советы опережали нас, в то время как вы…» — Шеф перешел на визг, и голос его был заглушен негритянским джаз-бандом, грянувшим с эстрады популярную американскую песенку: «У моей девушки белые зубки». Боб Тидбол уже не слушал шефа. Выпитое виски давало себя знать. Разве мог шеф оценить всю сложность проделанной работы? С неимоверным трудом удалось старому матерому агенту К-273-бис более или менее приблизиться к конкретной цели. Последнее донесение, полученное от него, гласило: «Состав экспедиции укомплектован. Надежный человек на борту. Срок отправления будет сообщен особо». Речь шла об организующейся советской экспедиции в область «Нептуна».

Глава 2

Циклоконхоидальный спектролет «Кувалда», названный так по предложению членов артели «Облтрахяйцо», так как окончание его постройки означало — забить последний гвоздь в гроб империализма, — уже вторые сутки мчался в межзвездном пространстве, делая по 190 парсеков в час по неуклонно снижающейся гипоциклоиде, держа путь на Нептун. Давно остались позади Гончие псы, а сейчас аппарат двигался по Млечному Пути, резко подскакивая на галактических ухабах. Бодрствовали только трое: капитан спектролета Павел Тигролапов, широкоплечий атлет с бычьей шеей и аскетически впалыми щеками, тонким трепетным носом и черной, поросшей длинными бурыми волосами бородавкой под правым голубым глазом; экраниро-визуальщик Окуляров, хилый, тщедушный мужичонка с узко посаженными бегающими глазками и сплющенной физиономией, весь вид которого вызывал у окружающих бешеные приступы чихания; и химик-бортрадист, Февронья Забур-даева, в прошлом незаметная свинарка, а ныне кандидат химических наук с несколькими ненапечатанными печатными научными трудами.

Остальной экипаж, лежа в текстолитовых шкафах, находился в летаргическом сне, который достигался искусственно, путем введения геморроидальных трубок в нервные ткани. Продолжительность сна

всего экипажа регулировалась капитаном безобидной кнопкой красноватого цвета, находящейся на общем пульте управления. Сейчас капитан сидел перед экраном в кресле-вертушке, держа обеими руками штурвал. На поворотах приходилось особенно сильно штурвалить: ускорение давало себя знать, и капитан, багровея от натуги, дергал штурвал на себя и коротко бросал сквозь стиснутые зубы: «Маховик!» Все понимали его с полуслова. Визуальщик бросал протирать объективы, бортрадист кончала химичить, и оба они, мгновенно вскарабкавшись на бетатрон, несколько раз проворачивали огромный ярко-сизый маховик. Но на этот раз крен на переднюю гиперболическую антенну продолжал увеличиваться.

На экранах локаторов зазмеились зигзаги. Капитан приказал изменить фазу, но Лямбда становилось все максимальнее и максимальнее. Не помогло даже включение баллистического гальванометра. Надвигалась опасность. Первой догадалась, в чем дело, Забурдаева. «Вероятно, проникающая радиация разъела баки с горючим», — прогнусавила она в ларингофон. Так оно и оказалось. Вдобавок ко всему в созвездии Альфа-Омеги потеряли переднее шасси, и пришлось тормозить, перевернувшись через киль на 180 градусов.

Капитан нажал кнопку и разбудил спящих. Экипаж мертвой хваткой вцепился в поручни, но все равно было трудно затормозить. Кровь сначала приливала к голове, а затем, булькая, отливала. Наконец запустили выхлопную трубу и убедились, что аппарат неподвижно застыл на краю Млечного Пути. Капитан приказал одеваться к выходу и первым, размотав портянки, натянул скафандр из пробрезентованной резины. Но вот на экране возник синтепротонный трегилет, значит, твердая поверхность была близко. Окончательно проверили приспособления в скафандрах для создания дополнительной гравитации, которой так не хватало экскурсантам с Земли на маленьких планетах.

Принадлежащая созвездию «Саламандра» планета «Аскарида гамма Центавра» встретила путников неприветливо. Приборы сразу зарегистрировали новые излучения, которых еще не знали ученые Земли. Нужно было срочно исследовать их, искать защиту. Прежде всего была установлена инфраспонтанность излучения, это позволило установить его безопасность для белковых тел. Капитан смело вылез из аппарата, за ним Забурдаева. Это только и нужно было Окуля-рову. Лихорадочно срывая станиолевую обложку, он репологасационным ключом начал шунтировать амперометрические трубки навигационной

системы охлаждения. Курс корабля изменился ровно на 13 градусов 54 минуты 01 секунду. А тем временем разведчики делали первые шаги на неизвестной планете. Антикварность искровых апоплексаторов не подвела, организмы были в нормальном состоянии. Но все же небольшая релаксация циркония-ацетат-бротуолевых фрикционных обшлагов чувствовалась. Вероятно, здесь не действовали привычные на Земле законы Ньютона и Максвелла. Нужно было скорее сворачивать с Млечного Пути. «Экскурсанты» вернулись на корабль, не подозревая, что путь их будет совершенно другим.

Глава 3

В эту теплую сентябрьскую ночь Вельцевул Дзюба, бывший подводник-верхолаз, а ныне старшина войск госбезопасности, вновь дежурил у памятника основателям общества трезвенников. Бухая подкованными сапогами, раскачивающейся походкой уже два раза, сначала вдоль, а потом поперек, он обошел вокруг памятника. Ему не везло. Он жаждал приключений и подвигов, мечтал о героическом задержании шпионов и диверсантов, а тут ему приходится уже вторые сутки торчать около этого глупого памятника. Дзюбе стало тоскливо и неуютно. Хотелось чего-то большего, героического. Хотелось дунуть изо всех сил в милицейский свисток или выпить пива. Проклятое время ночь. Не на ком отвести душу. Эх-ма, сейчас бы рявкнуть рыкающим голосом на какую-нибудь старушонку: «Пройдемся-ка, старая, до участка», — чтобы хоть чем-то показать свое превосходство над другими и частично утолить жажду подвига. Но, увы…

Чтобы забыться, Дзюба начал декламировать устав: «Сапоги надо чистить вечером, дабы утром надевать их на свежую голову. Обязательно мыть руки перед едой, так как микробы не дремлют. С рук через пищу они попадают человеку в глотку, и человек часто умирает, подавившись вышеуказанными микробами». Дзюба так увлекся, что не сразу заметил незнакомца у памятника. Тот стоял к нему спиной, но это не помешало Дзюбе разглядеть в нем бывшего военного. Старшина сразу преобразился, почувствовав неладное. Он каждого человека рассматривал, прежде всего, как потенциального противника, поэтому сейчас он, естественно, был во власти подозрений и догадок. Что нужно этому субъекту возле памятника, почему у него так тщательно разглажены брюки и обувь даже в темноте блестит яркой оранжевой краской. У него невольно возникло мучительное желание плюнуть незнакомцу на штиблеты, но нечеловеческим усилием воли старшина сдержал свой страстный

порыв и укрылся за пивным ларьком, незаметно наблюдая за подозрительным субъектом. А тот, быстро оглядевшись по сторонам, достал из-за пазухи театральный бинокль и уставился в звездное небо. При виде этого у Дзюбы от волнения засосало под ложечкой и зашевелились пальцы на ногах. «Что он там высматривает?» — мучительно думал Дзюба, и постепенно его подозрения принимали законченную форму. Перед ним самый настоящий шпион, которого любой ценой нужно брать живым. Дзюба бесшумно опустился на четвереньки и пополз к незнакомцу, который так был занят своим преступным занятием, что даже ни разу не оглянулся. Дзюба полз напрямик, через лужи и кучи отбросов, благодаря судьбу за такое щедрое вознаграждение его долгого терпения. В мозгу мелькала только одна мысль: «Живым, живым надо брать». Вот он вплотную подполз к незнакомцу, затем в мгновение ока вскочил на него и оглушительно гаркнул в самое ухо шпиона: «Бабах!!!» Тот от неожиданности присел, со свистом втягивая носом воздух, а Дзюба, не давая ему опомниться, бросился на него и особым милицейским приемом укусил за живот. Бандит взвыл от боли, но тут же опомнился и нанес Дзюбе сильнейший удар пяткой по спине. Падая, Дзюба все же успел зацепить противника за ноздрю и утянуть его за собой на землю. Под темным бесстрастным небом борьба, насыщенная драматизмом и запахом пота, продолжалась в партере.

Именно на это и рассчитывал старый петлюровец, ныне резидент американской разведки Козалупа. Он решил пожертвовать одним из своих агентов, наименее осведомленным, чтобы отвлечь внимание сыщика из ГПУ, как он мысленно называл Дзюбу, и достать из ниши под памятником важное донесение своего связного. Он появился у памятника внезапно и через три минуты исчез, с усмешкой оглядев два борющихся на грязной земле тела. Силы уже оставляли Дзюбу, а незнакомец угрожающе шипел гнилыми зубами. Затем, дыша в лицо смрадом перцовки, он ухватился зубами за мизинец старшины и, сжимая челюсти, напрочь откусил его. Дзюба помнил совершенно отчетливо кинокартину «Молодая гвардия» и, вообразив себя Сергеем Тюлениным, не издал и звука даже тогда, когда незнакомец кровожадно откусил ему второй мизинец, на правой руке, а продолжал намертво держать ноздрю шпиона посиневшими от напряжения четырьмя пальцами. Перед глазами все завертелось и поплыло. В пестром калейдоскопе видений стремительно проносились перед ним: его Нюся в меховом бюстгальтере, особые биточки без подливы, туз пик, сапожные клещи. В угасающее сознание ворвался рокот моторов.

Последним усилием воли Дзюба дернулся нижними конечностями и затих…

Очнулся Дзюба в мерно покачивающемся вертолете. Шальными глазами недоуменно обвел кабину, увидел печального своего противника, сидевшего у левого борта в спущенных до колен брюках, чтобы тот не смог сбежать или выброситься с вертолета, и вспомнил минувшую ночь. От сознания, что все хорошо кончилось, он счастливо заплакал, пуская носом пузыри, восторженно поматывая головой, и вдруг увидел Нюсю, его Нюсю. Теплая волна прилила к сердцу, захотелось сказать ей что-то ласковое, и он, неожиданно для себя, всхлипнул, прохрипел: «Сапоги всмятку. Опять же, устав…» Нюся радостно заулыбалась, показывая свои чудесные, слегка подгнившие у корней зубы. В ее глазах стояли слезы. К горлу Дзюбы подкатил теплый ком. «Нюся!» — сказал старшина басом. «Вельцевул!» — сказала порывисто Нюся своим резким контральто. Руки их встретились. Мотор пел свою победную песню.

Глава 4

Космический корабль возвращался из своего дальнего путешествия. Была произведена полная разведка подступов к Нептуну, но только один из членов экипажа, Окуляров, знал, где приземлится спектролет. На одном из Тихоокеанских островов его уже поджидала американская энциклопедическая экспедиция, в составе которой было и несколько молодчиков из иностранных служб «Форин севец».

Вот спектролет с гигантской скоростью приблизился к плотному воздушному слою земной атмосферы и, мягко отразившись, снова взмыл вверх, подобно плоскому камню, отразившемуся от водной поверхности, если его бросить под углом. Затем последовало то же самое, но скачок был уже не такой сильный, и корабль вошел уже в более глубокие слои атмосферы. Так он постепенно снижался, двигаясь по лемнискате на гипоциклоидной основе, скорость его также значительно уменьшилась. Через два часа видна стала голубая гладь океана. Окуляров довольно распевал:

«Сидели два медведя на суку
Один читал газету,
Другой молол муку.
Раз ку-ку, два ку-ку,
Оба шлепнулись в муку».

Он предчувствовал близкий успех, деньги, на которые можно будет

приобрести не только приличную виллу в предместьях Чикаго, но и довольно честную жену. Но если Окуляров был доволен, то остальные члены экипажа недоуменно шмыгали носами, хотя капитан уже начал догадываться, что сбились с курса.

Он волновался, пальцы его заметно дрожали, когда он сворачивал и снова разворачивал цигарку, усиленно всматриваясь в шкалы приборов. Февронья Забурдаева изо всех сил вращала взад и вперед тяжелый ярко-синий маховик, но все было напрасно. «Какая досада», — крикнул капитан и со злостью плюнул на амперометрическую трубку. И вдруг, о чудо! Раздалось шипение, и из трубки вывалился небольшой эксоэдровидный шунт с конъюкурной насечкой. «Значит, из-за этого и компас должен был ошибаться», — подумал Тигролапов и поспешил к искровому компасу. И действительно, стрелка, поколебавшись, словно раздумывая, повернулась на угол 13 градусов 54 минуты 01 секунда. Механический привод штурвала безотказно сработал, и корабль понесся туда, где он и должен был приземлиться по проекту. Ровно через час его восторженно встречали на Советской земле, и в то же время обескураженно чесали затылки представители отдела современной науки из американского разведывательного бюро. А через день газеты известили всему миру о новой победе советских космонавтов. Но борьба разведок только началась. Готовилась новая экспедиция в область Нептуна. Нептуновая блокада продолжалась.

Глава 5

Полковник Автоматчиков в волнении распечатал вторую пачку «Байкала». Генерал Бомбардировщиков досадливо сморщился. Это был довольно молодо выглядевший для своих 55 лет кадровый служака. Огромный квадратный череп его прочно держался на жилистой шее, мощная фигура не раз привлекала восторженные взоры легкомысленных женщин. Толстый нос, поросший редкими длинными волосками, вместе с тонкими сжатыми губами и безбровыми красноватыми глазами создавал неверное впечатление о его строгости и справедливости. Когда-то, еще будучи подполковником, Бомбардировщиков неудачно влюбился и с тех пор начал писать стихи. Сначала он писал только о любви, но затем начал расширять свой репертуар, и теперь его стихи о воинской службе и лирические часто печатались в местной военной газете. Вот и сейчас на совещании, которое генерал собрал по поводу задержания шпиона, он весь ушел в себя, не слушая докладчиков, и через два часа, очень

довольный, записал в блокнот свое новое стихотворение «Воспоминания старого генерала о молодых годах», которое он обещал редактору многотиражки. Генерал, смакуя, еще раз прочитал свое творение:

Стою один я на дороге,
А на дороге много пыли
И сердце мечется в тревоге.
Мы молодыми тоже были.

Бережно погладив блокнот, генерал опустил его в карман.

Но вот генерал переключил свое внимание на события минувших дней. Копаются уже четвертые сутки, а следствие не сдвинулось с места. Задержанный у памятника упорно жует штукатурку, симулируя помешательство, и отказывается давать какие-либо показания. Правда, лишь после того как было произведено удаление волос с его головы пинцетом и перед всеми предстало испитое лицо этого матерого космополита, удалось добиться некоторых признаний. Так, арестованный сознался, что он в 1937 году, находясь на курсах повышения квалификации сельхозрабочих, был завербован в шпионско-диверсионную группу «Шайба», а уже в 1939 году выполнил первое самостоятельное поручение — выкрал чертежи пожарного брандспойта и новой силосорезки. Тогда же он получил кличку «Джим Мякиные уши». Чтобы ускорить следствие, генерал поручил расследование полковнику Автоматчикову, весьма способному следователю, о котором в Управлении говорили с доброй улыбкой: «На ходу подметки рвет. Далеко пойдет!» Сейчас, на совещании, Автоматчиков сидел, скромно молчал, но все же нервничал, беспрерывно курил, надсадно сморкался и сплевывал в галошу соседа, майора Мор-дырёва, которого в душе недолюбливал за неторопливость, выдержку и холодный расчет.

«Итак, товарищи, совещание окончено», — сказал генерал и поднялся из кресла. «Ну, Автомат, я на тебя надеюсь», — дружески похлопал он Автоматчикова по плечу и заспешил в столовую.

Прямо с совещания полковника отправили на допрос, хотя мучительно хотелось спать. Но полковник с детства, когда он был еще пастухом, привык брать быка за рога. Поэтому он сразу приступил к делу. К нему в кабинет ввели незнакомца, который глуповато поводил глазами. Тиковые подштанники жалобно морщились на худом теле, но на заросшем лице застыла гнусная улыбка. На впалых грудях было вытатуировано «Жуйте конину», а чуть пониже «Нет в жизни счастья».

С минуту полковник в упор рассматривал арестованного, задумчиво ковыряя в носу. «Как начать допрос, чтобы он тут же все выложил?» Но ничего не мог придумать. Полковник достал папку с бумагами и начал копаться в них, умышленно не обращая внимания на арестованного. Он чего-то ждал. А ждать было чего. Шпиону в течение двух суток давали есть только соленые огурцы и слегка прокисшее молоко, поэтому тот последнее время не особенно хорошо себя чувствовал. И сейчас Автоматчиков выжидал, чтобы получить плоды своего остроумного метода. Не прошло и получаса, как Джим начал корчиться, стараясь сдержаться, лицо его побелело, пальцы судорожно сжимались. Но вот он не выдержал и, дико вскрикнув, схватился обеими руками за живот. Автоматчиков моментально очутился возле него и протянул бумагу: «Пиши все, что знаешь, иначе ты не выйдешь отсюда». Джим уже не в силах был сдерживаться и выложил все, что знал. Полковник, довольно потирая руки, подошел к телефону.

Глава 6

Этот трюк удался американской разведке только благодаря неопытности Автоматчикова, который сразу же организовал облавы на явки, названные на допросе Джимом. Он и не подозревал, что все это уже старые явки, нарочно подсунутые ему, но больше того, на одной из них была приготовлена хитроумная ловушка.

Как раз на эту квартиру отправлялся майор Морды-рёв с оперативной группой из двух человек. Только что пробило полночь. Пустынные улицы встречали пугающей тишиной. Вот и нужный номер дома. Это был одноэтажный домик на окраине города, окруженный зарослями шиповника и жимолости. Окна были от старости в виде параллелограммов и выходили во двор. Под ними майор поставил надежные капканы — муха не пролетит. Одного оперативника поставил около черного хода, второго — на крышу около печной трубы (мало ли что бывает, майор был предусмотрителен). Сам же он храбро решил идти прямо в дом. К его удивлению, дверь была не заперта. Майор шагнул в комнату, и внезапно зажегся яркий свет. Морды-рёв от неожиданности схватился за пуговицу гимнастерки, но ничего опасного не было видно. Он сделал еще три шага в глубину комнаты, и тут выходная дверь мягко закрылась и над ней вспыхнула зловещим красным светом надпись «Осторожно, напряжение 10000 вольт» и внизу череп и скрещенные кости. В пустой комнате на столе стоял аппарат, похожий на пишущую

машинку. Мордырёв подошел к столу и нажал на клапан, рука его тут же словно приросла к металлу, приклеившись специальным составом. Сам того не сознавая, майор замкнул 10-ю фазу, которой питалась вся обстановка комнаты, а также пол и стены, пропитанные проводящим раствором, с нулем машины, которая сразу же начала свою коварную деятельность. Это было новейшее достижение кибернетики — машина для облагораживания человека. Но американская военщина переделала ее на свой лад, чтобы, наоборот, вытягивать у человека все хорошие мысли и оставлять одни плохие. Сейчас машина работала безотказно. Мордырёв не мог сдвинуться с места. Через 10 секунд у него совершенно пропали мысли о Родине, чувство патриотизма и сознание воинского долга. А электроны продолжали двигаться из генератора машины через цепь внутренних проводников, индуктируя новые потоки во всех десяти фазах. Вся комната быстро наполнилась упорядоченно двигающимися фотонами и фононами. Линейные осцилляторы совершали лихорадочные колебания, акустические вдоль и оптические поперек комнаты. Соединенные в изомерную цепь долговязые антипротоны бегали по 10-й фазе через голову майора, по кусочкам подхватывая его хорошие мысли, и цепко несли их к нулю машины, чтобы навсегда погрести их в земле. Вскоре майор уже не помнил, что такое честь и социалистическая мораль. Голова его сжималась, в ушах стучала кровь, и в заряженных волосах время от времени запутывались разноименно заряженные фотоны. Но это еще не все. На его беду несколько фотонов попали в железную шляпку вбитого в стенку гвоздя. И оттуда вырвался на свободу свирепый и быстрый нейтрино, который стремительно пересек по диагонали комнату и впился Мордырёву под ноготь. Но вот в голове у майора не осталось ни одной хорошей мысли, а плохие занимали лишь небольшой участок мозга у задней стенки. Машина сразу же переключилась на другую фазу, и в результате смены фаз в комнате создалось сильно плюроскопическое поле, которое способствует быстрому росту плохих мыслей. Еще через 20 секунд в голове Мордырёва роились бесчестье, ложь, обман, провокации, стремление к наживе, разврат, мысли о водке и им подобные. Машина закончила свою работу, грозное предупреждение на двери погасло, и дверь так же бесшумно открылась. Когда Мордырёв опомнился, он уже сам надежно спрятал машину, вышел из дома и сказал своим подручным, что он, черт возьми, перерыл весь дом, но там даже запаха человеческого не слышно. Так появился новый агент по имени «Родной».

Глава 7

В это вечер генерал Бомбардировщиков долго и беспокойно шагал из угла в угол своего опрятного светлого кабинета. Неспроста интуиция подсказывала ему, что за неудачей с облавой на явочные квартиры таится нечто большее. Ему в голову пришла блестящая идея, и он решил пойти прямо на дом к Автоматчикову; к тому же он любил проводить вечера в семейной обстановке гостеприимного полковника, так как своей семьей так и не обзавелся. Несмотря на поздний час, он надел новые галоши, которые почти задаром позавчера приобрел у одного знакомого спекулянта; спортивный полупиджак военного покроя, эффектно выглядевший в сочетании с только что выстиранной клетчатой красной с бордовым ковбойкой; серую стрельчатую кепку с большим стильным козырьком и через четверть часа уже входил в квартиру Автоматчикова, широко улыбаясь доброй отеческой улыбкой. Вскоре они с полковником сидели за чашкой черного кофе с лимоном и мирно беседовали. Из-под стола вышел пятилетний сынишка Автоматчикова, наматывая на палец сопли. Генерал очень любил детей. Он взял мальчика на руки и погладил его шершавой рукой по белокурой кудрявой головке. Мальчик тоже любил «дядю генерала» и с чисто детской непосредственностью кусал его за ухо, пуская в ушную раковину генерала нежные детские слюни. Но вот сынишку уложили спать, и генерал поведал полковнику свой новый план, который Автоматчиков начал реализовывать уже со следующего дня.

Глава 8

Спустя четыре дня после визита генерала полковник сидел в своем кабинете и недоуменно скреб тяжелую голову. Операция с явочными квартирами не дала ничего нового, и с Мордырёвым стало твориться что-то неладное. Недавно он опять напился до животного состояния и проглотил обойму от ТТ. Счастье, что окончилось благополучно: все-таки за потерю кадрового работника полковника по головке не погладили бы. Но Автоматчиков волновался по другой причине. Сегодня предстояло провести ответственную операцию. Вчера Автоматчикову удалось осуществить план Бомбардировщикова. Он подпоил малютку Джима, и тот выболтал, что 21-го мартобря, в 19 часов 30 минут он должен находиться в ресторане «Вдрызг» за крайним столиком. В качестве пароля ему нужно держать в зубах салфетку, а горчицу намазывать указательным пальцем. К нему подойдет человек и скажет: «Привет от тети. У вас есть зубной

порошок?» На что Джим должен ответить: «Порошка нет, но есть вот это», — и показать гайку. Если резьбы у гайки и у болта, находящегося у незнакомца, совпадут, значит, это свой человек. После этого он передаст Джиму записку с адресом новой явочной квартиры. Вот и все. Опохмеляясь сегодня с Джимом, полковник осторожно, намеками выведал, что тот ничего не помнит, о чем вчера говорил. У Автоматчикова мгновенно созрел план действия. Через два часа Джиму была объявлена амнистия, и он вышел на свободу, недоверчиво озираясь, но не замечая, что чуть поодаль за ним следуют равнодушные старик в темных очках и торговка семечками. Это были люди полковника. У торговки в кошелке под семечками лежал магнитофон, а старик был снабжен ржавой ракетницей, чтобы в случае чего указывать направление. Автоматчиков решил сам, с оперативной группой, пронаблюдать за встречей Джима со связным. В ресторане сегодня должен был выступать ансамбль скотоводов, и Автоматчиков решил замаскировать свою группу под скотоводов. Так было надежнее. Настоящий же ансамбль перехватили по дороге и арестовали, обвинив его членов в неуплате профсоюзных взносов за два месяца, и, пока скотоводы возмущенно заполняли анкеты и автобиографии, люди Автоматчикова примеряли их костюмы, а в лаборатории спешно вмонтировали в барабан импульсный фотоаппарат. До отправления оставалось еще два часа, и Автоматчиков, повязав тяжелую голову полотенцем, вяло слонялся по кабинету, стараясь пригвоздить очумелую муху сапогом к стене. Вскоре ему надоело бесплодное швыряние сапогами, и он уже собрался вздремнуть, но тут прибежал запыхавшийся мотоциклист, весь в пене, и сообщил, что Джим уже на месте. Пора было выступать.

Ресторан «Вдрызг», несмотря на раннее время, был уже переполнен. Автоматчиков, отогнув уголок занавеса, наблюдал со сцены за Джимом, который сидел недалеко. Сквозь табачный дым было видно, как он ощупывает глазами каждого входящего. Гвалт в зале стоял невообразимый. Ругань, споры, песни — и все это под аккомпанемент стука ножей и громкого чавканья порядочной публики. Какая-то накрашенная девица хлестала из горлышка коньяк. Лохматый кавказец разулся, спокойно развесил потные носки на спинке стула и на нетвердых кривых ногах принялся отплясывать лезгинку. Два студента, пьяные как сапожники, выколупывая мясо из зубов, хрипели: «Музыку! Рок давай!» Автоматчиков приказал начинать. Взвили занавес. Из-за сцены на подгибающихся ногах вышел Мордырёв. Посконная рубаха была подпоясана офицерским ремнем. Домотканые

порты топорщились на коленях. Закатив глаза, он сипло сказал: «Все мы… значитца, артисты-чечеточники, будем того, так сказать, петь современный цыганский романс «Один я в поле кувыркался». И Мордырёв запел раскатистым басом. Джим мельком оглянулся, и от удивления его брови поползли вверх и исчезли в волосах. На условном языке слова песни звучали так: «Остерегайся, за тобой следят». Кусок застрял в горле, и Джим начал биться спиной об угол стола. Ясно, что все пропало. Ему теперь было все равно. Он попросил у официанта двойной коньяк с перцовкой, три тухлых яйца, взболтал все это в одном фужере и круто посыпав солью, залпом выпил и через пять минут рухнул головой на стол. Сердце его не билось. Когда Автоматчиков догадался, что Джим не просто спит пьяным сном, а покончил с собой, он с досады начал икать и чуть не заплакал. Ему не везло. Как будто все было против него.

Глава 9

Непростительные ошибки Автоматчикова не прошли для него даром. Его. сняли с работы и отправили в колхоз агрономом. О дальнейшей его судьбе известно лишь то, что он вскоре получил звезду Героя Труда за невиданный урожай кукурузы и овса.

Вельцевул Дзюба все еще находился в больнице. Неотступно при нем дежурила Нюся. Раза два заглядывал сам Бомбардировщиков, которому не терпелось, чтобы Дзюба скорее выздоровел. Дел было еще много. На свободе оставался «связной», но «связной» ведь послан «кем-то», значит, должен быть и резидент. А время не ждало. Скоро должна была отправиться новая экспедиция на Нептун. Через неделю Дзюбу выписали, и они с Нюсей в ближайшее воскресение отправились в ЗАГС. Народу — тьма. Были здесь «молодые» всех возрастов и всех наций. Шум, суета, слезы и радости и горя. В углу, под портретом Сталина, дрались двое новоиспеченных супругов. Из обрывков злобных обоюдоострых фраз можно было заключить, что муж непременно хотел спать у стенки, а жена — тоже. Загипнотизированные этим примером, Вельцевул и Нюся по молчаливому согласию одновременно с очередью к столу записей заняли очередь и к столу разводов. Но у них все обошлось благополучно, если не считать того, что когда они протянули паспорта сотруднику ЗАГСа, тот сердито взглянул на них. Дело в том, что Дзюба в свои 22 года был уже трижды женат, а Нюся два месяца назад бросила мужа и четверых малолетних детей. Но старшина, чувствуя заминку, показал удостоверение, и сотрудник сделал все, что нужно,

смущенно ерзая в кресле. Свадьбу справляло все Управление, а также были приглашены и герои последних событий — Тигролапов, Забурдаева и Окуляров. Но это не было случайностью. Бомбардировщиков дал задание Дзюбе тщательно следить за Окуляровым, видимо, что-то знал. Дзюба плохо помнил, что было на его свадьбе. Все его внимание было сосредоточено на Окулярове. А тот сидел, как сморщенная луковица, мало пил и был очень печален. В этот момент в другом конце комнаты началась потасовка. Мордырёв напал на Тигролапова и с криком: «Не отдам тебе Февронью Забурдаеву» — опустил тарелку, наполненную студнем из свежей конины, на голову Тигролапова, который сидел спиной к Мордырёву и, ничего не подозревая, мирно беседовал с Забурдаевой. Все смешалось. В самом центре испуганной толпы метался Мордырёв, срывая с себя одежду, и брызгал слюной, изрыгая страшные ругательства. А когда его связали и уложили на кровать, Дзюба стал искать глазами Окулярова. Но того не было. Дзюба бросился в соседнюю комнату и вдруг за шторой услышал приглушенный и страстный шепот. Окуляров уговаривал Нюсю ехать с ним в Америку, обещая ей золотые горы. Дзюба, не помня себя, отдернул занавес и бросился к Окулярову, но тот быстро присел, а затем молниеносно вскочил на подоконник и выпрыгнул в окно. Темнота сомкнулась за его спиной. А в соседней комнате, связанный, пьяно орал Мордырёв: «Позабыт, позаброшен…»

Глава 10

В воскресенье все Управление с утра повалило на стадион. В честь закрытия футбольного сезона команда войск госбезопасности встречалась с командой уголовного розыска. Это были самые популярные команды города, поэтому на матчи шли несметные полчища болельщиков. Большинство из них было конечно за ГПУ, любимцами были Дзюба и Мордырёв. Но вот на поле показались команды, трибуны зашумели, приветствуя своих фаворитов. Игра началась в бешеном темпе. «Уголовники» сразу же бросились в атаку и не выпускали противников из железных тисков. Гол назревал. Один милиционер от восторга начал палить в небо из пистоля. В это время ударили по воротам ГПУ. Вратарь только приготовился схватить мяч, но тут от напряжения, которое было на поле, у него лопнула резинка в трусах. Вратарь сразу же схватился за них, пытаясь поддернуть вверх, но, спасая собственную честь, он не спас честь команды. Мяч был в сетке. Небо раскололось надвое от безудержной пальбы и заволоклось

пороховым дымом. Милиция бурно выражала свое удовлетворение. Но игра еще не была закончена. Вперед вырвался центр «уголовки», за ним бросился разбушевавшийся Мордырёв, схватил за трусы и с силой потянул их книзу. Пока на поле царили растерянность и удивление, Мордырёв схватил мяч руками и галопом бросился к воротам соперников. Не добежав пяти метров, он повернулся к ним спиной и, подбросив мяч, через себя, в падении, забил великолепный гол. Судья в это время протирал новые очки, подаренные ему недавно группой болельщиков, и видел только, как мяч влетел в сетку. Гол был засчитан. Трибуны ходили ходуном, и радостные вопли возбужденных болельщиков заглушили возмущенные выкрики милиционеров. А ГПУ разыгрались. Видя, что судья опять схватился за очки, Дзюба выпнул мяч на беговую дорожку и стрелой стал продвигаться по ней к воротам противника. Дойдя до угла штрафной площадки, он снова свернул на поле. Мордырёв подбежал к вратарю и вытолкал его из ворот, а Дзюба, подопнув мяч кверху, красиво забил его головой в верхний угол. Бомбардировщиков сидел в своей ложе и довольно потирал руки. Мысленно он уже объявил Мордырёву благодарность в приказе. Но его занимали и другие заботы, связанные с проведением сегодняшней операции. А план был прост. После игры запереть все входы и выходы и проверить документы у всех тридцати тысяч зрителей. Вероятность поимки шпиона очень велика, нужно только не проморгать. В перерыве генерал дал приказание оцепить стадион и усилить наблюдение. После перерыва инициативой завладели ГПУ. Мордырёв применил сложный финт: противник атаковал, но Мордырёв замахнулся ногой по мячу, тот подумал, что сейчас будет удар, но тут-то Мордырёв его и обманул, он ударил вместо мяча по ногам противника. В следующий раз он уже поступил наоборот: замахнулся по ногам, а ударил по мячу. Теперь «уголовники» играли против солнца, и вратарь их надел кепку. Мордырёв залез незаметно в офсайд, подкрался к вратарю сзади и, сдернув с головы кепку, убежал в поле. Но это не помогло, до конца игры счет не изменился.

Началась проверка документов. Примерно через двое суток она закончилась, и все это время Бомбардировщиков сидел в судейской комнате, не смыкая глаз. Но вот к нему принесли подозрительные документы. Паспорт был в нормальном состоянии, только на фотокарточке красовалась чернильная клякса. Генерал насторожился. Он уже знал, что американская разведка в последнее время иногда пользуется тонким приемом: дают шпиону чужой паспорт, а чтобы того не узнали на личность, карточку, якобы случайно, замазывают

чернилами. Но генерала не проведешь, он на таких вещах собаку съел, года два назад, у соседей-вьетнамцев. Он попросил привести обладателя паспорта. Ввели задержанного. Бомбардировщиков с кислой миной уписывал квашеную капусту, задорно поблескивая золотым зубом. «Присаживайся, гостем будешь. Угощайся». Но тот покачал головой. Вдруг глаза его заблестели, и он проговорил с робкой надеждой в голосе: «Мне ба редьки с луком, да с огурцом, да с картошкой». Генерал с тоской посмотрел на собеседника, глаза его повлажнели. «Нету, брат, нету», — и тяжело вздохнул. Они еще немного посидели, и генерал неожиданно произнес, с жесткой ноткой в голосе: «Вот если скажешь, зачем и кем ты послан в нашу страну, тогда дадим тебе вдоволь редьки с картошкой жареной и огурцами». Задержанный хлюпнул носом: «Да ить как скажешь-то, ить они меня потом убьют», — и навзрыд заплакал, горестно выщипывая волоски из жидкой бороденки. Генералу стало жаль его, и он похлопал шпиона по спине, обрезавшись об острую лопатку, выпиравшую из-под пиджака диверсанта. «Не бойся, дружище, защитим». И успокоенный шпион рассказал, что он был связным, но бумаги оставил в тайнике, а резидента в глаза не видел. Больше взять с него нечего было, и генерал махнул рукой. Шпиона увели.

«ЕСТЬ МНОГОЕ НА СВЕТЕ, ДРУГ ГОРАЦИЙ…»

Существует на просторах Интернета одна удивительная страна под названием «Самиздат» (www.zhurnal.lib.ru — библиотека Максима Мошкова) Она фантастическая: потому, что она не реальна,

находится в виртуальном пространстве. Она фантастическая потому, что в ней «проживают» почти две тысячи авторов-фантастов. Она фантастическая, потому что ее жители никогда не встречались в жизни и вряд ли увидятся друг с другом, в мире реальном они живут в разных странах: в Англии и России, на Украине и в Израиле, в Германии и Литве, США, Беларуси и Китае, но каждый день собираются вместе и рассказывают тем, кто хочет их слушать, фантастические истории.

«Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам…»

Авторы журнала «Самиздат» (СИ) не профессиональные писатели. Но они любят фантастику. Они талантливы. И поэтому создают рассказы и повести, которые могут и удивить, и порадовать читателей.

Сегодня, уважаемые читатели, мы представляем на ваш суд произведения трех молодых авторов-фантастов СИ.

Наталье Нечипоренко 23 года, она родилась и проживает в Литве. Работает в банке администратором PCS, учится на экономиста. Наталья пишет много стихов, сочиняет песни. Но вот попробовала себя в фантастической прозе, и появился хороший рассказ «Добрый человек».

Виталий Романов проживает в Санкт-Петербурге, ему 34 года, инженер компьютерной компании. Литературным творчеством занимается более 10 лет. Его произведения отличает мягкий лиризм, философичность, психологизм описания внутреннего мира героя… Впрочем, достоинства его прозы прекрасно представляет рассказ «Реквием по самому себе».

Константин Прокопов, программист-аналитик, ему 23 года, проживает на Украине, в Харькове. Пишет с 16 лет. Его рассказ «Наверно, Бог» особое явление в фантастической прозе. Жанр короткого рассказа, в котором оригинальная юмористическая идея раскрывается в последних строках, в один миг преобразуя читательское восприятие прочитанного, сегодня редкость, так иногда пишет Шекли, но вот у современных русскоязычных авторов рассказ-анекдот не встретишь.

Как-то один писатель сказал: «Легко критиковать автора, трудно оценить его». Молодым авторам-фантастам, критики, думается, хватает. Давайте оценим их произведения по достоинству.

Игорь ГЕТМАНСКИЙ

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

«Давно это было, еще до того, как старый Эрл убил последнего дракона», — так говорят наши старики, когда вспоминают молодость.

Сам я драконов, понятно, не видел, да и не очень-то в них верю. Такой я человек: пока не увижу своими глазами — не убедите меня. Вот, скажем, лесные духи или там водяные — это еще куда ни шло. Сам сколько раз по лесу кружил, в трех соснах заблудившись. Не иначе, лесная нечисть постаралась… Или когда наш пастух полез купаться в озеро и не выплыл. И чего, спрашивается, полез? Всем известно — нехорошее озеро, живет в нем тварь с дом величиной, рыбой питается, но при случае и человека сглотнет, не подавится. А он, дурак, говорит: вот я проверю, что там за чудище. Назло пойду… И все, больше не видели его. Так вот, это действительно правда. Я того пастуха сам лично знал.

Да, у нас в горах еще и не то бывает. Да и на равнине не лучше. Вот, скажем, эльфы. Эти, говорят, в лесу живут, и добра от них не жди. Не знаю, сам не видал (ну и ладно, не больно-то и хотелось!), а вот голоса всякие странные — как же, слыхал. Вроде поет кто-то, а кто? Или, к примеру, огни болотные… Кто их разберет. По молодости было любопытно, да потом-то поумнел, понял: лучше в эти колдовские дела не лезть, голова целее будет.

Так-то оно так, но иногда и засомневаешься. Вот драконы. Уж больно подробно о них рассказывают, все-то известно: и что бывают они ползучие, вроде здоровенных змей, или крылатые — эти всего страшней. И говорят-то они по-человечески, и огнем плюются, а еще — до золота они больно жадные. Говорят, тот последний-то к нам как раз и прилетел за золотом — в те времена у нас его много добывали, и двор у Эрла был богатый. Дракон, говорят, к Эрлу припожаловал ночью и давай все кругом палить — хотел всех поразогнать, а кого и зажарить живьем, а потом спокойненько в Эрловых сундуках покопаться. Ан нет, не вышло. Эрл и сам не промах, взял и подстрелил дорогого гостя. Стрела, видать, была заговоренная — простой-то стрелой драконову шкуру не прошибешь, это всем известно. Ну, старый-то Эрл и сам вроде маленько колдовством баловался…

Вот и решай: правда или нет. Не верю я в драконов и колдунов недолюбливаю, но по развалинам старого замка сам в детстве шастал

— так вот там по сей день трава не растет, все выжжено. Даром что полвека прошло…

Да ну их, драконов. Сейчас-то ни одного нет, это точно. А у нас и без них жизнь уж больно веселая пошла…

Ну вот, опять полезли мысли грустные. Казалось бы, живи да радуйся: кончилась война, живы остались, дня через три до дому дойдем — чего еще надо? Правда, дома-то меня никто не ждет, всех родных еще в ту, прошлую войну поубивали. Но все же — на родную землю вернусь.

…Да надолго ли он, мир-то этот? Вот идем мы на север, в горы, и ребята мои рады-радешеньки, а мне невесело. Пройдет время, и снова наш молодой эрл с южным соседом сцепится. Из-за чего? Известно, из-за земли. Им, эрлам, хорошо. Знай командуй, а нам опять в ополчение идти и жизнь свою продавать задешево. В этот-то раз южный эрл сам на нас напал — и чего ему не сидится в своих болотах? Я его, эрла тамошнего, своими глазами видел. Это когда мы в ихнюю столицу вошли и они, эрлы-то, мир заключали при всем честном народе. По мне — так надо было эту самую столицу спалить, чтоб неповадно им было на наши земли лезть. Но меня, понятно, никто не спрашивал. Наш эрл ихнего наследника в плен взял, а потом обменял на кого-то там из знати, да еще выторговал себе кусок земли до южной границы Серого леса — и все. Разъехались эрлы, войска по домам распустили. Но чует мое сердце, недолго будет болотный эрл обиду терпеть…

Вот идут ребята, те, что в живых остались, — едва половина отряда. Сопляки, только о том и думают, как к девкам своим вернутся. Нет им дела до того, что дальше будет. Ну и ладно, пусть пока порадуются. Я-то знаю: тяжелые времена еще не кончились. Сколько полей разорили, домов пожгли — как жить людям? Будет голод, но будет и холод, как говорил старый Нед, светлая ему память.

Парни мои, хоть и малолетки, на войне другими людьми стали. Совсем не те пацаны, что весной из деревни ушли. А сам я? Раньше-то меня все больше не по имени, а просто Треплом звали, больно любил язык почесать. Теперь, как вторую войну прошел, все больше молчу. Только сам с собой, в мыслях, иногда как начну рассуждать — и, бывает, до такого додумаюсь… Да сейчас уж лучше совсем ни о чем не думать, расстройство одно.

А спроси ты меня: чего воюем? Враги-то, они такие же люди, как мы. Им бы пахать да сеять, а их эрл позвал — и пошли… Вот кого я по-настоящему ненавижу, так это ихнего эрла. Они, эрлы, во всем и

виноваты…

— Стой! Кто таков?

Кого там еще принесло? Гляди-ка: встал поперек дороги, телеге проехать не дает. Сам-то старый, лет сто, только что мхом не оброс. Кажется, вот-вот, как пенек трухлявый, развалится. А когда Сим на него заорал — точно, со страху должен был копыта отбросить… А вот поди ж ты, стоит себе спокойно. Ладно, сам с ним потолкую.

— Чего тебе, дед? — говорю. — Дай пройти, а то не посмотрим, что старый — как дадим пинка…

— Да мне, сынки, с вами вроде по пути, — говорит пенек. — Может, подвезете до реки? И мне безопасней, и вам, глядишь, веселее.

Да уж, думаю, радости от тебя — как от рыбы дохлой. Вонь одна. Мы, понятно, все тут порядком одичали, но этот — как будто все свои сто лет в лесу прожил, от грязи чуть не ломается.

— Ты, что ли, начальник? — это он мне. — Подвези, добрый человек.

Вот это да! Давно уже никому и в голову не приходит меня добрым человеком назвать. Не добрый я человек, это каждому с первого взгляда ясно… А пенек на меня хитро так смотрит, будто заранее знает все, что я скажу. Ну, я и решил его удивить.

— Ладно, — говорю. — Забирайся, дед, в телегу. Только садись во-он там, чтоб в мою сторону не воняло.

Ребята смеются, а я деду подмигиваю и добавляю:

— А вечером сказки рассказывать будешь, чтобы скучно не было. Небось, врешь-то складно?

— Расскажу, как же, расскажу, — говорит дед, а сам в телегу резво так заскакивает — откуда только прыть взялась?

Устроился он там поудобнее — и давай храпеть на весь белый свет. А я вперед пошел, по сторонам посматриваю и размышляю — одно другому не мешает.

Вишь, навязался на нашу шею нахлебничек. И живут же такие сморчки! Сам лысый, борода до пояса, весь в репьях каких-то, посох — палка суковатая, одежа драная. Как есть колдун. В мешке заплечном, похоже, одни дыры. Вечером ведь кормить придется! Ладно, пусть его. Может, впервые за год поест по-человечески, опять же и ребят сказкой порадует. Мне-то эти сказки нужны, как собаке пятая нога. И дед-то подозрительный. Не люблю колдунов.

Вечером остановились, разложили костер. Пока до гор не добрались, надо дозорных ставить — на равнине все равно что голые. Скорей бы горы!.. А и близко уже родные места. Завтра до Серого леса

дойдем, послезавтра выйдем из него, а там — через реку переправиться и, считай, дома. Если все хорошо пойдет, глядишь, через три дня… Нет, нельзя ничего загадывать. Неспокойные здесь места. Хоть они теперь вроде тоже наши, нашему эрлу принадлежат — все может случиться. Поживем — увидим.

Сели мы у костерка, стали ужинать. Дин хлебова наварил — пальчики оближешь. Небось полгода назад ничего такого не умел, а теперь заделался кашеваром — лучше не надо. Это после того, как старому Неду голову снесли.

Ну вот, сидим это мы, угощаемся. И старикан, пенек-то, от нас не отстает. Наелся от пуза, ложку облизал, довольный стал, благостный. Утерся бородой и, вижу, спать налаживается.

— Э, нет, — говорю. — Ты, дед, что ли, в телеге не выспался? Ты еще ребятам сказку рассказать обещал.

— А, ну да, — отвечает пенек, нимало не смутившись. — Я и запамятовал. Память-то дырявая. Что давеча говорил — забыл, зато что давно было — все помню…

И начал тут всякие байки рассказывать. Знамо дело, про стародавние времена. Про войны, про героев разных и, само собой, про прекрасных дев. И про нечистую силу тоже, злых духов и добрых, да про эльфов, ну и так далее… Парни сидят, рты раскрыли, комаров забывают отгонять. Дозорные — и те свое дело забросили. Мальчишки, одно слово. Я-то поглядываю, мало ли что из темноты вылезет. Но и сам, признаться, заслушался. Слушал-слушал, а потом и спросил его:

— А что, дед, про драконов ты сказки знаешь?

— Знаю, — отвечает, — как не знать. Да я одного дракона сам видал в молодости.

— Ну да, как же, — говорю. — Враки все это. Нету их, драконов.

— Сейчас-то, понятно, нету, — отвечает дед, глазом не моргнув. — Потому как последнего горный эрл убил, а с тех пор ни одного не народилось. Но это пока. Там видно будет.

— Ну, ты-то почем знаешь? — говорю. Совсем заврался дедок, так и тянет с ним поспорить. — Ты, часом, не пророк ли?

Дед вроде обиделся и важно так заявляет:

— Пророк или нет — это мое дело, а только было такое предсказание: скоро родится в здешних местах новый дракон, страшнее прежнего, только полетит он не на север, а на юг, и первым делом замок южного эрла дотла разрушит.

Дин-кашевар тоже решил словечко в разговор ввернуть:

— А на наши земли этот дракон не нападет?

— Нет, — отвечает дед. — Не нападет. Потому как сам он будет оттуда родом.

— Как так — здесь родится, а сам оттуда родом? — спрашивает Сим.

— Вот уж так уж, — отвечает пень, и вид у него такой многозначительный — аж смешно.

— Ну вот и ладно, пусть себе на юг летит, — сказал Дин и пошел котелок в ручье мыть.

А маленький Тэм и спрашивает:

— Драконов ведь всегда убивают в конце концов?

— Да, так оно и бывает, — отвечает дед. — Рано или поздно отыщется герой…

— А этого дракона кто убьет? — спрашиваю я.

— А вот этого я тебе не скажу, — отвечает дед и, как давеча, в глаза мне глядит — хитро-прехитро.

— Ну-ну, — говорю. — Пророк ты хренов. Да откуда они вообще берутся-то, драконы твои?

— Во-первых, не мои, а скорее уж твои. Сам про них начал. Во-вторых — этого я тебе тоже не скажу.

— Во-во, — говорю. — Сам ничего не знаешь, только зря людям голову морочишь.

— Не зря, — усмехается дед. — А про драконов, может, ты и сам чего-нибудь узнаешь.

Не понравилось мне, как он на меня при этом посмотрел. Ну его к лешему с такими предсказаниями! И впрямь беду накличет.

Ребята приутихли, стали спать укладываться. Только часовые не спят да Тэм, гляжу, все ворочается.

— Не спится? — спрашиваю.

— Не спится…

Вот так вот оно и бывает, после сказок-то. Наслушаются, а потом им за каждым кустом духи мерещатся. И раньше так было… Вечерком Нед, бывало, усядется у костра и загнет историю пострашнее, а все слушают, развесив уши лопухами. Мастер был Нед на всякие небылицы. Этот-то тоже ничего, только с пророчествами своими зря вылез. Терпеть не могу колдунов, ведунов и предсказателей. Не верю я им. Спросишь их: как в этом году урожай — будет ли, нет ли? А они в ответ: то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет, и вообще — уйди, деревня, не лезь с чепухой своей, мы-то все больше о высоком думаем — о конце света, например… Спросишь: а когда он будет-то,

конец света? Если уж и ответят, то так, что все равно ни шиша не поймешь. Скоро! Может, через год, может, через сто лет — валяй, проверяй! Ловко работают, пророки. Вранье одно.

Бывают еще такие люди — толкователи. Пророк ляпнул чего-то спросонья, а они сидят и думают, что он имел в виду. Только тем и занимаются. Вот наш старикан наплел с три короба про дракона, а может, на самом деле говорил про новую войну. Появится, дескать, у нас новый вождь, пойдет на юг и спалит тамошний замок… Ну, про войну — это я и сам знаю. Но пророком не прикидываюсь. А мы, значит, победим? Ладно. А почему лично я должен что-то такое про драконов узнать? Он ведь именно мне это сказал. Глядишь, еще сам эрлом заделаюсь… Ладно, шутки шутками, а и спать пора. Размечтался, добрый человек. Кости чего-то ноют. А завтра еще весь день по полям топать.

Утром упал такой туман — за два шага ничего не видно. Пришлось пережидать. Сидим, сухарики грызем, мерзнем. Я-то всегда заранее знаю, когда погода изменится. У меня правая рука была перебита — срослась, да, видно, неправильно, или жила какая нужная порвана… С тех пор правая плохо слушается и перед непогодой ноет. Так что я, опять же, могу предсказателем работать…

Сижу это я, завтракаю. Тут подползает ко мне старичок-сморчок, берет за руку правую и говорит:

— Что, мил-человек, болят кости-то?

— Болят, — отвечаю я неприветливо. Я с утра особенно злой. — А тебе что за дело?

— А то, — говорит. — Могу ведь и полечить.

— Ври больше, — говорю. — И вообще, я и левой привык обходиться! — беру в левую руку ножик и ловко так брюкву очищаю. — Видал?

— Славно, — говорит дед. — Одна рука — хорошо, а две-то — лучше! Давай правую-то.

Ладно, думаю, хуже не будет. Посмотрим, как колдун опозорится… Берет он мою правую в свои старые лапы, мнет чего-то, крутит, слова непонятные бормочет, и чувствую я — правая болеть перестает. Вот те раз!

— Ну-ка! — кричит сморчок. — Попробуй-ка! — и еще одну брюкву мне подает, в левую руку, а нож — в правую.

Ну вот… И так легко правая меня слушается, будто и не было никакого перелома! Хоть и кривая, а с ножом ловко управляется. Дед смотрел-смотрел, потом брюкву очищенную — хвать! И давай

хрупать. А я и говорю:

— Ну, спасибо, дед! Ты и впрямь колдун, что ли? Может, к вечеру-то опять разболится?

— Поглядим, — говорит дед сквозь брюкву. — А если не разболится, обещай мне в благодарность одну вещь…

— Какую еще вещь? У меня их и нету, вещей-то.

— Тьфу ты… Да не то! Обещай, что, если встретимся когда-нибудь еще с тобой, ты мне зла не причинишь…

— И всего-то? Ладно, дед, живи на здоровье.

Значит, он и вправду меня боялся, раз такое условие поставил. Думал, что я могу просто так человека пристукнуть. А что, может, и могу.

— Слово дай, — говорит.

— На, — говорю. — Встречу — не трону. Слово мое.

Он, в общем, неплохой старичок оказался, только вонючий сильно и малость из ума выживший. Мало ли чего он там вещал, зато лекарь оказался — золотые руки. Он потом еще парням гнилые зубы вырывал без боли, а Симу травы дал от простуды…

Ребята повеселели, шли резво, с прибаутками, а старик, наоборот, к вечеру в какую-то тоску впал. Парни просили перед сном сказку рассказать, а он посмотрел на них этак печально и говорит:

— Не будет вам сегодня сказок.

— Что, дед, все байки позабыл? — спрашивает Дин.

— А я слышал — когда колдун кого лечит, от него все силы уходят, — говорит Тэм. — Правда это?

Дед молчит.

— Слышь, старик! — говорю я. — Рука-то у меня не болит. Так что слово мое крепко…

Дед все молчит. А я продолжаю:

— Да вот только как я теперь погоду-то буду узнавать на завтра? Слышь, пророк! Скажи, что завтра будет?

— Не скажу я, что с вами завтра будет, — мрачно отвечает дед и в тряпье свое заворачивается. Завернулся и вроде уснул.

Ну, мы посидели у огня… а дошли мы до самого края Серого леса. Так просто сидеть скучно, да и душе как-то неспокойно — в тишине-то.

— Песню, что ли, спеть? — говорит Сим и затягивает- хорошую песню, старую, протяжную. Мы все вместе подпеваем, но ни у кого так здорово, как у Сима, не выходит. Он у нас лучший певец, Сим, таких поискать. Ну, спели, дом родной вспомнили. Тоску разогнали, с тем и

спать легли.

Последний день пути — самый трудный. Нужно за один день, до захода солнца, пересечь Серый лес. Я раньше все думал: почему его Серым назвали? Оказывается, там всё больше ели растут, высокие, старые, а стволы и ветки у них сплошь серым лишайником покрыты, и на земле, куда ни ступишь, те же лишайники. Вот и Серый. Еловый лес — темный, густой. И вроде близко от наших мест, а все же не наш он. Дома-то стены помогают, вот и елки тоже, а тут — вроде всё против нас. Вот и надо было этот ельник непременно за день пройти, чтобы заночевать уже за рекой, на бывшей нашей границе. А там-то — уже мы и дома.

А начался этот день нехорошо. Проснулись утром — а старичка-сморчка след простыл, ушел дед спозаранку и мешок брюквы упер. Вот так-то, добрый человек. Хорошо, он с меня слово взял — хитрый, сука! А то бы я не поленился найти его и поучить уму-разуму. Ну да ладно, нам идти — всего ничего, без брюквы проживем как-нибудь, а уж без колдуна — и подавно…

Дальше — больше. Коняга наш, гнедой, занемог. Он у нас один был, телегу тянул с припасами. Утром, как запрягли, хромать стал, а потом и вовсе повалился — и уж не встал. Все, пропал конь. Жалко его.

Телегу, понятно, бросить пришлось — на что нам телега без лошади? Припасы на спину взвалили — съестного, сколько сможем унести. Все остальное пришлось бросить. Все добро, которое домой везли, пропало. Вот тебе и добыча военная. Не везет, так уж не везет.

Я сгоряча на сморчка грешил — он, дескать, на коня порчу навел. А парни-то мне и говорят: дед-то, выходит, нам помог, брюкву спер — ношу облегчил… Да и с чего бы ему коня нашего портить — мы ведь с ним по-хорошему, и сам ведь нам зубы лечил… Ладно, бес с ним.

Пошли мы с заплечными мешками через лес. Идем, помалкиваем. Зверья-то мы не особенно боимся: много нас, да и с оружием все. Людей не встретить бы. Или, того хуже, нечисти здешней…

Все-таки мешки с едой дали себя знать. Я думал — к вечеру выйдем из лесу, через реку переправимся и на своем бережку уснем спокойно — в первый раз за полгода. Ан нет. Солнце село уже, а мы только-только на опушку выбрались. В темноте брод не найдешь — болотисто там; вот и пришлось на чужом берегу на ночлег устраиваться. Место, ничего не скажешь, поганое: с одной стороны — лес этот проклятый, с другой — трясина. Через чащу-то мы спокойно прошли, без происшествий, а тут — мало ли что может случиться? Ну,

спать-то надо все же.

Последнюю ночь спим у костра, завтра дома будем… Легли. Я двоим дозорным велел во все глаза глядеть, а в полночь чтоб меня разбудили — сам их сменю. Вот улеглись мои ребята и тут же уснули — устали все-таки, понятно. Как убитые уснули.

Проснулся я от беспокойства. Со мной такое бывает. И точно, не подвело чутье — смотрю, костер потух давно. А темно — глаз выколи, и ни луны тебе, ни звездочек на небе…

— Эй! — шепчу. — Тэм! Спишь?

Не отвечает. Спят дозорные мои. Олухи. Ну их к лешему, сам покараулю. Теперь уж все равно не усну. А утром узнают у меня, как за костром следить.

Сижу, смотрю. С той стороны, где темень гуще — там лес, напротив — болото. До рассвета дотянуть бы.

Тихо. Только так негромко в елках шумит, вроде свистит кто. Или воет. Вдруг, слышу, заворочался кто-то. Проснулся. Говорю ему:

— Это ты, Сим?

— Я, — отвечает. — Не могу спать чего-то. — Помолчал, а потом спрашивает: — А что это — вроде песня?

А я ничего такого не слышу, только ветер все шумит да вспышки какие-то со стороны болота пошли. А Сим опять:

— Да уши-то разуй! Вот же, поют! Красиво… — и сам тихонько подтягивать начал. Он, Сим-то, любую песню на лету схватывал.

Тут ребята заворочались, стали просыпаться. А мне от всего этого как-то не по себе. В лесу вроде посветлее стало, по болоту огоньки бегают. Ох, не к добру…

— Точно, поют где-то, — говорит Дин. — Неужто не слышишь?

— Ни хрена я не слышу! — говорю, а самого зло берет.

— Поют! — кричит Тэм. И эта мелюзга туда же! — Вот так: ла-ла-лаа…

— А ну тихо! — пытаюсь их успокоить, но Сим уже поет во все горло, а Тэм ему вторит, и все мои ребята стоят во весь рост лицом к болоту и слушают песню.

И тут я тоже услышал.

Странная это была песня. Вроде и слов в ней не было, а все равно — понятно.

Иди к нам, пели голоса. Здесь хорошо, спокойно. Вот оно, счастье. Забудь все, что было с тобой, и иди. Все беды кончились, пора отдохнуть. Иди к нам. Иди. Иди…

— Хорошо поют, — сказал Дин. — Пойду погляжу, — и двинулся

было к огонькам, но я заорал:

— Стоять!

Я разом вспомнил все легенды о болотных огнях и о том, кто поет ночью в лесу. Я понял, что это всё. Но я надеялся удержать их.

— Эни! — сказал маленький Тэм. — Это она там поет, — и двинулся к болоту, а за ним Дин, и остальные, забыв обо всем, шли прямо в трясину, за проклятыми огоньками.

Иди к нам, пели голоса. Иди же скорее.

— Куда?! Стоять! На место, мать вашу! — я срывал голос, но никто даже не обернулся. Они шли туда, и я не мог их остановить.

Сим, стоявший до сих пор рядом со мной, шагнул вперед. Я схватил его за плечи. Я всегда был сильнее его, но тут он легко отпихнул меня и пошел туда. Мой друг Сим, ушел вслед за всеми.

Я кричал. Песня становилась все громче, я уже не слышал своего голоса. Потом я выбился из сил и упал лицом в потухший костер.

Они все ушли. А я не сберег их, не смог спасти, и мне оставалось только пойти вслед за ними. Песня все звучала у меня в ушах. Я встал и из последних сил побежал прочь, прочь, подальше от этого места. И так я несся по берегу реки, болото осталось далеко позади, а впереди я увидел крутой обрыв, но не стал сворачивать, а оттолкнулся от берега и прыгнул в глубокое темное ущелье.

Я лежал на скользких камнях, мне было холодно и больно, и значило это, что я еще жив. И еще мне было… странно. Это странное было во мне самом, во всем моем теле, и особенно чувствовалось в правой руке. Опять сломал, подумал я. Хотел было повернуть голову, чтобы осмотреться, но не смог. Так плохо мне еще никогда не было, но я почему-то был уверен, что скоро станет легче и, самое главное, я не умру. Не сейчас. Вот это и было самым странным.

Светало. Скоро взойдет солнце, подумал я, пора вставать. Заставил себя повернуть голову, посмотреть, что там с перебитой рукой.

Я увидел ее.

Я не узнал ее. Это была не моя рука. Я попытался встать на ноги — это вышло у меня как-то странно. Поднялся из ущелья — это далось мне неожиданно легко. Подошел к реке и посмотрел на свое отражение в воде.

Наверно, я должен был удивиться. Но я откуда-то заранее знал, что так и будет, только боялся поверить. Теперь убедился, что все, что случилось со мной — правда.

На берегу стоял человек. Сгорбившись, опирался двумя руками на посох. Увидев меня, старик испугался, но я посмотрел ему прямо в

глаза, и он узнал меня.

— Ты дал слово, — сказал он.

Я чувствовал в себе силу и злость. Я мог сделать с ним все, что угодно.

— Я помню, — сказал я.

Добрый человек.

Небо на востоке светлело. Гуси, построившись клином, летели туда, где тепло и нет голода и войн.

— Куда ты теперь? — спросил он. — На юг?

— Хорошая мысль, — сказал я. — Сначала на север. Мы помолчали.

— Уходи подальше, за реку, — сказал я.

— Прощай, — он повернулся и пошел своей дорогой, старый, слабый и беззащитный.

Я спешил домой, на север. Правое крыло поначалу плохо слушалось, но я быстро приноровился. Вскоре показались горы, новый замок эрла и развалины старого замка, разрушенного предпоследним драконом. Потом я увидел деревню.

Люди еще спали, и я знал, что им снится. В деревне ждали тех, кто шел вместе со мной, ждали всех, кроме меня. А вернулся только я один. Я сделал круг над плоскогорьем, прощаясь, и полетел обратно, оставляя слева рассвет.

Вот она, опушка Серого леса. Болото. Здесь сгинули те, кого я называл своими друзьями.

Я видел далеко. Старик успел уйти за реку, и теперь на болотистом берегу не было ни одной живой души. Только души мертвых, да еще те, кто смотрел тогда на нас из-за ветвей и пел песни, прячась в болотном тумане. Я решил попробовать силы.

Когда я закончил, от торфяного болота и большей части Серого леса не осталось ничего, кроме горячей золы. Я вспомнил, как когда-то давно, в прошлой жизни, упал лицом в костер, и усмехнулся. Это были похороны той моей жизни и первая месть в жизни новой.

Солнце поднялось уже высоко. Я смотрел на него не щурясь, как смотрят хищные птицы, но я был сильнее всех птиц, зверей и людей. Я мог читать человеческие мысли, понимать язык животных, видел скрытые в горах сокровища и слышал, как текут подземные реки. Я мог почти все, и я был такой один на всем свете.

Не привыкать, добрый человек, сказал я себе. Эта странная привычка разговаривать с самим собой всегда спасала меня от одиночества. Теперь она перешла по наследству мне теперешнему от

меня прежнего. Больше не осталось почти ничего. Только память.

Я летел на юг.

Я знал: обо всем, что случилось и еще случится в этом году, люди будут говорить: «Это было тогда, когда последний дракон разрушил замок южного эрла».

НАВЕРНОЕ, БОГ

— Доктор Джефферсон, к вам посетитель — мистер Чактор. Пришел три минуты назад.

Джефферсон взглянул на часы — одиннадцать ноль три. «Чертовски пунктуальный тип, может в этом и есть его проблема», — с легким раздражением подумал он.

— Пусть войдет, — ответил он секретарше, нажав на кнопку коммуникатора.

Пока новый клиент шел через прихожую, доктор в тысячный раз с удовольствием осмотрел кабинет: множество кожаных корешков солидных книг на полках, спокойный морской пейзаж на стене, массивный стол, кушетка, темный ковер с коротким ворсом, приглушенный свет. Большинство пациентов именно так представляют себе кабинет психиатра, так зачем же их разочаровывать?

Из состояния задумчивости его вывел пунктуальный посетитель. Он уверено вошел в комнату, сразу направился к столу и положил на него увесистую папку. Это застигло Джефферсона врасплох, и он даже не успел встать, что опять слегка разозлило его. Тем более что Чактор оказался молодым мальчишкой, лет тридцати, с лицом и фигурой, которые очень любят показывать в бесконечных сериалах. Ему было известно, какое впечатление он произвел на хозяина кабинета, и это его забавляло. Он медленно достал из внутреннего кармана строгого костюма удостоверение, развернул его и небрежно положил на стол.

— ЭрДиАй, агент Чактор Эниктор.

Джефферсон расслабился и даже откинулся в кресле. Странный посетитель объяснил свое поведение, и дальше уже было ясно, чего от него ждать.

— Что же ЭрДиАй понадобилось от изгоя и шарлатана? — с широкой улыбкой спросил он.

— Я уполномочен заявить, что вы призываетесь на государственную службу. С этой минуты вы не имеете права разглашать полученную информацию и обязаны проследовать со мной

в штаб-квартиру для получения дальнейших инструкций.

— Э нет, молодой человек, никуда я не пойду. Лучше позвоню своему адвокату.

— Вы не имеете права.

Психиатр с наигранным изумлением приподнял брови.

— Вот как? А разве у нас не свободная страна?

Чактор неожиданно улыбнулся.

— Свободная. Но уже не для вас… Вы прошли проверку, и я имею право объяснить ситуацию на месте, после чего вы, безусловно, пойдете на сотрудничество.

Джефферсон задумчиво кивнул головой, вспоминая нескольких странных клиентов, с которыми он начал работать за последний месяц; по всей видимости, это и были проверяющие. Если здоровый человек тщательно симулирует психическое заболевание перед опытным специалистом, то это странно. Хотя платили они исправно, а это самое главное.

— Доктор Джефферсон, как вы относитесь к идее Бога? — между тем начал агент, наконец присев в кресло.

— Довольно удобная концепция. Профессионально составлена. Многим людям и в самом деле помогает.

— Но сами вы не верите в Бога?

— Нет, сам не верю.

— Наше ведомство двадцать четыре года назад нашло человека, который довольно точно соответствует концепции Бога.

— У него лебединые крылья и фонарик над головой? — иронично спросил доктор.

— Нет. У него разум, с помощью которого он может изменять действительность.

— То есть?

— Ну, допустим, если его убедить, что космические полеты это реальность, то на следующий день в этой области происходит прорыв, и через год вылетает экспедиция на Марс. Или, к примеру, убедить его, что национальная валюта самая крепкая в мире, и, пожалуйста, готово экономическое чудо. Или же убедить его, что государства Сейлот не существует, и оказывается, что об этом государстве никто никогда не слышал.

— Ив самом деле, я о нем не слышал. А откуда же о нем узнали вы? — Джефферсон сидел с серьезным лицом, ничем не показывая, что разговор хоть немного удивил его.

— В архивах находятся специальным образом закодированные

записи.

— Вы можете объяснить, как это происходит?

— Естественно. Была разработана теория, а в дальнейшем она экспериментально подтвердилась. Ее суть в том, что весь мир существует лишь в воображении этого человека и является результатом работы его мозга. Причем сам он этого не осознает.

— И мы с вами тоже, в некотором роде, существуем лишь в воображении этого человека?

— Да.

— И другие люди?

— Да.

— Так как же вам удается его в чем-то убедить?

— По теории, поступками живых существ заведует его подсознание. На сознательном уровне невозможно обработать такой колоссальный объем информации. Дальше идет самообман и другие вещи. Вы психиатр и должны лучше в этом разбираться.

— Да, вы правы, я психиатр, — невозмутимо сказал Джефферсон. — У вас очень интересная теория…

Внезапно Чактор вскочил с кресла и, перегнувшись через стол, удивленно спросил у Джефферсона:

— Вы мне не верите? Считаете меня сумасшедшим?

— Нет, почему же. Я против такого грубого диагноза. У вас просто небольшая дисфункция…

— Но я же из ЭрДиАй! — взволнованно прокричал гость.

— Сядьте, — психиатр сохранял спокойствие. — Вы считаете, что служба в ЭрДиАй может защитить вас от психического заболевания?

— Нет, но…

— Я понимаю, у вас квалифицированные врачи…

— Подождите, не перебивайте, — посетитель успокоился и сел обратно. — В этой папке — доказательства.

— Допустим, — кивнул Джефферсон. — Но в случае, если это правда, что вам от меня надо? Судя по разговору — в чем-то убедить. В чем? Что у ваших специалистов не получается?

— Он никак не может согласиться с мыслью, что человек бессмертен.

— Зачем вам это?

— Доктор, он старый человек, ему восемьдесят шесть лет. Перенес четыре операции на сердце. И наши специалисты плохо представляют, что случится с миром, когда он умрет.

РЕКВИЕМ ПО САМОМУ СЕБЕ

Реквием по самому себе…

Невеселое название я выбрал для своего короткого дневника. Впрочем, мне захотелось это назвать так, а значит — пусть так и будет. Все равно никто, кроме меня, не прочтет. Зачем тогда я пишу?

Хочется хоть как-то, пусть даже на этом клочке бумаги оставить о себе что-то на память. Ведь нельзя же уйти бесследно. Итак, я возвращаюсь назад и подвожу итог событиям, а может своим мыслям.

В 17.39 по корабельному времени текущих звездных суток я, Гунар Торренс, второй пилот дальнего разведывательного корабля «Орион», получил приказ командира проверить систему управления вспомогательного полетного модуля «Квант». Через несколько минут произошла авария. Мне «повезло» больше, чем всему остальному экипажу: небольшой метеорит по касательной, почти спереди, ударил в нас — последовала мгновенная разгерметизация чуть ли не всех важнейших отсеков корабля, так как злополучный кусок камня прошил отсеки почти по всей длине. И лишь кабина «Кванта» спасла меня от смерти (зачем только ее сделали герметичной?!).

После взорвался резервный бак с топливом, в результате корабль получил сильное боковое вращение. Сейчас сижу в ходовой рубке (годится ли это странное, устаревшее понятие для нашей смертельно раненной птицы?), а сквозь лохматые дыры в «потолке» видны бешено вращающиеся звезды. Сориентироваться в пространстве совершенно невозможно — вся Вселенная вокруг, словно развлекаясь на этом пепелище, выделывает коленца в пляске Святого Витта, вызывая огненный хоровод в голове.

А мне, в общем-то, это и не очень важно — знать, где я. Ясно одно — мы падаем в Вечность. И я упаду туда гораздо раньше, чем наш изувеченный корабль. Я задержался здесь. Несправедливо задержался. Сейчас допишу это, а потом подумаю: отстрелить себе башку из газового пистолета или просто открыть скафандр? Серьезный выбор. Все это (другими словами и за исключением последней мысли, разумеется) я старательно, официальным мужественным тоном наговорил в бортовой журнал. Надеюсь, что те, кто будут слушать последнюю весть с «Ориона», не найдут в моем голосе дрожи и отчаяния… Хотя, о чем это я? Кто услышит эту запись?! Но так было

положено по Уставу — сделать ее, и я сделал. А теперь и дневник свой почти закончил. Надо только сказать правду, отбросив мужественный тон — я сижу и плачу. Слезы текут под шлемом, и я не в силах не только остановить их, но и вытереть лицо.

Я не оплакиваю свою судьбу. Нет. Но горько за своих друзей. За свои мечты. Мы просто прикоснулись к Вечности. Как мы стремились сюда, как надеялись, верили, что для Человечества наступает новая эра. И как быстро все закончилось. Мотылек на огонь… Так бы, наверное, плакал ребенок, у которого отняли любимую игрушку — от несправедливости. Я жалею своих друзей, а ведь их смерть по сравнению с моей была легкой, я не пожелал бы им оказаться на моем месте. Перед ними не стоял этот нелегкий выбор.

Пистолет или скафандр, скафандр или пистолет? Боже, как болит голова. Апатия… Или агония души? Почему-то тянет в сон, словно не хватает кислорода. Хорошо бы просто лечь и заснуть. И чтобы все на этом закончилось. Да еще дурацкие звезды мечутся как угорелые… Совершенно не могу думать. В голове одна четкая мысль — нельзя умирать, когда болит голова и хочется спать. Я очень устал. Пожалуй, я все же залезу в «Квант» — там можно снять скафандр. Попробую уснуть. А заодно подумаю — как лучше? Но до какой степени сводит с ума эта бешеная кутерьма звезд!

* * *

Странно, но я пишу вторую страницу своего дневника. Только что проснулся, одел скафандр и опять забрался в рубку (буду по-прежнему называть этот дуршлаг рубкой). Писать в скафандре не очень удобно, но меня почему-то тянет сюда, а здесь без скафандра нельзя. Наверное, это память — на нашем корабле не было кают-компании в привычном понимании этого слова. Уж если мы где и собирались все вместе, так это здесь. Только звезды стояли на своих местах, а не скакали, как сумасшедшие. Мне это надоело. Всю жизнь я куда-то мчался, опаздывал, всегда не хватало времени, кругом была суета. И вот теперь я остановился на пороге иного Бытия, и некуда спешить, и есть время на все — но нет спокойствия: надо как-то прибить звезды на свои места. Гвоздями, что ли? Или корабль приклеить к… к чему? Подумать я успею позже, а сейчас попробую выйти из корабля и что-нибудь сделать с упрямым пейзажем.

* * *

Вечер того же «дня»

Да, вот теперь у меня остался только один способ покончить с собой — открыть скафандр (даже думать уже не надо, выбор сделала жизнь). Возможно, смерть моя будет легкой, но уж больно отвратительные картины рисуются мне в воображении. Хотя представить себе, каково это, отстрелить себе голову из газового пистолета, ничуть не легче…

Я уже избавлен от «русской рулетки» — для того, чтобы прекратить «кувыркание» корабля пришлось использовать заряды всех моих пистолетов. Энергии даже отчасти не хватило на остановку вращения корабля вокруг своей оси. Теперь у меня есть условный курс — это туда, куда направлен нос корабля. Относительно этой оси корабль медленно поворачивается, поэтому звезды так же медленно всходят и заходят. Надо будет рассчитать длину своего нового дня и мерить все собственными «звездными» сутками. Только вот как их делить на день и ночь?

А пока сижу на краю выходного люка корабля, свесив ноги в пустоту, и пишу. Зверски устал. Несколько раз, пока гасил вращение, чуть не снесло в сторону от корабля. Мне этого почему-то не хотелось. Это удивило меня, и я задумался — почему? Такая смерть вызвала протест — хочу сам решить и сам осознанно сделать этот шаг, а не случайно.

А все-таки приятно посидеть, свесив ноги в бездну. В этом есть что-то запредельное, не для нормального человека. Очень таинственное, может быть, демоническое. Я словно постепенно приобщаюсь к чему-то глубоко истинному и важному, от чего раньше был всего в одном шаге. Я замер, пораженный этим «чем-то». Но пока еще не отгадал его. Не ухватил. Я делаю этот шаг. Все прошлое уже за чертой. В той жизни я не успел по-настоящему ничего сделать, даже полюбить толком. Та жизнь и моя, и уже не моя — она словно была во сне. Как я — я еще жив, но уже будто бы и нет. После того как взорвался наш корабль, и бортовой «мозг» перестал отвечать на радиовызовы, мы стали первым номером во всех сводках новостей. А теперь нас, конечно, уже похоронили. Обо мне уже никто не помнит, кроме бесстрастных компьютеров, хранящих в памяти информацию об исчезнувшем корабле «Орион». Может быть, когда-нибудь, когда эти железные лоханки развалятся от старости, на Земле вообще не останется памяти о нас. Страшно. Я мнимая величина в действительном мире. Я — отражение в зеркале, отражение еще осталось, а оригинал уже разбился. Меня нет, я живой мертвец на борту «Летучего Голландца»…

* * *

Третий день

«Видно так нам светят наши звезды».

Чья это фраза? Никак не могу вспомнить, где я слышал ее когда-то ТАМ. Она мучает меня сегодня весь день. С ней связано что-то очень важное для меня.

Занимался тем, что проверял — что и как разнес маленький кусочек камня, запорхнувший к нам «на огонек». Многие переборки напоминают деревянную стену, разнесенную вдребезги очередями из крупнокалиберного пулемета. Интересно, почему так, если метеорит был один. Похоже, он врезался, а дальше пошел лавинообразный процесс нарастания массы обломков? Пожалуй, надо исследовать это явление, хотя, по существу, лучше бы его исследовали эксперты с Земли. Может, кому-то потом, в следующий раз, это помогло бы уцелеть.

А самое смешное, сколько раз в детстве читал фантастические рассказы, так там всегда — авария, а люди остались живы, и нет еды или кислорода. А у меня все наоборот — и система регенерации исправна, и кислород уцелел, и еда. Все бы хорошо, лучше некуда.

Только люди не спаслись.

* * *

Четвертый день

Появилась привычка перед сном вылезать на «крылечко» и, свесив ноги, писать о том, что произошло за прошедшие сутки. Сегодня я не так устал, как за предыдущие сутки, да и первое напряжение слегка спало. Занимался, в основном, бортовыми системами, пытался хоть как-то наладить навигационный компьютер, восстановить разрушенные участки системы жизнеобеспечения и энергоснабжения. Мой «Голландец» понемногу начинает приобретать жилой вид, хотя без скафандра как и прежде можно находиться только в кабине «Кванта». Но я к этому уже привык. А вскоре, может быть, удастся заварить дыры кое-в-каких помещениях и подать туда воздух. Тогда заживу вообще по-королевски. Король дырявого трона…

Наверное правы были философы, которые говорили, что мир развивается по спирали. Во всяком случае, я — летящая (или ползущая) иллюстрация этой мысли. Я штопором ввинчиваюсь в пространство и время, и всем своим естеством ощущаю, как приближаюсь к пониманию того, ради чего люди вообще живут в этом

причудливом мире. Что за Сущность мне предстоит постичь в результате этого? На каком витке это будет?

«Видно так нам светят наши звезды»….

* * *

Утро пятого дня

Во сне вспомнил, откуда эта фраза. Видно так нам светят наши звезды… Даже не знал, что это жило во мне столько лет.

Эта женщина сегодня пришла ко мне во сне. Она и ее муж умерли много лет назад, в конце прошлого века, когда СПИД еще был неизлечимой болезнью. Тогда ее предсмертная записка оставила во мне след, который, как оказалось, не исчез за все прошедшие годы:

«Простите нас. Видно так нам светят наши звезды. Живите за нас долго-долго».

Живите… долго-долго… за нас…

Боже мой! Звезды, звезды, как вы светите нам?! Что вы делаете с нами? Почему так жесток и страшен наш мир?

Живите… Я не знаю имени этой женщины, я преклоняюсь перед ней. Сумею ли я быть сильным в конце? Безропотно, с достоинством, принять свою Судьбу? Сумею ли простить?

Звезды, звезды, кто вы? Друзья или враги?

* * *

Вечер

Звезды — трассирующие пули в пространстве. Одна такая пуля убила наш корабль, поразив его в самое сердце. Кто выпустил ее? Сколько миллионов лет назад? Столько тысяч световых отрезков она стремилась к той точке, куда гораздо позже пополз и наш утлый, наивный, неповоротливый челнок? Где-то далеко, очень-очень далеко, неведомый исполинский стрелок сейчас разразился сатанинским смехом — его выстрел достиг цели. И вся Вселенная задрожала.

Весь день бился над навигационной системой, пытаясь понять — куда я лечу. Звезды всходят справа и заходят слева, совершенно не сдвигаясь ни вперед, ни назад. На глаз абсолютно непонятно — в какую сторону направлен нос корабля по отношению к направлению полета. Может быть, я лечу дюзами вперед? Так ни черта и не понял. Вот бы удивились инопланетяне, если бы встретили мой корабль, летящий задом наперед! Или боком?!

* * *

Вечер шестого дня

Сегодня работал на внешней обшивке корабля, пытался привести ее в порядок. Очень интеллектуальное занятие, способствующее укреплению нервной системы: целую рабочую «смену» пропорхал среди инструментов, привязанных, как и я, к кораблю. А пневматический молоток в условиях невесомости вызвал у меня нервную икоту, которая не утихла и сейчас. В конце концов я решил его казнить, отвязав от корабля шнур, удерживающий предательскую железяку. Уже стал приводить приговор в исполнение, когда подумал, что, может быть, на такой же иноземный молоток натолкнулись мы. В итоге закинул его с глаз долой в люк корабля, и теперь он мирно пасется где-то в недрах трюма.

А подлинную, абсолютную радость испытал, когда в конце «рабочего дня» отлетел в сторону от корабля, чтобы критически оценить свое творение.

Пикассо в полный рост! Мое нутро не вынесло всего этого, поэтому решил завтра устроить себе выходной…

В связи с этим у меня была какая-то интересная мысль, пока я порхал вокруг корабля. Что же там было? Мысли об обшивке задавили все остальное… Ах, да! Надо будет завести себе камушек, привязать его тросом к кораблю, и пусть летает вокруг меня. Буду иногда выезжать на природу. Таким образом у меня появится дача. Как раз завтра «уик-энд», где бы найти кусок земли по сходной цене?

* * *

Выходной

За неимением камня лежу на обшивке. Загораю. Сразу же бросилось в глаза то, на что не обращал внимания, пока работал — одна звезда сбоку (по отношению к носу корабля) растет в размерах. Выходит, либо я лечу к ней, либо она ко мне. Второе, конечно, я вставил для красного словца, а скорее всего, имеет место первое.

Кто заказывал камушек? К столу подано! Только этот, пожалуй, все же слишком велик и горяч для меня.

Но все равно приятно — даже без навигационной системы я сумел в конце концов выяснить направление своего полета. Кажется, я не успею построить себе дачу и даже завести говорящего попугая. Я еще могу уйти от столкновения на «Кванте». По-моему, это единственное, что пока находится в полной исправности (кроме моего любимого пневматического молотка). Я смогу протянуть еще несколько

месяцев…

И только сейчас задал себе вопрос — зачем? Сколько кислорода и продуктов влезет в «Квант»? Выходит, я ушел от одного выбора и пришел к другому. Сразу испортилось настроение. Да-а, ну и выходной получился. Лучше бы я совсем не обращал внимания на эту звезду, и она подкралась бы совсем-совсем незаметно. Как тот метеорит, только сзади и сразу.

* * *

Раннее утро

За ночь звезда сильно увеличилась в размерах. Мой разбитый многострадальный корабль явно затягивает в этот водоворот. Причем чем дальше — тем сильнее. Не знаю, через сколько часов полета, но, очевидно, в ближайшие сутки «Орион» упадет на эту звезду.

Понаблюдаю за ней еще несколько часов.

* * *

Вечер

Пишу, сидя в кабине «Кванта». Только что закончил его подготовку к старту. Мое падение происходит даже быстрее, чем я рассчитывал. Похоже, корабль ускоряется, приближаясь к звезде. Это самый солнечный вечер в моей жизни.

Вот и пришла она, Судьба, которую невозможно угадать, Можно лишь принять все как есть или… Или?

Я принял решение — нечего тянуть, Я стартую к ней. Я всю жизнь был упрям и даже сейчас не желаю. покорно ждать.

Горбатого могила исправит.

Последнюю страницу допишу в самом конце.

СТАРТ!

* * *

Люди! Боже мой, как жарко! Я сделал все, что мог, хотя лучшее, что я мог сделать с самого начала — это сразу умереть. Люди…

Мне осталось немного — я почти не вижу того, что пишу: жар застилает глаза. Я растворяюсь в огне. Но я не жалею. Кажется, я так и не узнаю — что же было за порогом, который я хотел перешагнуть. Мне не дано это.

Но я понял другое. Сейчас… Это важно. Хочу сказать, пока не стало поздно… Нам нельзя уходить бесследно. Мы должны жить в сердцах остающихся. Всегда! Иначе нет смысла во всем том, что мы

делаем…

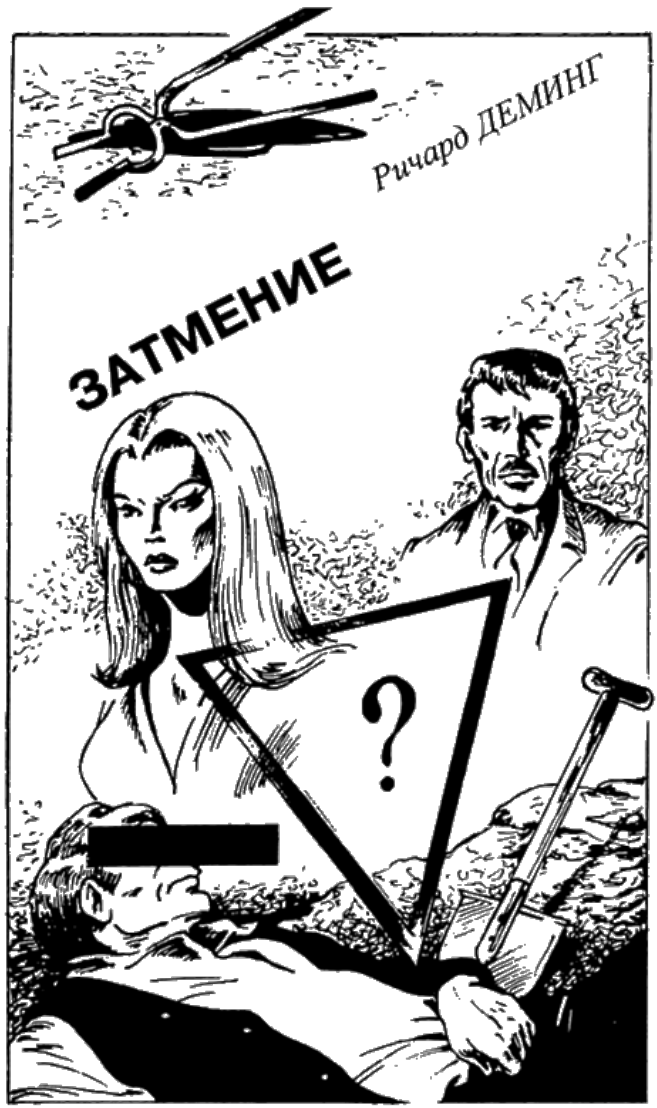
Господи, кажется, сейчас остановится сердце, и я не успею сказать то, ради чего иду на костер. Люди! Смерти нет, есть только забвение. Помните! Я хочу верить, что Вы будете помнить.

Сейчас я превращусь в плазму. Уже немного… Но я вернусь, я вернусь к Вам лучом света и ласково коснусь Ваших лиц, обращенных к звездам.

И если только Вы захотите помнить, я упаду на Ваши лица теплым дождем, и тогда никто не увидит ваших слез.

Ричард ДЕМИНГ

ЗАТМЕНИЕ



Мужчина вошел в отделение по расследованию убийств в девять утра. Ему было примерно сорок пять лет, лицо гладко выбритое, костюм с иголочки. Такое впечатление, что после того, как костюм тщательно выгладили, мужчина даже не присел. Он выглядел таким аккуратным, разве что узел галстука слегка сбился в сторону и волосы причесаны чуть небрежно.

Создавалось впечатление, что он всю ночь прокутил, а потом, чтобы протрезвиться, принял холодный душ и выпил дюжину чашек черного кофе. Во всяком случае он постарался придать себе приличный вид. Однако, процесс протрезвления шел не вполне успешно.

Я сказал:

— Слушаю, сэр.

Положив руки на край моего стола, он внимательно меня оглядел.

— Вы полицейский?

— Угу, — подтвердил я. — Сержант Сод Харрис.

— Но вы не в форме полицейского, — проговорил он глухо.

— В отделении детективов мы не носим форму, — пояснил я. — Однако, верьте мне, я полицейский.

Он отпустил угол стола, выпрямился и слегка покачнулся.

— Отлично. Если вы полицейский, то арестуйте меня.

Я посмотрел на него более внимательно. Сэм Уиггинс, регистрировавший дело, отложил папку, подошел и встал рядом со мной.

Я спросил:

— За что вас арестовывать?

Человек нетерпеливо тряхнул головой.

— Просто я хочу, чтоб вы меня посадили.

— Почему?

— Вам нужно основание?

Сэм Уиггинс сказал:

— Это необходимо для ареста, мистер. Ведь у нас не просто пансион для отдыхающих.

Мужчина повернулся в сторону Сэма. Ему потребовалось время, чтобы сфокусировать свой взгляд.

— А того, что я пьян, недостаточно, — поинтересовался он.

Сэм окинул его взглядом сверху вниз.

— Может быть.

— Ну, вы когда-нибудь видели пьяницу?

Мы с Сэмом переглянулись. Повернувшись к пьяному, я спросил:

— Что вас заставило сюда прийти?

— Что?

— Прийти сюда, в этот офис. Вы знаете, где находитесь?

Он некоторое время раздумывал, а потом четко произнес:

— Табличка на двери указывает, что здесь отдел по расследованию убийств.

— Да, — подтвердил я. — Если вы захотели сдаться как пьяница, почему не обратились попросту в окружное управление на первом этаже?

Мой вопрос поставил его перед новой проблемой, над которой он размышлял уже дольше. Наконец он нашел ответ:

— Да я просто вошел в первую попавшуюся дверь.

— На третьем этаже? — спросил Сэм. — Вы не заметили ни одной двери, пока поднимались сюда?

Пьяный переводил взгляд с меня на Сэма и обратно. Казалось, он не мог понять ни одного вопроса.

— Может, вы назовете свое имя, мистер? — предложил я ему.

Он отрицательно покачал головой.

— Не вижу никакой необходимости. Послушайте, джентльмены, я пришел сюда добровольно. Никто меня сюда не тащил, меня не арестовывали. У вас нет оснований обращаться со мной как с преступником.

Сэм возразил:

— Никто не обращается с вами как с преступником. Мы просто хотим знать, кто вы такой.

— Не возражаете, если я сяду и все объясню? — проговорил он.

— Валяйте, — сказал я.

Мужчина осторожно уселся напротив, достал пачку сигарет и бросил на меня вопрошающий взгляд. Я подтолкнул к нему пепельницу и поднес зажженную спичку к сигарете.

— Спасибо, — произнес он, затягиваясь.

Потом протянул пачку нам, предлагая закурить, но мы оба отказались.

— Как насчет объяснения… — решил я немного его подогнать.

— Ну, прежде всего, вы должны понять, что я занимаю довольно солидное общественное положение.

— Принял к сведению.

— И я не хотел бы, чтобы газеты растрезвонили, что меня посадили как обычного пьяницу. Хотя я и являюсь таковым.

Сэм заметил:

— Вы доберетесь когда-нибудь до сути, мистер?

— Я уже до нее дошел. Вы видите: я алкоголик.

— Нет! — сказал я.

— Это факт. Запойный. Иногда я месяцами капли в рот не беру. И меня совсем не тянет. Хожу на вечера с коктейлем, наблюдаю, как другие опрокидывают бокал за бокалом, но совершенно не испытываю никакого желания последовать их примеру. Потом, без всякого повода, я решаю сделать маленький глоток. И понеслось.

Ни Сэм, ни я не издали ни звука.

— Не знаю, почему так происходит, — продолжал он. — Но всегда случается одно и то же.

— Что именно? — полюбопытствовал я.

— Я пью несколько дней подряд, а потом прекращаю.

— И как долго это продолжается? — спросил Сэм.

— Три с половиной дня, — ответил он сразу.

Кто-то должен был говорить ему об этом, сам он вряд ли мог засекать время. После полутора лет безалкогольного существования.

— Вы еще ничего не сказали о том, почему пришли сюда, — настаивал я.

— Ну, сэр, я решил, что единственный путь остановить меня — это посадить под замок. Другого варианта, кроме заключения в тюрьму, я не придумал.

Я хмыкнул, а Сэм произнес:

— Вы всегда протрезвляетесь подобным образом?

Он отрицательно покачал головой:

— Пытаюсь впервые.

— Что на этот раз заставило вас принять такое решение?

Он пожал плечами.

— Просто мне показалось, что это неплохая идея.

— Не хотите ли теперь назвать свое имя? — спросил я.

Он снова покачал головой:

— Я же объяснил, почему не могу этого сделать.

Некоторое время я пристально его разглядывал, а потом предложил:

— Не возражаете, если мы посмотрим, что у вас в карманах.

Он с готовностью стал извлекать предметы из своих карманов и выкладывать их на стол: носовой платок, пачка сигарет, коробок спичек, кольцо с несколькими дверными ключами, немного мелочи, несколько денежных банкнотов, скрепленных скрепкой.

— А бумажника нет? — задал я очередной вопрос.

Он улыбнулся:

— Я это предусмотрел и оставил все, что помогло бы установить мою личность.

Мы с Сэмом опять обменялись взглядами. Сэм спросил:

— Вас когда-нибудь арестовывали?

— Нет, сэр, — ответил он, резко качнув головой.

Подцепив кольцо с ключами, я протянул его Сэму:

— Возьми их в лабораторию, пусть проверят на машине для ключей.

Мужчина выпрямился на своем стуле.

— Что это за машина для ключей? — спросил он подозрительно.

— Машина, которая идентифицирует замки, — объяснил я. — Мы узнаем ваш домашний адрес через пятнадцать минут.

Он неуверенно посмотрел на меня.

— Я не знал, что вы можете это сделать.

— Теперь будете знать. Давай, Сэм.

Сэм двинулся к двери, а мужчина проговорил:

— Минуточку.

Сэм остановился и взглянул на него. Мы оба ждали. Мужчина произнес:

— Мне бы не хотелось, чтобы узнала жена.

Мы продолжали ждать.

— Ладно, — сказал он, смирившись. — Меня зовут Джордж Купер.

— Где вы живете? — спросил я.

Он дал мне адрес. На бульваре Линделл. Пока я записывал, Сэм положил кольцо с ключами на стол и вернулся на свое место.

Я сказал:

— Теперь вернемся к важному вопросу. Почему вы пришли в отдел по расследованию убийств?

— Я же объяснил вам, — произнес Купер. — Это была первая дверь, которую я увидел.

Зазвонил телефон, и Сэм взял трубку.

— Отдел убийств, Уиггинс.

Послушав некоторое время, Сэм сказал:

— Да, он сделал это. Спасибо за сообщение.

Повесив трубку, взглянул на Купера, потом на меня.

— Отдел информации с первого этажа, — сказал он.

Просто проверяли.

— Что? — спросил я.

— Парень у них интересовался, где находится отдел убийств. И теперь они выясняли, добрался ли он сюда. Они подумали, что, может, он слишком пьян, чтобы найти сюда дорогу.

Мы разом посмотрели на Джорджа Купера, который постукивал по пепельнице, старательно притворяясь, что не понимает, о чем говорит Сэм.

Я сказал Сэму:

— Узнай, есть ли у них какие-нибудь данные о нем.

Сэм снова подошел к телефону. Я внимательно следил за Джорджем Купером, пока Сэм сообщал его имя и описание в отдел информации. Избегая моего взгляда, мужчина старательно мял окурок в пепельнице.

В ожидании ответного звонка из отдела информации, мы продолжали расспрашивать Купера, но он все еще отказывался говорить, почему обратился в отдел убийств, вместо того чтобы остаться на первом этаже. Когда наконец позвонили из отдела информации и сообщили, что у них на нашего посетителя ничего нет, мы сдались. Мы решили взять его в Центральное Управление и посадить.

Поднявшись, я сказал:

— О'кей, Купер. Пошли.

— Куда? — поинтересовался он.

— Вниз. Вы ведь хотели в тюрьму, верно?

Поднявшись, Купер начал заполнять карманы своим имуществом.

— Ну, наконец, — сказал он. — Так трудно быть арестованным. — Он помолчал и покрутил кольцо с ключами. — Все в порядке, и я могу забрать свои вещи, не так ли?

— Пока, — подтвердил Сэм. — Их проверят внизу.

Купер рассовал остальные вещи по карманам и облегченно вздохнул:

— Теперь у меня больше нет причин для беспокойства. — заметил он.

— О чем? — спросил я.

— О неприятностях.

— Какого рода?

— Понимаете, — сказал он как-то неопределенно. — Я ничего не помню после того, как отключаюсь. Находит какое-то затмение. Позже мне люди рассказывают, что я вытворял то, что не следовало бы.

— Например?

— О, различные вещи. Начинаю задираться.

— Вы где-нибудь подрались?

— Нет-нет, — быстро ответил он. — Я сказал просто к примеру.

— Вы обратились сюда, чтобы вас удержали от драки?

Он поджал губы.

— Пожалуй, можно сказать и так.

— С кем?

— С моим приятелем, — с неохотой выговорил он.

— Как его имя?

— Генри Мэркс, — ответил он еще более неохотно. — Мой ближайший сосед.

— У вас с ним какие-нибудь нелады? — поинтересовался Сэм.

— Да нет, — отрицательно покачал головой Купер. — Он увивается за моей женой, только и всего. А я ему просто сказал, чтобы он отвалил.

Сэм взглянул на меня.

— Тебе это имя о чем-нибудь говорит, Сод?

Я покачал головой.

— Совершенно ни о чем.

Сэм задумался на некоторое время, потом встал и подошел к бюллетеню на стене. Просмотрев его, он с удовлетворением кивнул.

— Так я и думал, что где-то видел это имя, — объявил он. — В списке лиц, разыскиваемых полицией. Генри Мэркс исчез в прошлую пятницу.

Мы оба уставились на Джорджа Купера, который теперь вдруг почувствовал себя не в своей тарелке.

— Вы бы лучше снова присели, мистер Купер, — предложил я. — Хотелось бы еще немного побеседовать с вами.

Нам потребовалось еще полчаса, чтобы вытянуть из Купера вторую половину истории. Поначалу он настаивал на том, что не имеет никакого представления о местонахождении Генри Маркса. Но в конце концов он стал вносить изменения в свой рассказ. Он признался, что вступил в драку с Генри Марксом, когда обнаружил того в своем доме. Но он утверждал, что драка продолжалась недолго и исчезнувший человек был в полном порядке, когда сразу же после стычки покинул его дом. Он продолжал настаивать, что драка произошла прошлой ночью. Однако, согласно полицейскому рапорту, к этому времени Мэркс уже считался пропавшим в течение трех дней. Я сказал:

— Прошлая ночь — это был понедельник. Вы уверены, что драка не произошла в пятницу?

— Разумеется, уверен, — ответил он угрюмо.

— Может, это был один из ваших обмороков, — предположил Сэм. — Может, вы где-то потеряли пару дней?

— Послушайте, — возразил Купер, — это произошло прошлой ночью. Да, до этого я действительно был без сознания, но от драки протрезвился. А когда увидел, что наделал…

Он резко оборвал себя и уставился на нас, ужаснувшись тому, что сорвалось у него с языка.

— Продолжайте, — сказал я спокойно.

— Я хочу сказать, что вообще не помню, как дрался. Не помню, как пришел домой, — совсем ничего. Моя жена мне обо всем рассказала.

— Рассказала о чем? — спросил я.

Купер переводил взгляд с меня на Сэма и выглядел затравленным зверем. Он открывал и закрывал рот несколько раз, прежде чем снова заговорил.

— Думаю, лучше вам все рассказать, — наконец произнес он. — Я и собирался это сделать, когда пришел к вам.

— Смелее, — поощрил я его.

— Я струсил. Я хотел все рассказать, когда пришел сюда.

А потом испугался.

Мы с Сэмом ждали.

После долгой паузы он выдохнул свистящим шепотом:

— Я его убил.

Мужчина уткнулся лицом в свои руки. Мы сидели, наблюдая за ним, и через несколько мгновений его руки безвольно упали вдоль тела, и он сидел удрученно свесив голову на грудь.

— Вы не хотели бы рассказать, как это произошло? — продолжал я его допытывать.

И тогда он все рассказал. Как только он сознался в совершенном преступлении, стал отвечать на все вопросы, какие мы ему задавали. Он сообщил, что ушел из дому в среднем подпитии около восьми часов вечера в прошлую пятницу. Обойдя несколько кабаков и ночных клубов, снял номер в отеле и продолжал пить там. Суббота, воскресенье и понедельник выпали из его памяти. Он не помнил ничего за исключением короткого периода, когда очнулся на кушетке в передней своего дома, разбуженный женой. Генри Мэркс лежал на полу, его голова была раскроена каминными щипцами.

— Вы не припомните никаких подробностей своей драки? — спросил я.

— Только то, что мне рассказала Элен, — тупо проговорил он. —

Она видела все.

— Что же она рассказала?

— Я вошел, пошатываясь, увидел Генри и стал обвинять его, что он преследует Элен. Слово за слово, и в конце концов он меня ударил. — Купер пощупал свой подбородок. — Должен был помнить это, ведь еще болит. Но не могу вспомнить.

— Что случилось потом? — спросил я.

— Элен говорит, что я упал у камина. А когда поднялся, в моей руке появились каминные щипцы. Я взмахнул ими, и Генри свалился. — В голосе его прозвучала усталость. — Вот и все.

— Не совсем, — возразил я. — Осталась еще одна маленькая деталь, которую вы скрыли. Что вы сделали с телом?

— Ах, это, — произнес он почти с безразличием. — Мы закопали его на заднем дворе. — Помолчав немного, он предложил: — Я покажу вам — где, если вам захочется.

Мы сказали, что нам бы хотелось. Задержав по подозрению в убийстве, мы взяли его под стражу. Перед тем, как покинуть управление, мы вызвали лабораторию и попросили техника встретить нас у дома Купера. Мы полагали, что он приведет с собой пару крепких новичков с лопатами. И затем поехали на бульвар Линделл к дому Купера.

Купер жил прямо напротив Форест-парка, в одном из самых богатых кварталов Сент-Луиса. Значит, он действительно мог занимать весьма видное общественное положение, как он нам заявлял. Его дом, двухэтажное светло-коричневое здание, отступал на пятьдесят футов от улицы, и от соседних домов с обеих сторон его отделяло пространство не менее ста футов.

Сэм повернул машину на подъездную дорожку и остановился рядом с домом. Мы вылезли из машины и пошли вокруг дома. Приведя нас на заднюю часть двора, Купер мрачно кивнул в направлении свеже-вскопанного участка сада.

— Вон там, — сказал он поникшим голосом.

— Тонкая работа, — заметил Сэм. — Все сглажено и выровнено. А что вы сделали с лишней землей?

— Засыпали в эту же яму и утрамбовали.

— Как вам удалось проделать такую чистую работу в сильном опьянении? — спросил Сэм. — И как случилось, что соседи вас не видели?

— Элен мне помогала. А прошлая ночь была темной. Светом мы не пользовались, разве что потом посветили, чтобы знать, как все

выглядит.

Открылась дверь черного хода, и вышла стройная, довольно симпатичная женщина лет сорока. Ее лицо было озабоченным, а глаза расширились, когда она увидела Купера в наручниках.

— В чем дело? — спросила она повышенным тоном. — Вы что — полицейские?

— Да, мэм, — подтвердил я. — Я сержант Сод Харрис из отдела убийств. А это офицер Сэм Уиггинс.

— Убийств? — удивилась она. — Почему мой муж в наручниках? Джордж, что это такое?

— Я рассказал им обо всем, — тихим голосом проговорил Купер.

— О чем? — Она уставилась на меня. — Что он натворил?

— Как мы поняли, вы все знаете, леди, — ответил я.

Она испуганно переводила взгляд с меня на Уиггинса, а потом на своего мужа.

— Знаю — что?

— Бесполезно, Элен, — промолвил Купер усталым голосом. — Я рассказал им все.

Ее нервный взгляд снова прошелся по нашей троице. Она сделала глубокий вдох и быстро выпалила:

— Я не имею к этому никакого отношения.

Я возразил:

— Боюсь, все не так просто. Ваш муж говорит, что вы помогали ему спрятать тело.

Взглянув на Купера, она нервно стала сжимать и разжимать пальцы.

Сэм продолжил мою мысль:

— А это делает вас соучастницей, леди.

— Вы не можете меня обвинить в том, что я не сообщила об этом, — сказала она. — Он мой муж. А жена не свидетельствует против собственного мужа. Верно?

— Разумеется, — сухо согласился Сэм. — Но она все же не должна помогать хоронить тела убитых.

Арт Уорд из лаборатории появился примерно через четверть часа с сумкой инструментов и камерой. Его сопровождали двое полицейских с лопатами. Миссис Купер уставилась на лопаты, как будто видела их впервые в жизни.

— Привет, Сод, Сэм, — окликнул Уорд. — Где копать? — Онс любопытством глянул на Купера и миссис Купер.

Я указал на место, где следует рыть.

— Прямо здесь, Арт. Здесь должно быть тело. — Я повернулся к женщине. — Может, вам лучше зайти в дом, пока они копают, миссис Купер.

Она кивнула и двинулась к дому, за ней последовал муж, мы с Сэмом замыкали шествие.

Один из полицейских воткнул лопату в землю, когда мы покидали двор.

Она не повела нас дальше кухни. Предложив сесть за кухонный стол, произнесла сконфуженным голосом:

— Прошу вас извинить за обстановку. Слуги в отпуске на несколько дней. Я… я всегда их отпускаю, когда Джордж… — Ее голос замер.

Купер сказал угрюмо:

— Она имеет в виду, что дает им отпуск, когда я валюсь с катушек. Она не хочет, чтобы они знали, каким я бываю.

Я огляделся вокруг. Место выглядело для меня слишком чистым.

— Теперь, миссис Купер, не хотите ли вы нам рассказать о прошлой ночи?

Она стояла у окна, удрученная, и ее внимание разрывалось между нами и тем, что происходило во дворе.

— Что тут рассказывать? — удивилась она. — Джордж вам обо всем рассказал.

— Нам хотелось бы услышать вашу версию, — возразил я. — Кстати, мы вошли в дом, чтобы вы не могли наблюдать за тем, что происходит во дворе. Не считаете ли вы, что было бы лучше отойти от окна?

Вспыхнув, она вернулась к столу и плюхнулась в кресло.

— Чего вы ждете от моего рассказа, сержант? Джордж Дришел домой пьяным и увидел здесь мистера Мэркса. Они начали драться, и Джордж ударил его каминными щипцами. Вот и все.

— Почему мистер Мэркс оказался здесь? — поинтересовался я.

— Он пришел сюда за пятнадцать минут до возвращения Джорджа. И тоже был пьян, но я поняла это не сразу, а лишь когда пригласила его войти. Он… он вел себя довольно нахально. Я велела ему покинуть дом, но он не послушался. И тут ввалился Джордж, и завязался спор. Этого бы никогда не произошло, если бы Джордж находился в своем доме, а не шатался по кабакам. Пьянство послужило причиной случившегося. Сколько раз я предупреждала моего мужа! Джордж, разве я не делала все возможное, чтобы заставить тебя остановиться?

— Думаю, да, — согласился тот упавшим голосом.

Раздался стук в заднюю дверь. Миссис Купер хотела пойти открыть, но я помахал ей рукой, чтобы она оставалась на месте, и сам пошел к двери. Арт Уорд стоял на заднем крыльце. Выйдя к нему, я прикрыл за собой дверь.

— Все в порядке, Сод, — сказал он. — Раскроена голова. Он находился всего на глубине фута.

Я пошел вместе с ним к месту погребения, чтобы взглянуть на тело. Его подняли из ямы, и оно все было испачкано в земле.

— Сколько времени он здесь пролежал? — спросил я Уорда.

Тот пожал плечами.

— Никакого вздутия. Я думаю, примерно сутки. Если ты хочешь установить точное время, тебе следует подождать судебного врача и результатов вскрытия.

— По нашей информации, он умер прошлой ночью.

— Я прикинул лишь приблизительное время, — согласился он со мной. — По такой погоде не нужно слишком много времени, чтобы тело начало разбухать. Однако никаких признаков этого нет.

Я послал полицейского в форме сообщить печальную новость жене жертвы и чтобы он привел ее сюда для установления личности убитого. Жена Маркса оказалась маленькой, как мышка, женщиной средних лет, и едва не потеряла сознание, когда увидела, что осталось от ее мужа. Она сумела идентифицировать мужа, но была слишком подавленной, чтобы отвечать на вопросы. Я отправил ее обратно домой в сопровождении того самого полицейского, который ее привел. Я сказал ему, чтобы он вызвал по телефону семейного доктора, если ей потребуется успокоительное. Потом вернулся в дом Купера.

Я взял с собой Арта Уорда, который нес сумку с набором лабораторных инструментов. Миссис Купер провела нас в переднюю и указала на каминные щипцы с засохшей на них кровью, которые все еще лежали рядом с камином. Я велел Уорду снять с них отпечатки и отправить их в лабораторию.

Здесь нам больше нечего было делать. Сэм вызвал машину из городской больницы, чтобы забрали тело в морг, а я тем временем пошел к дому миссис Мэркс, выяснить, что она поделывает. Ее семейный врач уже прибыл и дал успокоительные таблетки. Я попросил служанку, чтобы она передала своей хозяйке приглашение прийти завтра утром ко мне в Управление или же позвонить по телефону, если она не сможет подняться.

Мы забрали мистера и миссис Купер с собой в центр. Поскольку мистер Купер был уже арестован, мы его просто поместили в камеру в

Центральном Управлении. Для дальнейшего расследования мы задержали миссис Купер по подозрению в соучастии в убийстве и оставили ее на ночь.

На следующее утро, в среду, служанка миссис Мэркс позвонила и сообщила, что ее хозяйка чувствует себя лучше и может прибыть к нам к десяти часам утра, если это удобно. Я сказал, что было бы хорошо.

Через несколько минут Арт Уорд позвонил из лаборатории.

— На каминных щипцах масса отпечатков, — сказал он. — Мистера Купера, миссис Купер, каких-то других людей, возможно, слуг. Всех, кто поправлял огонь в камине прошедшей зимой, как я полагаю.

— Какие-нибудь из них отпечатались поверх других, чтобы можно было узнать, кто держал щипцы последним?

Он фыркнул.

— Так бывает только в кино. Мы не отличаемся такой точностью.

Мышка — миссис Мэркс — появилась в комнате следователей, едва я повесил трубку. С Сэмом она вчера не виделась, потому что он в тот момент был в доме Куперов. Представив Сэма, я предложил даме сесть.

— Мы очень сожалеем, миссис Мэркс, что вынуждены были вас побеспокоить вскоре после тяжелой для вас утраты, — произнес я. — Но, поверьте, это необходимо.

— Все в порядке, — вяло проговорила она.

— Мы постараемся вас долго не задерживать, — заверил я.

— Мы сознаем, как это для вас болезненно.

— У меня уйма времени, — сказала она удрученно. — Время — это все, что у меня осталось. Но, полагаю, жаловаться мне не следует. Большую часть жизни я провела в ожидании.

— Как это понимать? — заинтересовался я.

— Из-за него. Если бы можно было вернуть все те часы, которые я провела, дожидаясь его возвращения и вопрошая, где он…

Когда ее голос замер, я спросил:

— Ваш муж?

Она кивнула.

— Я никогда его в этом не упрекала. Он был очень красив, понимаете. А я такая невзрачная. Пожалуй, я была счастлива с Генри, хотя мне и приходилось делить его с другими женщинами.

Такой философский подход показался мне странноватым, но я не собирался вступать с ней в дискуссию.

Я сказал:

— Необходимо уточнить время исчезновения вашего мужа, миссис Мэркс. Это позволит нам восстановить картину его передвижений. Сейчас мы знаем из рапорта дежурной полицейской службы, что вы впервые заявили об его исчезновении около девяти часов вечера в пятницу.

— О нет, — возразила она. — Я не искала его до восьми часов субботнего утра. Я просто видела его в последний раз в пятницу в девять вечера.

— Значит, я не так понял.

— Он ушел около девяти вечера в пятницу, — пояснила она. — Меня всегда ввергало в подавленное состояние, когда он не приходил домой, но я не беспокоилась. С ним никогда ничего не случалось. И не впервые он отсутствовал всю ночь. До семи тридцати я на самом деле не волновалась. Но около восьми утра уже знала, что с ним что-то случилось.

Сэм спросил:

— С какой стати?

— Он всегда приходил домой, чтобы побриться и принять душ перед тем, как отправиться на работу. Ему принадлежал «Универмаг Мэркса», понимаете, и он никогда не пропускал времени его открытия. Он всегда говорил: если босс не может прийти на работу вовремя, он ни от кого не дождется помощи. Он никогда не возвращался домой, кроме воскресенья, позже семи тридцати утра.

Я спросил:

— Есть какое-нибудь предположение, где он провел ночь, уйдя из дому в пятницу вечером?

— Я думала — да. Но решила, что ошиблась, когда увидела ее утром в субботу выходящей за покупками.

— Кого? — спросил я.

— Миссис Купер, из соседнего дома. Она всегда отправляется в центр за покупками в субботу утром. Наряжается с ног до головы и примерно в одиннадцать покидает дом. Когда я увидела ее выходящей в обычное время, то пришла к выводу, что была не права. Едва ли она могла оставить его одного в своем доме.

Сэм решил уточнить:

— Значит, вы думали, что ваш муж мог провести ночь в доме Купера?

— Естественно, — сказала она. — Элен Купер была его последним интересом. Все соседи знали об этом.

— Так ли? — заметил я. — И мистер Купер?

— Ну, возможно, он и не знал. Зато все остальные — наверняка. Общие сплетни.

Я попросил ее быть более конкретной, и она сообщила нам имена двух подруг-соседок, кому сама говорила о своих подозрениях в отношении мужа и Элен Купер. Мы также расспросили о последних передвижениях ее мужа, однако она мало чем могла в этом помочь. Она сказала, что наблюдала за ним до тех пор, пока он шел по улице в направлении Кингз-хайвей и свернул прямо за домом Купера. Если он позже вернулся, она не могла этого увидеть.

Мы поблагодарили ее за сотрудничество и отпустили домой.

— Теперь давай познакомимся с этими соседками, — предложил я Сэму Уиггинсу.

Обе соседки, чьи имена назвала миссис Мэркс, подтвердили сказанное ею. Они заявили, что частенько видели Мэркса входящим в дом Купера, когда сам Джордж Купер отсутствовал.

Мы перекусили перед тем, как отправиться обратно в центр. Вместо того чтобы вернуться прямо в управление, мы задержались у морга, который находился по дороге к нашему офису.

Доктор Аллен Шварц производил вскрытия. Мы нашли его в своем кабинете.

— Объяснить вам в медицинских терминах или обычными словами? — спросил он.

— Давайте попроще, — попросил я. — Сэм не слишком образован.

Сэм глянул на меня.

— Разумеется, — согласился он. — Ведь Сод закончил начальную школу с отличием.

— Его череп проломили тупым предметом, — коротко произнес доктор Шварц. — Этого достаточно?

— Вполне, — сказал я. — Можете ли вы установить точное время наступления смерти?

— В таком случае, как этот, установить точное время наступления смерти не так-то просто. Если вы мне не сообщите, когда он ел фаршированный перец во время обеда.

— Что вы этим хотите сказать? — удивился я.

— Тело находилось в каком-то морозильнике. Он мог умереть и неделю назад.

Мы с Сэмом переглянулись. Сэм проговорил:

— Вы можете назвать хотя бы приблизительное время, когда он мог умереть?

Доктор пожал плечами.

— Несколько дней назад. Ночью в прошлую пятницу, в субботу утром, может быть.

Мы поблагодарили его и вернулись в Управление. Заглянув в Центральный округ, вызвали к себе Джорджа и Элен Купер для дальнейшего допроса. Купер протрезвел и находился в состоянии тяжелого похмелья. Из-за этого был меньше настроен к сотрудничеству, чем вчера. В то время как его жена опустилась на стул, он сесть отказался, предпочитая стоять и оглядывать нас с Сэмом свирепым взглядом.

— Ну? — воскликнул он. — Закончили вы свое расследование, полицейские?

— Почти, — ответил я. — За исключением нескольких вопросов.

— Имеющих отношение к расследованию?

Его тон заставил меня удивленно посмотреть на него.

— Что вы имеете в виду, мистер Купер?

— Меня просто интересует, как работают копы. Когда кто-нибудь признается в преступлении, вы принимаете это к сведению и ставите точку или же выходите наружу и немного копаете?

— Немного копаем, — заверил я его.

Он раскрыл рот, собираясь что-то сказать, затем поморщился и свесил голову.

— Ух! У вас найдется аспирин?

— У меня в столе. Здесь, — сказал Сэм.

Он повел Купера к своему столу в другой угол комнаты, достал стакан воды из холодильника и дал ему запить аспирин.

Я обратился к женщине:

— С тех пор как мы виделись с вами вчера, всплыли еще кое-какие обстоятельства, миссис Купер.

— Какие?

— Вы забыли упомянуть, что были дружны с Генри Мэрксом.

Ее лицо окаменело.

— Какое это имеет отношение к делу?

— Кажется, всей округе известно, что он…

— Сплетни! — прервала она с возмущением. — Значит, таков ваш способ ведения следствия! Шныряете вокруг и собираете сплетни!

— Один из методов.

— Ладно, это неправда. Бьюсь об заклад, я знаю, кто начал распространять эти слухи.

— Да? И кто же?

— Эта маленькая мегера, Виола Мэркс. Она такая ревнивая, что

готова клеветать на собственного мужа, чтобы насолить ему.

— Даже для чего? — спросил я.

— Хочет выглядеть лучше, чем на самом деле. И ненавидит меня за это.

Сэм и Джордж Купер вернулись от холодильника.

— Будь я проклят, если когда-либо еще притронусь к выпивке, — проговорил Купер.

— Чувствуете себя получше? — спросил Сэм.

— Пока нет. Но будет лучше.

Я сказал:

— Я только что расспрашивал вашу жену о некоторых новых обстоятельствах, мистер Купер.

Элен Купер громко заявила:

— Надеюсь, вы не осмелитесь повторить эти клеветнические измышления!

Купер поморщился и бросил на свою жену неприязненный взгляд.

— Почему надо кричать? — Он повернулся ко мне. — Что это за клевета?

— Вряд ли это клевета, — сказал я. — Мы весьма точно установили, что у вашей жены был продолжительный роман с Генри Мэрксом.

Выражение возмущения появилось на лице миссис Купер, но, казалось, реакция ее мужа поразила ее еще больше — он попросту ничего не сказал. Он не выразил ни изумления, ни негодования, а лишь кивнул.

— Вы знали? — поинтересовался я.

— О нет, — возразил он. — Только подозревал. *Я* пару раз заставал его у нас в доме. Элен утверждала, что он в нее влюблен, но она отвергла его; она умоляла меня не поднимать из-за этого шума, чтобы не беспокоить соседей. Сказала, что без труда может его осадить. Я прикинулся, что я у нее под каблуком, и позволил ей думать, будто поверил, хотя на самом деле не вполне ей доверял.

— Джордж! — вскричала она потрясенно. — Как ты можешь говорить такое?

Он не обратил на нее внимания. Я продолжил:

— Другим открытием стало то, что Мэркс умер примерно за три дня до вашей с ним драки.

Мое сообщение удивило его.

— Три дня? — повторил он, ничего не понимая. — Как могло такое случиться?

— Почему бы вам не спросить свою жену?

Он повернулся и уставился на Элен Купер. Та подняла подбородок и отвела взгляд в сторону.

— Он пролежал там мертвым три дня? — проговорил Купер медленно.

— Угу, — подтвердил я.

— Вы лжете! — завопила женщина, обращаясь ко мне.

Купер зажал уши руками и пересек полкомнаты, чтобы плюхнуться в кресло. Его жена следила за ним, а когда он посмотрел на нее, она перевела взгляд на меня и напряженным, тихим голосом спросила:

— Почему вы считаете, что он был мертв три дня?

— На основании заключения судебного врача, — ответил я.

— Он ошибся.

— Едва ли, — возразил я. — Тело Маркса находилось в вашем доме все это время. Не старайтесь нас убедить, что вы этого не заметили.

Она нервно сжимала и разжимала кисти рук, стараясь найти выход из положения.

— Я просто ошиблась на день, вот и все. Джордж убил его в пятницу. Во всех этих волнениях я просто…

Ее голос затих, когда мы оба недоверчиво качнули головами.

Я предложил:

— Почему бы вам не рассказать, как все произошло, чтобы сэкономить время?

Она переводила свой взгляд, полный безнадежности, с одного на другого. Наконец, прошептала:

— Я не хотела этого делать. Честное слово.

Мы ждали продолжения.

— Это произошло непроизвольно. Когда он сказал…

Ее голос упал.

— Когда он сказал — что? — подтолкнул я ее.

Удрученно, утратив все надежды на спасение, она произнесла:

— Он сказал, что собирается вернуться к ней.

— К своей жене? — спросил Сэм.

— Да. К этому невзрачному ничтожеству. После всего что мы испытывали друг к другу, он заявил, что я была всего лишь промежуточным этапом. И сказал, что любит ее.

— И что потом? — спросил я.

— По-моему, у меня помутился разум. Передо мной лежали каминные щипцы, и я подняла их. Я… после произошедшего я не

знала, что делать. Я… в первую ночь я прятала его в чулане до тех пор, пока не придумала, как избавиться от него.

— Продолжайте, — сказал я.

— Потом я испугалась… испугалась, что от него может пойти запах. Тогда я его положила в ванну. Вышла и купила колотый лед. Принесла домой большую сумку и обложила его льдом. — Ее голос перешел в шепот. — Потом у меня мелькнула мысль о спасении. Я знала, что Джордж должен явиться домой в обычном виде. Мертвецки пьяным. Он бы ничего не вспомнил.

Я взглянул на Джорджа Купера. Слушал он внимательно, но все еще не казался обеспокоенным. Мне почудился легкий признак триумфа в выражении его лица.

— Вы знали, что она это проделала, — бросил я ему обвинение.

Он покачал головой и снова поморщился.

— Только подозревал, сержант, но не знал.

— Тогда к чему ваше самообвинение? Почему вы просто не поделились с нами своими подозрениями?

— Вы должны помнить, что я был пьян в то время и не слишком ясно соображал. Я знал лишь, что если Элен лгала мне о себе и Марксе, то с таким же успехом могла солгать, что я его убил. Я не знаю, как расследуют убийства. Я прикинул, что если вовлеку полицию в это дело, может быть, обнаружится истина. Мне в голову не приходило, пока я не признался, что если моя жена была невиновна, то я оказывался в настоящей западне. Но потом было уже слишком поздно.

— Ты думал только о себе, — завопила миссис Купер. — Ты просто хотел избавиться от меня!

Отчаяние исказило его лицо. Зажав уши ладонями, он уставился на нее.

— Ты начинаешь соображать, — проговорил он.

Перевел с английского Ст. Никоненко

INFO

8 (283)

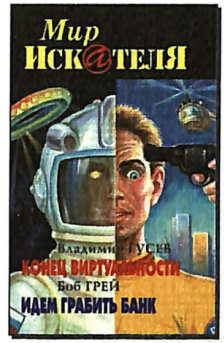
2002

Главный редактор
Евгений КУЗЬМИН
Редактор
Александра КРАШЕНИННИКОВА
Художники
Иван ЦЫГАНКОВ
Александр ШАХГЕЛДЯН
Технолог
Екатерина ТРУХАНОВА
Адрес редакции
125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 1607
Телефон редакции 285-4706
Телефон для размещения рекламы 285-4706
Служба распространения 361-4768, 362-8996
E-mail iskateli@orc.ru
mir-iskatel@mtu.ru
Учредитель журнала
ООО «Издательский дом «ИСКАТЕЛЬ»
Издатель
ООО «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
© «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
ISSN 0130-66-34
Свидетельство Комитета Российской Федерации
по печати о регистрации журнала
№ 015090 от 18 июля 1996 г.
Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в других странах.
Подписано в печать 30. 07. 2002. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ л. 8,4.
Тираж 16000 экз Лицензия № 06095 Заказ № 23045
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Молодая гвардия»
103030, г Москва, Сущевская ул, д 21

……...

Сканирование и обработка CRAZY_BOTAN
FB2 — mefysto, 2025

ИСК@ТЕЛЬ 8'2002



Подписные индексы:

«Искатель»
70424, 42785 и 40940,

«Мир «Искателя»
40920,

«Библиотека «Искателя»
42827,

«Детективы «Искателя»
38304.

Подписаться можно
с любого номера.

ISSN 0130-6634

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ
70424, 40940, 42785